

МАТЬ ВСЕХ

Дорог

МЕГАН КУИН

И за миллион лет я никак не могла представить себя в образе девушки, разрубающей топором разноцветные фланелевые рубашки, для создания лоскутного одеяла. Но вот она я, занимающаяся именно этим, стараясь справиться с разочарованием. Все началось, когда мой брат Пол убедил меня поехать в последнее семейное путешествие по «Матери всех дорог» вместе с ним и отцом. Как в старые добрые времена? Нет. Пол забыл упомянуть, что также он пригласил с нами своего лучшего друга, Портера Смита, который был моей детской влюбленностью и мужчиной, разбившим мне сердце 4 года назад. То, что предполагалось быть веселым семейным путешествием по знаменитому «Шоссе 66» — превратилось в постоянные перепалки, неловкие моменты, и ванную, полную грязных фланелевых рубашек. Вечные подколки Пола, дьявольская улыбка Портера, превратили наше недельное путешествие по Америке в стареньком домике на колесах в настоящее безумие. Но это было не самое страшное. Просыпаясь каждое утро, мне пришлось наблюдать, как соседский мальчишка, укравший мое сердце, превратился в сексуального мужчину, от которого у меня до сих пор перехватывает дыхание.

Название — *«Mother Road»/ «Мать всех дорог»*

Автор — *Meghan Quinn /Меган Куин*

Переводчик — *Олеся Левина*

Оформление — *Наталия Павлова*

Обложка — *Врединка Тм*

Посвящается моей семье —

за то, что предоставили мне такой ценный материал для этой книги.

Я люблю вас.

Пролог

— Марли, опусти топор вниз и отойди от вещей, — говорит Портер, протянув руки, как будто пытается помочь.

— Ты не в лучшем расположении духа. Это не ты. Ты не психопатка, размахивающая топором, в попытке разорвать на длинные ленты ткань для своей разноцветной, клетчатой мульчи (*мульча — подкормка для растений, сделанная из подручных материалов: листья, сорняки, компост и т. д.*), — пытается отговорить меня Пол.

— Пуговка, пожалуйста, опусти топор. Мы можем обсудить все, что тебя беспокоит. Пожалуйста, прекрати шинковать папину клетчатую рубашку.

Давайте остановимся на секундочку — вы видите этих троих мужчин, стоящих в сторонке, страх в их глазах, пот на их висках, руки на их талиях, а их задницы, сжаты так, что могут с хлопком открыть бутылку пива?

О да, эти трое — причина, по которой я с пеной у рта схватила топор в три раза больше себя, а мои каблуки утопали во влажной, грязной почве.

Это я, Марли МакМэнн, брюнетка в «деревенском», оранжевом платье подружки невесты, с цветами, торчащими из волос, и с кучей разноцветного, отвратительного, синтетического тряпья, лежащего передо мной, которое будет порублено мной на кусочки хомячьего дерьма.

Я обычно не угрожаю, что срежу все пуговицы с мужской одежды свинцовым лезвием достаточно большим, чтобы вырезать сложное, похожее на вагину, дерево Сикаморы. Но всему есть предел.

В жизни девушки наступает время, когда она должна заглянуть глубоко в душу, расчистить путь для своей внутренней богини, и выпустить своего взрывоопасного Сатану. Вы знаете, о чем я говорю.

Безумие.

Даже не пытайтесь прикинуться, что у вас такого не было, — у каждой женщины это было.

Позвольте мне обрисовать вам всю картину. Это «критические дни» или «акуля неделя», как некоторые их называют. Твои яичники разыгрывают гражданскую войну, а смерть движется по твоим фаллопиевым трубам. Ты корчишься от боли, лежа на диване, половина батончика Сникерса свисает у тебя изо рта, грелка прижата к твоим внутренностям, и одеяло обернуто вокруг тебя, как будто ты венская сосиска в рогалике Pillsbury. Канал Холмарк показывает тот фильм с Марио Лопесом, который тебе так не терпится увидеть и не потому, что там хороший сюжет, а потому что ты хочешь предаться воспоминаниям о днях с «Спасенные звонком» (*амер. подростковый ситком, с Марио Лопесом в гл. роли*). Марио — это все, что тебе нужно сейчас, как и шоколад, медленно стекающий прямо в горло.

Ты довольна, за исключением сражения, проходящего в твоей матке. Внезапно, из неоткуда, мужчина твоей мечты плюхается на диван, пуская дрожь в твоём коконе. Грелка сдвигается, а батончик Сникерса падает на пол — просто карикатура. Достойный обморока кадр, где Марио без рубашки, грубо переключается на какую-то дурацкую спортивную игру, когда задница этого мужчины падает рядом с тобой и разрывается от двух огромных пучков.

Ты чувствуешь, как начинает просыпаться монстр внутри тебя?

Ты стараешься сохранять спокойствие; ты говоришь себе, что все в порядке, твоя жизнь не выйдет из-под контроля из глубин ада...пока один простой щелчок его костяшек раздаётся в комнате.

Один простой хлопок.

Ты проиграла. Твой глаз дергается, огонь выстреливает из твоей вагины, а твои ногти вырастают до показательной длины птеродактиля. Ты вцепилась ему в глотку, царапая его яремную вену пальцами ног, пока не удовлетворишься кровавой бойней, которую устроила ему.

Это и есть тот момент, в котором я нахожусь.

Положа руку на сердце, я приятный человек. У меня есть свой бьюти-блог и жизнь в солнечном Лос-Анджелесе, где я плачу гребанную кучу денег за квартиру с двумя спальнями, размером с гардероб, но я над этим работаю. Вы знаете эти скрытые кровати-раскладушки? У меня есть такая, завидуйте. Я работаю дома, тестируя различные косметические средства, и пишу о них. У меня довольно легкая жизнь, или, по крайней мере,

была.

Все началось, когда мой старший брат Пол решил жениться. Нет, это не одна из историй, когда я рассказываю о дьяволе, проснувшемся в невестке, и как она разрушила мою жизнь. Я вообще-то обожаю Саванну, она идеальна для моего брата, за исключением огромных глаз. Я клянусь, она моргает в три раза меньше, чем обычный человек.

Все это произошло за неделю до свадьбы брата...неделя, которую я упоминаю в своем блоге как путешествие трех бород и одной кисточки для туши.

Запутались? Не переживайте — вы очень быстро поймете что я за человек.

Глава 1

Марли

— Твои ноги — это корни, а руки — ветви. С уверенным сердцем и целью в душе, посади свои корни в землю своей жизни и дай своим ветвям расцвести в небо, где твоя душа пропитает их спокойствием. Правильно... вдох два-три и выдох два-три. Почувствуй ритм своего сердца и ритмы Матушки природы.

— Почему я позволила тебе втянуть меня во все это? — проворчала Мариса.

Мои корни посажены, а ветви обдуваются легким ветерком, и я не обращаю внимания на ворчащую Марису рядом со мной.

— А сейчас я должна позволить своему сердцу слиться с Матушкой природой, когда та сучка испортила мои новые замшевые туфли во время нашей вчерашней ругани? Почему бы ей не пролиться здесь дождем?

— Тогда это будет называться каналом о погоде, — я вдыхаю, отгоняя негативные вибрации, которые Мариса отправляет в мою сторону, и посылаю их подальше от моего тела. — Постарайся сосредоточиться.

— На втором выдохе, я хочу, чтобы вы прогнулись вперед в позе «ныряющего лебедя». По вашему счету, — сказал спокойный голос инструктора.

Я сделала два глубоких вдоха, раскинула руки и нырнула вперед, пока моя грудь не прижалась к коленям. Я обхватила голени сзади и ощутила сильное растяжение в коленях. Я пытаюсь слиться с Матушкой Природой, поговорить с ее замшелой душой, но, похоже, не могу попасть в туже волну, что и она.

— Все люди здесь странные, — шепчет Мариса, привлекая к нам внимание.

Инструктор наклоняется к нам, ее пурпурные легинсы появились в поле зрения.

— Дамы, давайте очистим наши умы. Мы здесь чтобы почувствовать, как открывается наша аура, подобно цветку лотоса от силы дыхания.

— Единственным цветом лотоса, который откроется для меня, будет — если Джонни зайдет ко мне сегодня. Ты видела его последнюю фотку в Инстаграме? Мальчик пытается меня убить.

Каждый вторник я зову Марису с собой на занятия йогой, и каждый вторник она жалуется на инструктора, а когда ЛуЛу Лемон скручивает всех присутствующих, она на протяжении всего занятия рассказывает о Джонни, ее любовнике.

У Джонни шесть кубиков на животе, ты знала?

Джонни — модель нижнего белья и он ничего не подкладывает себе в трусы — поверь мне, я знаю.

Джонни может сожрать тебя, как будто он голодный обкуренный парень первый раз увидевший коробку SnackWells (*марка печенья*).

Каждый чертов вторник, я вынуждена выслушивать похвалу Джонни. Я слышала, какой у него игривый шершавый, как у кошки, язычок и все о его жилистом члене с огромными яйцами, и когда я говорю гигантские, я представляю такую картинку. Представьте засохшую трехнедельную мускусную дыню с торчащей сверху морковкой — это и есть яйца Джонни. У него такой огромный малыш с орешками, который готов оплодотворить любую яйцеклетку, попадающуюся у него на пути.

— На следующий ваш вдох, отступите правой ногой назад, а затем левой, и зафиксируйтесь в позе «склонившейся собаки».

Как часовой механизм, мое тело выполняет все требования инструктора. Мягко льющаяся вода и щебетание птиц доносятся из динамиков, пока мое сознание пытается отключиться, отделяя комментарии Марисы от моих мозгов.

— Что за вонь? — такое ощущение, что Мариса делит со мной один коврик, она так близко.

Я украдкой замечаю, как она приближается ко мне, двигаясь пальцами дюйм за дюймом.

— Возвращайся на свой коврик, — нападаю на нее я.

— Здесь воняет, как будто кто-то съел прошлогодний буррито, и это скрывает одна из этих дамочек.

— Мариса... — мои нотации прерываются низки гулом чьей-то филейной части.

Вися вниз головой, Мариса выпучила глаза от удивления:

— Смотри.

Подняв голову, я огляделась, чтобы увидеть, чья обтянутая штанами для йоги задница, распространяет отвратительный аромат.

Будучи девушкой, я хотела обвинить во всем миниатюрную блондинку, чья «склонившаяся собака» ближе всего, что если я упаду, то могу удариться об ее копчик, но это не она — жизнь не настолько удачна.

Пфффттт...

Мариса приблизилась еще ближе ко мне, от чего кажется что мы посреди занятия йогой для пар.

— Мариса, у тебя будут неприятности.

Пфффттт...

— Вы что издеваетесь надо мной, — бормочу я, снова оглядевшись и заметив дамочку прямо напротив коврика Марисы, которая расставила ноги и трясла своим задом в воздухе, как будто она пытается выпустить на воздух пузырь, который был заключен в ее трениках несколько дней.

Мариса ударила своим локтем о мой и бросила на меня яростный взгляд.

— Я же говорила тебе. Эта дамочка пукает.

— Успокойся, — говорю я себе под нос, не желая заставить бедную пожилую женщину с отвисшими штанами и большими трусиками смутиться. Йога — место для отдыха, а не осуждения.

Пфффттт...

— Эй, — Мариса придвигается ближе вперед и ударяет ее по лодыжке, — Мадам, не могли бы вы прекратить пукать? Я вообще-то пытаюсь дышать, там сзади.

— Мариса, — прошипела я.

— У вас какие-то проблемы, дамы? — инструктор направляется к нам, явно огорченная нашим нарушением спокойствия.

Будучи несносным человеком, Мариса вышла из коленно-локтевой позиции и уселась на задницу, скрестив ноги.

— Вот эта, она пердит, и честно говоря, портит мою ауру, — Мариса ткнула своим пальцем в бедную пожилую женщину.

— У тебя нет ауры, — отчитала ее я, за унижение меня и «Пукающей Тани».

— Эдит, у вас есть какие-то проблемы с кишечником сегодня? — спрашивает инструктор.

Я предпочитаю называть ее «Пукающая Таня». Аллитерация заставляет мой язык заискриться, но я принимаю имя Эдит.

С глухим звуком, Эдит падает на пол и смотрит плутовским взглядом на инструктора.

— Я ела вчера Калифорнийский буррито в «Альберто». *Carne Asada* (мексиканский рецепт буррито) никогда не держится во мне.

— Я знала, что пахло необработанным мясом! — выдвинула обвинение Мариса, от чего у меня сработал рвотный рефлекс.

Эдит посмотрела убийственным взглядом на Марису.

— Было бы неплохо, если бы вы вспомнили о манерах, юная леди. Когда вы станете старше, то поймете, что не так-то легко сдерживаться. Пусть это будет для вас уроком.

— Меня это не беспокоит, — Мариса откидывается назад на свои руки. — Я уже начала упражнения Кегеля.

Эдит села на колени, приблизившись к Марисе.

— Метеоризм — это, когда газы выходят из твоей задницы, а не из вагины.

Угрожающая позиция Эдит не пугает Марису, скорее больше подстрекает к действиям. Делая упор на руки и колени, Мариса располагается прямо перед лицом Эдит.

— Не беспокойтесь, бабуля. В отличие от вас, я не планирую принимать участие в анальной оргии в свои двадцать лет, чем вы, я уверена, занимались. Мои бедра останутся более упругими, чем ваш безумный ростбиф, расположенный между ваших дряблых бедер.

Испуганный взгляд Эдит встретился с моим, когда я свалилась из своей позиции от чистого шока.

— Как тебе не стыдно! — рычит Эдит и замахивается, чтобы ударить Марису.

Мариса, как ниндзя, перекачивается на другую сторону, увернувшись от пощечины, и выдергивает коврик для йоги из-под Эдит, заставляя пожилую женщину опрокинуться на спину, ее ноги взлетели вверх и невероятного размера лобок, оказался у всех на виду. Мариса отбросила коврик в сторону, встряхнула руками, и сказала:

— Ты абсолютно точно разрушила всю атмосферу занятия для меня, мамуля. Я больше не чувствую мои бобовые ростки или как они там называются.

— Корни, — бессознательно подсказываю я.

— Да. Я не чувствую свои корни и знаешь что, Эдит? — Мариса с презрением называет ее по имени. — Я практически почувствовала себя деревом сегодня. Спасибо, что заставила увядать мои ветви от прокисшей *Carne Asada* из твоей сморщенной, как чернослив, задницы. Надеюсь, у тебя будет понос...

— Ну ладно, — я остановила Марису и встала, схватив свой коврик для йоги, даже не собираясь скручивать его, вместо этого я прикрылась им, чтобы избежать взглядов

присутствующих. — Я думаю, нам пора уходить.

— И мы будем признательны, если вы больше не вернетесь, — сказала инструктор и встала рядом с Эдит, принимая ее сторону.

Унижение пришло, когда я подняла свою пятую очку и начала искать выход, пытаюсь скрыть лицо от всех глазающих. На заднем плане я слышу, как инструктор говорит всем очистить свое сознание и попытаться понять Эдит

Когда мы покинули помещение, Мариса взрывается:

— Это полный бред. Это не мы нарушили спокойствие на занятии.

Она иногда бывает такой глупой. Я взглянула на нее и схватила ключи из шкафчика, который находился за пределами класса.

— Мы болтали без остановки, и ты даже не пыталась слиться с Матушкой Природой и назвала попу пожилой женщины сморщенным черносливом, нас должны были выгнать раньше.

— Что? Нам что, нельзя было разговаривать? Что это за тренажерный зал, где нельзя разговаривать?

Мы вышли из тренажерного зала и повернули к нашему любимому смузи-бару. Мариса схватила меня за руку и сказала:

— Единственная причина, по которой она нас выгнала — она одержима людьми, которые слушают ее извращенный, порнографический голос, и наш разговор мог ей помешать.

Я проверила свой телефон, пока Мариса продолжала свою напыщенную речь. Картинка от моего брата Пола выскочила на экране. На нем была неоновая кепка, какую носили водители грузовиков, с надписью над козырьком «Клан МакМэннов». Я посмеялась про себя, когда вспомнила дни, в которые мы надевали такие же кепки и путешествовали по стране с мамой и папой. Я набрала ему сообщение.

Марли: Неоновая — возможно, но эта кепка просто напрашивается быть распятой богами моды.

— Я собираюсь вернуться сюда. Я тайно принесу диктофон на занятие и запишу голос инструктора и продам его в интернете. Похотливые мужики по всему миру захотят заполучить этот голос. Это идеальный план. Деньги потекут рекой на мой счет спустя некоторое время.

Мы повернули к смузи-магазину, и я придержала дверь, открывая ее перед Марисой. Запахи смешанных соков, замороженных фруктов, ростков пшеницы приветствовали нас.

— Ты знаешь в интернете не сделать выгодную продажу. Правильнее будет продать сексуальный голос покупателям с настоящего порно сайта.

— Посмотрим, — Мариса пробормотала с дьявольской улыбкой. Она шагнула к прилавку и сделала заказ для нас.

— Две порции с ростками пшеницы и два маленьких капустных смузи, с двойной капустой. Мы любим погуце.

Поправочка — она любит погуце. Я пью это травяное дерьмо, потому что так принято в Калифорнии. Моя диета радикально изменилась после переезда в Лос-Анджелес и мой организм, наконец, привык к чрезмерному потреблению травы. Теперь я ем все органическое. Я держусь подальше, насколько могу, от красного мяса, а также глютена, сои и множества куриных продуктов. Я все еще употребляю животную пищу, но стараюсь не попасться своей подруге-вегетарианке, Марисе.

— За Эдит, — Мариса протянула мне напиток из ростков пшеницы, от которого хотелось заткнуть нос, чтобы его проглотить. — Пусть ее метеоризм отправит ее прямо домой, в туалет.

Я тряхнула головой и опустошила пластиковый стаканчик одновременно с Марисой, в тайне надеясь, что Эдит не была сильно унижена. Она казалось приятной дамой.

— Я клянусь тебе, это было, как песня ангелов, когда его рот прикоснулся ко мне...

Я подняла руку, прежде чем Мариса могла закончить предложение.

— Серьезно, Мариса, я не хочу слышать о каждом оргазме, который доставил тебе Джонни своим языком.

— Но мне необходимо кому-то рассказать об этом. Это непередаваемые ощущения.

Дело не в том, что я не могу разделить с ней это, просто я... каждый раз, когда Мариса рассказывает о своей сексуальной жизни, я вспоминаю, что таковая отсутствует в моей жизни. Настолько отсутствует, что когда я была в понедельник в продуктовом магазине, заметила, как поглаживаю картонную упаковку с нарисованным на ней 49-ым квотербэком Колином Каперником, рядом с упаковкой газировки. Я прекратила прижимать к себе коробку, только после того, как кассир попросил меня немедленно прекратить ласкать Колина прямо на глазах у детей.

В свою защиту могу сказать, что ребристая коробка очень хорошо ощущалась в моих руках.

Переезд в Лос-Анджелес дал большой шаг моей карьере, потому что я попала в центр Мекки красоты и моды, но когда дело касается мужчин, я превращаюсь в эгоистичную, блондинистую стерву. Не поймите меня не правильно, здесь есть несколько прекрасных экземпляров, даже слишком прекрасных. Для меня проблематично ходить на свидание с мужчинами красивее меня, которые собираются дольше меня и просят одолжить мой бронзатор — это случилось однажды. Мой тип для свиданий — грубый, более приземленный мужчина — и, пожалуйста, не путайте слово приземленный с вонючим. Все мужчины на свидании должны радовать мою матку приятным ароматом.

Я выросла в пригороде Нью-Йорка, где использовала стог сена, соревнуясь с братом и отцом. Я привыкла прогуливаться мимо свиней на городской ярмарке, демонстрируя их размер и обхват, и затем я участвовала на скачках мимо бочек на своей лошади, Полли, работая театрально на толпу. Если вы еще не догадались, я родилась и стала провинциальной девушкой, которая была повернута на щипцах для завивки ресниц, как какая-то модница.

Иначе говоря, мне нужен мужчина, который был бы немного грубым, мог отрастить себе бороду и не звал бы меня на ежемесячное посещение солярия вместе с ним.

По правде говоря, мужчины здесь не плохие. Может быть я слишком придирчива... или я просто зациклилась на одном конкретном человеке, который разбил мое сердце четыре года назад, но не будем об этом.

— Говорю тебе, я помогу тебе с другом Джонни, Мэнни, — Мариса вырвала меня из раздумий — У него есть Ламборджини.

— Ты также говорила, что у него густое гнездо из волос на шее, от чего кажется, что он ходит в водолажке в солнечной Калифорнии, — обратила внимание я.

— Но у него хорошая машина...

Сарказм так и прет из моего рта:

— Ну, тогда позволь мне встретиться с этим мужчиной и его прекрасной машиной.

— Не ехидничай, — Мариса выбросила пустой стакан в мусорку, по пути к нашей квартире. — Тебе просто необходимо перепихнуться. Когда в последний раз ты испытывала оргазм? И мастурбация не в счет.

— Я не мастурбирую.

— Хорошо, — засмеялась Мариса. — Перестань притворяться монахиней, дорогая. — Я знаю, что ты пытаешься себя удовлетворить постоянно.

Она почти права, но только через день. Каждый день было бы немного неприлично.

— Ладно, это случается периодически, но делаю я это только, чтобы развеяться и не делаю трагедию из-за отсутствия отношений.

Мы повернули за угол на нашу улицу, и я остановилась, как вкопанная, в ужасе, оттого что увидела перед собой.

— Кому нужны отношения? Я просто хочу, чтобы ты немного потрахалась... — Мариса затихает на последнем слове и смотрит на моего отца и Пола, которые стоят перед входом в нашу квартиру с «Тэси».

Кто такая «Тэси»? Правильнее спросить — что такое «Тэси»? Видите ли, в 1987 году мои родители сделали инвестицию в их жизнь — по их словам. Они приобрели Signature TravelMaster (марка трейлеров) 1987 года выпуска, оборудованного кухней, туалетом, столовой и тремя кроватями. Внутри интерьер был сиреневого цвета с деревянными фальшь-панелями, этим по прежнему славилась эта марка. Проживая в Джеймстауне, Нью-Йорк и являясь огромными фанатами Люсиль Болл и фильма «*The Long, Long Trailer*», мои родители назвали трейлер в честь главной героини этого фильма, «Тэси».

В прошлом «Тэси» была в самом расцвете ее жизни, вся блестящая с надстроенным выступом на крыше, где располагалась дополнительная кровать, и с запаской, закрепленной сзади, и она не могла сделать ничего плохого. Но сейчас, на двадцать восьмом году своей жизни, она начала ржаветь, ей не хватает блеска, и выглядит так, что ее зад обвис, не в силах держать больше эту гребаную запаску.

С трудом отрывая взгляд от «Тэси», я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на отца. Он стоит со скрещенными руками на его мускулистой груди, густая борода с небольшой проседью украшает его лицо, и враждебность заметна в его глазах. Пол абсолютная противоположность — его руки спрятаны в карманах, он расслаблен и смеется над комментарием Марисы.

— Эм, Пап, Пол, что вы здесь делаете?

Я была удивлена встретить их в Калифорнии, учитывая, что они жили в Нью-Йорке. Мой отец по-прежнему жил на ферме, на которой мы выросли, разводил коз и собирал молоко каждое утро, ничего в нем не изменилось с тех пор, кроме седины в его волосах. Когда я еще жила на ферме, мы разводили свиней и коз, и выращивали овощи, но сейчас мой отец может заботиться только о козах, и небольшом количестве кукурузы. Пол живет в Уотертауне, Нью-Йорк со своей невестой Саванной. Последние четыре года он служил в армии, но был нанят правительством для создания какого-то дерьмового компьютерного кодирования, в которое я никогда не вникала. Пол — редкостный всезнайка и обожал доставать людей своими компьютерными знаниями и беспорядочным набором фактов о бессмысленных вещах, которые никого не волновали. Он мог иногда раздражать, но по-прежнему оставался одним из моих лучших друзей.

— Рад видеть тебя, Марли, — Пол притянул меня в объятия. Я прижалась щекой к его груди и улыбнулась, когда почувствовала запах его дезодоранта, Old Spice. Если Пол что-то выбирал, то он был постоянен в этом.

Оба, Пол и папа, были ростом выше шести футов, от чего я избегала всех мужчин ниже ростом, которые хотели со мной встречаться. Я провела всю свою жизнь, обнимая людей выше себя, и не могла представить, что я встречаюсь с кем-то, к кому я могу прижаться щекой к щеке во время танца. Нет, я предпочитаю прижиматься щекой к соскам, это намного удобнее.

— Прости, я просто немного удивлена, — я повернулась к отцу, и он раскинул руки навстречу мне. — Привет, пап.

— Иди сюда, Пуговка, — он обнял и поцеловал меня в макушку пять раз, как всегда делал, путая своей кудрявой бородой мои волосы. Иногда он переключает счетчик своих поцелуев — это зависит от его настроения. Если он прощается со мной на длительное время, то целует меня в макушку восемь раз, мое счастливое число.

Когда я вырвалась из объятий, я посмотрела на Марису, которая приложила руку к своей груди, радуясь воссоединению семьи.

— Ох, вы МакМэнны, так любите друг друга.

— Мариса, рад видеть тебя, — сдержанно сказал отец, по-прежнему недовольный ее комментарием, по поводу моего неудовлетворенного либидо.

Поняв настроение моего отца, она сказала:

— Да... эм, я, пожалуй, пойду. У меня есть кое-какие... эм, дела, — Мариса быстро обняла меня. — Увидимся позже, Марли. Пол, поздравляю с женитьбой.

Быстро, вприпрыжку, Мариса прошла своей азиатской фигуркой мимо нашего многоквартирного дома, и повернула за угол, прижимая телефон к уху, очевидно, пытаясь дозвониться до Джонни.

Я развернулась к двум мужчинам моей жизни и спросила:

— Ладно, что происходит?

Пол, белокурый, голубоглазый сердцеед Джеймстауна — так, по крайней мере, называли его мои друзья — широко улыбался, и его глаза светились озорством

— Не желаешь поздороваться с «Тэси»?

Эта ненормальная одержимость присуца моей семье, когда мы обращаемся с неодушевленными предметами так, как будто они люди. У них тоже есть чувства и мы должны уделять им столько же внимания, сколько заслуживает каждый в нашей семье. Дошло до того, что я не могла пить из одного и того же стакана дважды, нужно было использовать все стаканы в моем кабинете, иначе я чувствовала вину, обделив их любовью. Благодаря папиному одобрению, почти все крупные предметы на ферме имели свое имя и считались членами нашей семьи. Если трактор не хочет работать, мы не орем на него, мы разговариваем с ним спокойно, пытаюсь починить поломку. Так продолжается пока папа не теряет контроль над своим взрывным характером и начинает ругаться, как дьявол, пинать все и орать. Картинка с отцом Ральфи из *«Рождественской истории»* в пятый раз. Это был Bern-Man. Только по одному поводу он так ругается, когда он сражается с трактором в эпической битве.

— Как дела, «Тэси»? — я кивнула в сторону груди хлама и снова вернулась к двум самым важным людям в моей жизни. — Итак, почему вы оба здесь, и пожалуйста, только не говорите, что приехали сюда из-за этого, — я указала на «Тэси», поправив бампер, который

висел на винте, и дыру, заклеенную скотчем — любимое папино лекарство для всего.

— Конечно, поэтому, — Пол обнял своей рукой мое плечо, и мы все повернулись лицом к Signature TravelMaster. — Марли, настало время наконец-то покорить «Мать всех дорог» (*Шоссе 66, соединяющее Чикаго с Лос-Анджелесом*).

— Что? — я отпрянула. — Но, я думала, мы больше не путешествуем.

До того как моя мама заболела, папа договорился с парой своих друзей, чтобы они приглядывали за фермой на протяжении двух недель, и мы отправлялись в семейное путешествие на все лето. Мы провели бесчисленное количество часов в «Тэси», огромное количество миль по бездорожью, и незабываемые впечатления, от которых мы смеялись, — скука не одолевала нас. Но те дни закончились в тот момент, когда мама получила сокрушительный звонок от врача.

В тот день, когда маме диагностировали рак, мы выбросили ключи от «Тэси». Я училась в средней школе, а Пол — в старших классах, и папа буквально выскребал деньги из фермы, чтобы оплатить мамино лечение. Рак распространялся быстро и застал нас всех врасплох. С того момента, жизнь перестала быть прежней.

Мгновенно, я стала домохозяйкой с ответственностью, которую не готова была нести. Я вынуждена была быстро повзрослеть, научиться готовить, убираться и заботиться о папе и брате. Мы приняли, как семейную традицию, тактику выживания, проводя время на ферме, чтобы быть уверенными, что не потеряем еще и наш дом.

Нашей единственной целью было совместное поедание хот-догов в каждом штате и съемка необычных пейзажей, которые становились далеким воспоминанием, и с этим, мы пытались пережить потерю нашей любимой мамочки, работая дни напролет, пока наши руки не загубели.

Папа сократил ферму, когда Пол ушел в армию, а когда я окончила школу, он продал еще больше земли, отчего получил существенную экономию, и мог откладывать деньги на пенсию.

Мы все пошли разными дорогами, позабыв о своих детских мечтах, которых добивались, — и теперь, мы должны обрести новые, направленные больше на наше будущее. С тех пор как мама умерла, я даже и не думала о нашей заключительной поездке, которую мы хотели совершить до того, как она заболела.

— Марли, у меня свадьба через полторы недели. Моя жизнь скоро изменится. Я буду нести ответственность за свою жену, семью, и у меня осталось незаконченное дело, — Пол достает сложенный кусок бумаги из заднего кармана и протягивает мне. — Мама планировала это путешествие для нас. Настало время сделать это. Давайте закончим то, что начали.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я смотрю на карту, нарисованную мамой несколько лет назад. Бумага пожелтела с годами, но ее пометки карандашом по-прежнему четкие. Стартуя из Санта-Моники, Калифорния, она начертила наш путь по Шоссе 66, проезжая через Аризону, Нью-Мехико, Техас, Оклахому, Миссури, и в конце Иллинойс, где она обвела красным кругом Чикаго.

— «Мать всех хот-догов», — мягко говорю я, вспомнив, как мама мечтала съесть чикагский хот-дог на озере Мичиган. Я пробежалась рукой по карте, надеясь, что она все еще с нами.

У нас была прекрасная, маленькая семья из четырех человек: Пол был похож на маму, а я на папу. Мы одевали одинаковые свитера на Рождество и позировали для бесконечного

количества снимков на Полароид, которые делала мама. Воспоминания обрушились на меня гораздо тяжелее, чем я ожидала, и слезы потекли по моим щекам.

Папа притянул меня к своей мускулистой груди и поцеловал в макушку — один раз.

— Время пришло, Пуговка. Давайте осуществим мамины мечты, — папа достал фотографию из своего нагрудного кармана и передал ее мне. — Мы возьмем ее с собой, и наконец, закончим путешествие вчетвером. Что скажешь, малышка?

Неуверенность захлестнула меня.

— Я не знаю, — затрясла я головой. — У меня есть блог и продукты, которые я должна протестировать.

— Ты можешь заниматься этим в дороге, — подбадривает меня Пол. — Ну, давай же, сестренка. В конце концов, сделай это ради мамы и Тэси. Старушка отправляется в очередное путешествие.

Я фыркнула, и сопли брызнули из носа. Я вытерла их и обняла своих мальчиков за талии.

— Полагаю, мы отправляемся в Чикаго.

Глава 2

Марли

Случайно обнаружила, что «Тэси» гораздо меньше, чем я помнила. Вы знаете — все вокруг говорят, что все вещи выглядят по-другому в детских глазах? Я начинаю понимать, что это правда. В моей памяти, «Тэси» была размером с полу фургон, с достаточным местом, чтобы разместить двух слонов, выбивающих жизнь друг из друга и стайку безумных зебр, желающих это увидеть.

Когда я шагаю в «Тэси» со своим чемоданом, то довольно быстро понимаю, что следующая неделя в этом доме на колесах будет подобна жизни в плохо обитой раковине моллюска.

Несмотря на тесноту, внутри «Тэси» была такой, как я ее помнила: деревянные, настенные панели, лиловые и кремовые подушки, и кухня, на которой смог бы готовить только Смурфик, полностью оборудована, с обеденным столом, превращающимся в кровать.

Чертова кровать.

Пол коснулся моего плеча, когда проходил мимо, и захлопнул дверь за собой.

— Ты спишь на чертовой кровати, сестренка.

Забираясь на выступ на крыше трейлера, Пол снова выбирает комфортную кровать.

Мама и папа всегда занимали кровать, в задней части трейлера, по вполне понятным причинам, заставляя нас с Полом сражаться за то, кто будет спать наверху, а кому достанется чертова кровать, — угадайте, кто всегда проигрывал? Реслинг большими пальцами за кровать — никогда не был победным спортом для меня. Я миниатюрная девушка, а у Пола — руки Шакила О'Нила. Один его большой палец был размером с мокрую руку. Подыгрывая мне, он всегда делал вид, что дает мне шанс, а потом расправлялся со мной своим «Пальцем Тора» Мой утешительный приз — чертова кровать.

— Мы даже не поборолись за нее, — пожаловалась я, взглянув на неудобный тонкий столик.

Пол посмотрел на меня «готовым к действиям» взглядом.

— Марли, разве ты хотела этого?

— Нет, — я раздражена, запихиваю свой багаж в потайное отделение кухонного диванчика. Там всегда был мой шкаф, я привыкла к нему. Я принохиваюсь и говорю:

— Мог хотя бы побрызгать здесь освежителем воздуха. Чем пахнет?

Здрав нос, Пол обнюхивает все вокруг.

— Оу, знаешь что? Мы нашли старую сумку с хот-догами в холодильнике, когда уезжали. Мы всю дорогу пытались проветрить здесь. Мы ехали день и ночь, пытаюсь добраться сюда. У нас не было много времени на уборку.

— Прекрасно, — саркастически говорю я.

Папа плюхается на переднее сидение и поворачивается к нам лицом.

— Ты отдал ей?

— Я ждал тебя, пап.

— Отдал что? — спрашиваю я, глядя на их торжествующие улыбки.

Пол спрыгивает сверху и растягивается на пассажирском сидении. Он бросил в меня пластиковый пакет, с чем-то внутри.

— Извини, у нас не было времени упаковать его.

Так как это был пластиковый пакет, то я догадалась о его содержимом, и могу точно сказать, что мои глаза выглядели обиженными. Засунув руку, я достаю неоновую, желтую рубашку и кепку — точно такую же, как была на Поле, на фотографии, которую он мне отправил. На всех вещах была надпись — «Клан МакМэннов». Прямо, как в старые добрые времена.

— Господи, — бормочу я.

— Мы купили всем одинаковые, — мальчики задирают свои футболки и надевают кепки.

Я киваю, чувствую, как губы поджимаются. Когда я училась в средней школе, я была в восторге от того, что была похожа на старшего брата; как будто сбывалась маленькая девичья мечта. Сказать, что мы были близнецами с братом, который старше меня на четыре года, — было волшебным моментом в жизни маленькой сестрички. Но сейчас, когда мне двадцать два и я — ходячая модная реклама своего блога, то последнее, что мне нужно — быть найденной мертвой в неоновом наряде, сообщающем к какому «клану» я принадлежу.

— Ну, давай же, Пуговка, надень это. Пол провел достаточно времени, разглаживая эти надписи для нас. Скажи, он ведь проделал большую работу.

Буквы не более дюйма в высоту, в соотношении с футболкой. Так же, как и в эпизоде сериала «Друзья», когда Росс сделал листовки для своей банды.

— Что, не может быть? — Он использовал Helvetica Bold (шрифт в текст. редакторе) двадцать четвертого размера, чтобы выделить название, но на самом деле, приходилось щуриться, чтобы разглядеть его. Также выглядели футболки, как и дерьмовые листовки Росса.

— Надень ее, — Пол кивает в сторону рубашки и снимает свою футболку и натягивает этот желтый ужас. Он завершает наряд кепкой, и я ухмыляюсь.

— Ненавижу тебя, — я торжественно заявляю, и он хихикает.

Внутри «Тэси» не так много комнат, поэтому я направляюсь в туалет, который по размеру можно сравнить с туалетом в самолете, и натягиваю на себя рубашку. Похоже, что Пол пытается разрушить мою жизнь, потому что он купил рубашку на три размера больше меня, но я могу этим воспользоваться. На мне надеты штаны для занятия йогой, поэтому у

меня будет спортивный наряд. Я связываю концы рубашки в узел, в стиле восьмидесятых, и закатываю рукава наверх, теперь она выглядит безрукавкой, и надеваю кепку назад козырьком, заплетаю свои длинные каштановые волосы на бок.

Я перевожу взгляд на зеркало, и мои опасения подтверждаются: я выгляжу, как из клипа Spice Girl. Могло бы быть хуже. Нам не хватает одинаковых штанов. Поверьте, так случилось и раньше. Думаю, мода девяностых была ацтекским течением, когда повсюду были забавные карманы, и резинки для волос никогда не были слишком большими. Если бы я могла, я бы сожгла эти фотографии.

Приняв свой вид, как данность на всю следующую неделю, я выхожу из туалета и смотрю на папу с братом, одетых также как и я, за исключением некоторых изменений.

Папа хмурится, указывая на мой живот и открытые участки тела.

— Не могу поверить, что твоя рубашка такая короткая.

— Да, благодаря Полу, она доходит мне до коленей. Если ты хочешь, чтобы я носила эту рубашку, ты должен смириться с тем, как я это делаю.

Папа делает «вздыхающий» звук и говорит:

— Время для фото.

Также как и в каждом путешествии, мы начинаем с фотографии «до», — все улыбаются и счастливы, и потом в шутку мы делаем фотографию «после» в конце путешествия, обняв друг друга за шею с грустными лицами. У нас есть огромное количество снимков, где запечатлены эти моменты.

— Может мне взять свой телефон? — предлагаю я, понимая, что мамин Полароид, уже отработал свое.

— Тогда это нарушит наши традиции, — заявляет папа, доставая новенький голубой Полароид. — Вот, Пуговка. Как думаешь, ты сможешь запечатлеть наше путешествие?

Делать снимки — обычно было занятием мамы. Она была одержима съемками своей семьи и потом хранила фотографии в своем альбоме. Сентиментальные воспоминания снова разрывают мое сердце. Если бы я не знала их хорошо, я бы подумала, что папа с братом пытаются превратить меня в рыдающее месиво.

— Это будет честью для меня, — я отвечаю, любясь новеньким Полароидом. Он прикольный!

Мы прижались друг к другу, насколько это было возможно, и растянули огромные улыбки на наших лицах. Папа держит мамин снимок возле своей груди, стараясь, чтобы он тоже попал в кадр.

— Скажите, сыр, — говорит папа, как в прежние времена.

Вспышка гаснет, и вот так, наше первое воспоминание будет в альбоме.

С грохотом под ногами, мы наконец-то выезжаем из Санта-Моники, не забыв, конечно, сделать снимок перед указателем «Шоссе 66». В прошлом, когда эта дорога была популярна в туристическом направлении, она позволяла добраться из Чикаго до Калифорнии. Так что снимок, который мы сделали перед знаком, — конечно же, в неоновом-желтых рубашках, — на самом деле был концом. Благодаря, хитрости и высокому росту Пола, мы временно заменили табличку «Конец» на табличку «Начало». Наша мама делала точно также.

— Эй, Марли, проверь все наши старые кассеты, — Пол достает обувную коробку из-под своего сидения, — Я не включал их по дороге сюда, поэтому мы сможем прослушать их

вместе.

Я сижу за обеденным столом и размещаю в своем блоге пост о моем новом приключении, когда поднимаю глаза и рассматриваю коробку в руках Пола.

Опустившись в сидение прямо за кабиной, я сажусь прямо за Полом.

— Не может быть, мы сохранили их?

Я провожу большим пальцем по нашим дорожным записям.

Помните, раньше, до того как появились MP3-проигрыватели и даже CD-диски, были такие маленькие штуковины — кассеты. Она могла поместиться в вашей руке и если лента вылезала из нее, ее можно было вправить карандашом. А если вы были счастливчиком, в вашей семье был двух-кассетный проигрыватель, позволяющий делать тебе собственные смешанные записи, проигрывая одну, и записывая на вторую, одновременно. В этом была какая-то магия — создавать свои собственные записи. Было невозможно остановиться, как будто вы были гигантом музыкального мира. Пол и я проводили часы, составляя идеальный плейлист, и спасибо обширной родительской коллекции записей, мы были способны составлять невероятные миксы, которым позавидовал бы ди-джей Джэззи Джефф.

Я сдерживаю смех, когда читаю одну из надписей маркером.

— Крутой Рок для Крутых Рокеров. Пожалуйста, мы можем послушать вот эту?

Пол кивает в согласии.

— Это одна из тех, которую я искал, — он смотрит заговорщическим взглядом на папу, который ему подмигивает. Я слишком взволнована от предвкушения, что даже не обратила внимание на их переглядывание.

Я сижу, скрестив ноги, на сидении и жду, когда заиграет первая песня в динамиках. Через несколько секунд, голос Пола из средней школы гремит в «Тэси», сотрясая деревянные панели.

— Для всех крутых рокеров здесь. Пусть ваша жизнь будет наполнена гитарными рифмами и плохими барабанщиками. Поехали.

Ох, и когда вы делаете смешанную запись на кассету, вы конечно, можете записать себя, как будто вы выступаете на своей собственной радиостанции. Мы использовали эту возможность... постоянно.

Я наклоняюсь вниз, держась за живот, когда истерически хохочу о детского голоса Пола.

— Попищать немного? — спрашиваю я, по-прежнему смеясь. — Звучит, как будто ты делаешь ужасную пародию на Виктор-Виктория (комедийный музыкальный фильм о певице Виктории, которая притворяется мужчиной-трансвеститом).

— Это было круто, — гремит отец, с широченной улыбкой на лице.

Пол пожимает плечами и прибавляет громкости.

Качество поскрипывает, вероятно, из-за старых динамиков и самой кассеты, но нам нет до этого дела, после первой песни «Богемская Рапсодия» группы Queen, грохочущей из динамиков. В унисон, мы все пытаемся соответствовать сопрано Фредди Меркури, но получается только разрыв барабанных перепонок.

Папа и Пол отрываются в стиле Мира Уэйна (эксцентрическая кинокомедия), в то время, как я сижу спиной и танцую как будто я в клубе. Это по-прежнему рок, но у него все равно есть ритм, и я не думаю о голове, которая с хлопком ударяется об изголовье сидения.

Я вздыхаю, когда вспоминаю, когда моя голова в последний раз билась об изголовье. Это был парень с козлиной бородкой, которая щекотала мой подбородок, и мы никогда не

переходили от небольших ласк, потому что я постоянно хохотала от вида его подбородка, но он все равно пытался меня погладить. Он очень быстро оказался за моей дверью.

Потом был мужчина-модель. Черт, он был горячим. Загорелый блондин с крошечным писюном. У нас была половая связь, но вообще-то я не могу припомнить, чтобы он доводил меня до оргазма, наверное, из-за отсутствия проникновения. На самом деле, я думала, что невозможно иметь настолько маленький член, но блондин внес для меня новое значение — член-макаронина. В ту ночь, я наслаждалась только его мускулами, пытаюсь запомнить их как можно ярче, чтобы потом использовать при мастурбации.

Неужели это было так давно? М-да, это было давно. Если бы моя вагина могла кашлять, то она бы откашляла паутину и записку: «Просто засуньте член и покончим с этим. Девочке нужна ее колбаска».

— Готовься, Марли, — кричит Пол сквозь песню.

— Что? — спрашиваю я, избавляясь от мыслей о моей одинокой вагине, и пытаюсь сообразить, что за песня играет.

«Satisfaction», Rolling Stones.

— Нет, — я трясую головой и скрещиваю руки.

— Это традиция, — настаивает Пол.

Я смотрю в окно и спрашиваю:

— Здесь даже нет ни одной машины рядом с нами

— Это традиция, — гремит отец.

— Мама никогда так не считала. Она перевернется в могиле от такой просьбы, — я беру мамину фотографию. Меня это не волнует.

— Маме никогда это не нравилось, но она никогда не отказывалась, так что не используй это в качестве оправдания, — на папином лице появляется ухмылка.

Я должна быть его маленькой девочкой! Он всегда выбирал мою сторону.

— Я не буду никому показывать свою задницу! — я вскидываю руки в воздух.

Да, вы правильно все поняли. Моя семья по очереди показывает задницу людям. Всякий раз, когда играла определенная группа во время нашего путешествия, мы должны были показать задницу кому-то проезжающему в другом автомобиле или не очень везучему автостопщику, которого мы видели первый раз в жизни. Я даже не могу припомнить, когда это стало правилом в наших путешествиях, но однажды это произошло и закрепилось. К сожалению, The Rolling Stones моя любимая группа.

— Марли, лучше быстрее снимай штаны, или я превращусь в огромного «жениха-зилу» (в оригинале groom-zilla — сочетание слов groom(жених) и Godzilla(Годзилла), какого ты никогда не видела прежде, — угрожает Пол.

— Вы ведь знаете, что это намного заманчивее для меня. Я бы заплатила, чтобы увидеть превращение в «Жениха-зиллу».

— Нет, если только это не подразумевает размазать твой драгоценный макияж по стеклу.

— Не надо, — сержусь я.

— Проверь меня, — Пол смотрит назад с лукавым взглядом.

— Ладно! — сдаюсь я, — Я покажу задницу следующей машине, которая будет проезжать мимо нас. Ты доволен?

— Очень, — Пол расслабленно откидывается на сидение, напевая слова «Satisfaction». В этот момент я захотела поколотить его по голове заостренными носками моих туфель, но

сдержалась.

— Автостопщик справа, — зовет отец.

Просто замечательно.

— Вы издеваетесь, — я выглядываю в окно, чтобы увидеть автостопщика с задраным кверху большим пальцем.

— Давай, Марли, снимай, — настаивает Пол.

— Есть что-то извращенное в том, что ты настаиваешь, чтобы я сняла штаны. Ты понимаешь это, так ведь?

— Не льсти себе, — парирует Пол

Из моего окна видно как мы приближаемся к автостопщику, поэтому я поворачиваюсь к окну рядом с дверью, делаю глубокий вдох и спускаю штаны вниз, прижимая свои ягодицы к холодному стеклу окна, в это же время папа притормаживает «Тэси».

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, моя задница висит в воздухе.

— Его нужно подвезти, — отец прижимается в сторону автостопщика и останавливается напротив него.

Моя задница размазана по окну, когда «Тэси» останавливается. Чувство унижения пробегает сквозь меня, когда я натягиваю штаны с лодыжек, и карабкаюсь к столу, где я хватаю ручку и давлю на нее, пока не показывается кончик.

— Какого черта ты творишь? — я практически кричу. — Мы не берем попутчиков!

— Будет весело, — отвечает отец, — Впусти его, Пол.

— Нет, не надо! — я кричу, готовая к драке с ручкой, которую собираюсь использовать, как колющее оружие.

Мой отец сошел с ума. Я знаю, он стареет и свадьба Пола — большой стресс для него, но подбирать попутчиков? Неужели он потерял свой любящий рассудок?

Я не пессимист. Я одна из тех девушек, у которых стакан наполовину полон, но я точно не наивная. Я видела эти фильмы про психов-убийц и читала газеты. Есть такие ужасные люди в мире, которые только и жаждут найти свою следующую жертву.

Семья в старом, расшатанном трейлере, одетая в одинаковые рубашки и кепки — для меня выглядит, как идеальная жертва.

Дверная ручка дергается и я молю Иисуса, Марию и Иосифа спасти меня сейчас, или спасти меня и бросить Пола в руки убийцы, или дать нам попутчика без намерения содрать с нас скальп, чтобы съесть его позднее.

Дверь распахивается, и свет обволакивает мужчину с рюкзаком, закрепленным на его спине. Все что я увидела, что он высокий, сложен, как пожарник, с благородной бородой такой же, как у папы и Пола.

Мужчины и их бороды.

— Полегче там, убийца. Что ты собираешься сделать? Будешь тащить меня, пока я не умру?

Я знаю этот голос, я мечтала о нем, я воспроизводила этот голос снова и снова в своей голове. Я представляю сильный грохот от этого голоса, который прокатывается по всем выпуклостям моего тела.

Мужчина закрывает дверь, и мои глаза привыкают к освещению. Небольшой вздох вырывается у меня изо рта, когда я понимаю кто этот автостопщик.

Портер Смит.

Лучший друг Пола и мужчина, который разбил мое сердце четыре года назад.

— Портер, рад тебя видеть, мальчик, — смеется отец на своем сидении. — Рад, что ты напугал нашу девочку.

— Привет, Берни, — Портер здоровается с моим отцом рукопожатием, пока я сижу в оцепенении на своем месте, не в силах пошевелиться. — Пол, борода тебе идет.

— Спасибо. Я тоже себе так говорю, — Пол поглаживает бороду, которая, на мой взгляд, выглядит дебильно, ему никогда не шла растительность на лице. По сравнению с моим отцом и Портером, он выглядит как двенадцатилетний мальчишка, который пытался использовать «Регейн» (средство по борьбе с выпадением волос), но с треском провалился.

Пока Портер разговаривает с отцом и Полом, я не могу не разглядывать его. Он немного старше, но в двадцать шесть лет выглядит хорошо. Его грудь прекрасно развита, отчего его рубашка выглядит, как будто грудные мышцы готовы разорвать ее. И могу ли я увидеть его пресс? Я присматриваюсь, да, вот и он, сложен в ряд. По какой причине я смогла увидеть его пресс — ну, потому что его рубашка заправлена в джинсы, демонстрируя его светло-коричневый ремень. Его джинсы спущены опасно низко на его узкой талии, обтягивая его бедра и задницу.

Он держит свою сумку, и я с восхищением наблюдаю, как подрагивают его сухожилия на предплечьях от каждого его движения. Он определенно превратился в мужчину, в этом нет никаких сомнений.

Я перевожу взгляд на его лицо, такое же, каким я его помнила годами, и обращаю внимание на некоторые изменения, с тех пор как я его видела в последний раз. Его борода намного гуще, и переходит в изумительные взлохмаченные каштановые волосы, на которые натянута эта глупая красная кепка, которую он отказывается выбрасывать. Его карие глаза искрятся через край, и я, по-прежнему вижу едва заметный шрам на его левой щеке, который он получил, когда упал на колючую проволоку, когда мы были детьми. Вокруг его глаз видны легкие морщинки от смеха, которые делают его благородным и прямо над его бородой, безошибочно, ямочка. Такая раздражающая, но безумно сексуальная.

Вместо того, чтобы сосредоточиться над тем, какой он красавчик, я пытаюсь убедить себя, что он меня раздражает... самый ужасный мужчина, которого я встречала. Но в тот момент, когда он смеется над чем-то, что сказал Пол, и появляется ямочка над его бородой, — внутри меня все сгорает и все, что я чувствую к нему, накрывает меня с головой.

Это правда. У меня было непростое расставание с лучшим другом моего брата. Я очень сильно полюбила его, с той минуты, как он вошел в наш дом и сказал, что будет нашим соседом. Пол и Портер стали лучшими друзьями, а я стала раздражающей младшей сестрой, которая ходила по пятам, стараясь не отставать от хулиганов. Он очаровал меня своими карими глазами, которые были настолько темными, что было не видно зрачков, и его низкий баритон, который до сих пор преследует меня во снах. Со своими темными глазами и растрепанными волосами, когда он был моложе, я считала его загадочным.

Я росла, наблюдая, как он работает на нашей ферме, и занимается всеми возможными видами спорта с Полом, на университетском уровне, как он выпускается вместе с Полом, и временно уезжает, чтобы помочь папиному другу, Томасу. Иногда, они оба, Пол и Портер приезжали на каникулы, и с каждым визитом мое сердце все больше принадлежало ему. Только на четвертом году моего обучения в средней школе, я, наконец почувствовала, что значит быть одержимой им, и потом что значит, когда разбивается сердце из-за мужчины, которого ты боготворила годами.

Он уничтожил всех мужчин для меня, и я так и не смогла в полной мере ощутить его

самого, только на тоскливом расстоянии.

— Почему ты не растолстел?

У меня перехватывает дыхание, интересно я сказала это вслух или только в своей голове. Мой страх подтверждается, когда Портер поворачивается ко мне лицом. Он бросает свою сумку и засовывает руки в карманы, с улыбкой на лице. Его карие глаза прожигают меня насквозь, и мое сердце колотится в груди. Наблюдать, как предмет обожания детства превращается в мужчину, достаточно трудно, но столкнуться с тем, кто разбил тебе сердце четыре года назад — мучительно.

— Привет, Шарик, — говорит он простоватым сексуальным голосом.

Шарик, детское прозвище, которое придумал Пол, когда я целый день не отходила от них. Они обзывали меня Шариком так долго, пока я не разревелась и не сбежала к маме, которая сказала, что мальчики, которые пристают ко мне, на самом деле любят меня. Частично это была правда, но она забыла упомянуть, что они могут сломать тебя напополам, бросив тебя и забрав частичку тебя.

— Портер, — говорю я сквозь зубы, — Не знала, что ты подался в автостопщики. Проблемы с финансами? Торгуешь телом?

— Ты бы хотела этого, не так ли? — отвечает он с насмешливым блеском в глазах. Для кого-то еще это мог быть насмешливый блеск в глазах, а для меня — приглашение трахнуть его лицо, но я сдерживаюсь.

— Сюрприз! — говорит Пол, разрывая мой пристальный взгляд на Портера. — Портер поедет с нами в путешествие.

— Что? — спрашиваю я, и моя голова разворачивается в сторону Пола, и я впиваюсь в него взглядом. Я чувствую, как у меня расширяются ноздри, бушуют гормоны, и в какой-то момент я не уверена, что мое тело не вспыхнет от приливающей волны пота или огонь начнет выстреливать из моих глаз. — Почему он едет с нами в семейное путешествие?

— Он — наша семья, — Пол защищает своего лучшего друга. — К тому же, это мое последнее «ура» до того, как я женюсь. Я хотел собрать всех важных людей в моей жизни, включая моего брата, — Пол похлопывает Портера по плечу.

Мужская дружба реально отвратительна, из-за того, как они смотрят друг на друга.

— Будет весело, — отзывается отец, снова разочаровывая меня тем, что не выбрал мою сторону. Я мысленно делаю пометку звонить папе почаще, его обожание ко мне утасует.

— Не надо выглядеть такой расстроенной, Шарик, — Портер садится в кресло после эмоционально-любовного обмена с Полом. Папа выезжает обратно на дорогу, продолжая наше путешествие.

— У нас будет одно из адских путешествий вместе. Я обещаю, — Портер подмигивает мне и закидывает ноги на скамейку рядом со мной. Я хочу стереть высокомерное выражение с его лица ногой... сразу после того, как вылижу все его тело и помечу его везде, чтобы все знали, что он принадлежит мне.

Где моя мама, когда она так нужна мне?

Глава 3

Портер

— Ни за что не поверю, что ты не лапал грудь Эми Рендер в ту ночь. Чувак, я видел твои

руки под ее рубашкой, — восторженно говорит Пол, это в порядке вещей, и выкладывает все наши воспоминания времен средней школы, когда прикосновение к груди девчонки было олицетворением наших школьных достижений, хоть и длилось всего секунду.

— Я не делал этого. Она оттолкнула меня прежде, чем я успел схватить ее, — я врал, прекрасно помнил, как я ласкал «Абсолютно-Пьяную-Королеву».

— Ты такой лгун. У меня был прекрасный угол для обзора в ту ночь, чтоб увидеть, чем ты занимался. Я прекрасно понимал, что ты лапаешь ее сиськи. Ты определенно касался ее соска.

Я пожимаю плечами и смотрю на Марли. Она растянулась на диванчике возле стола, ее голова откинута на спинку сидения, а руки лежат на обнаженном животе.

Когда Пол узнал, что я был в Калифорнии в то же время, что и он отправлялся в свое прощальное путешествие, он настоял, чтобы я присоединился к ним. Я не очень подхожу для семейных путешествий, но МакМэнны казались большей семьей для меня, чем была моя.

После того, как мама бросила меня и папу, отец забылся в бутылке, а я — в уюте дома МакМэннов. Пол очень быстро стал мне братом, Берни стал человеком, подходящим на роль отца, а Марли, ну, черт побери, я никогда не называл ее сестрой.

Было бы намного проще для меня, если бы я обращался к ней как к сестре, но в тот момент, когда я ее встретил, я понял, что никогда не смогу ее так называть. Ее светло-голубые глаза очаровали меня, когда я был молодым, и тогда они проникли в мои мысли. Как профессионал, я старался держать дистанцию с ней, в физическом плане, потому что не хотел, чтобы что-нибудь разрушило наши отношения с Полом или со всеми МакМэннами. Поэтому я спрятал свои чувства, вырос, окончил школу и уехал.

Я делал успехи отгоняя мысли о ней, до той ночи, ночи, которая оставила след в моей душе — ночь, когда я сломал Марли.

Тогда ей было восемнадцать, она еще училась в школе, и весь мир был у ее ног. Но сейчас, она не была той Марли, которую я знал, она была другая... она повзрослела.

Не буду врать, я очень нервничал, когда входил в трейлер, потому что прошло много лет с тех пор, как я видел ее... я не знал чего ожидать. В ту минуту, как я шагнул в трейлер, я понял, что это было ошибкой. Я должен был просто улететь домой, потому что, увидев Марли четыре года спустя, все чувства, которые я пытался подавить, вернулись.

Неоново-желтая рубашка и кепка, должны были оттолкнуть меня, особенно потому что Пол и Берни были одеты также, но получился обратный эффект. Ее штаны для йоги подчеркивают ее изящное тело и ее плоский живот, который видно благодаря узлу на рубашке. Ее шоколадные волосы намного длиннее, ниже ее груди, и ее глаза кажутся намного ярче, чем я запомнил. Ее милое личико и маленький носик-пуговка делают ее восхитительной, а ее пухлые губки делают ее чертовски сексуальной.

И какое же я гребанное приветствие получил от нее. Я не говорю о холодном приеме и «какого-черта-он-здесь-делает» взгляде, которые я получил, когда зашел в трейлер. Нет, это была оголенная попка, которая меня благословила, когда я забирался в трейлер. Желание затащить ее на кровать наверху было заманчивым, даже не смотря на то, что ее отец и брат были в это же машине.

Даже не смотря на мою потребность ощущать ее рядом с собой, касаться своими губами ее, я понимал, что это не очень удачный момент, потому что настроение «пошел на хрен» исходило от нее в мою сторону. Я считаю себя сильным, потому что сгребал дерьмо и доил коз, чтобы выжить, и мог справиться со всем, что встречалось мне на пути, но от ее

дрожащей верхней губы и пульсации небольшой вены на ее шее, я серьезно переживал о своем будущем в этом путешествии.

В последний раз, когда я видел ее, я испортил большую часть жизни, точнее я восхитительно все просрал, но не будем вдаваться в подробности сейчас.

— Может мы сменим тему о больших сиськах на что-то более интеллектуальное, — предлагает Марли.

— Ревнуешь? — спрашиваю я, вопросительно приподняв бровь, надеясь на удачу, потому что я такой человек. К тому же, думая о непредсказуемой, пугающей меня пульсации ее вены, я по-прежнему хотел зажечь в ней огонь. Я был провокатором и гордился этим.

Она игнорирует меня, достает пилочку из косметички, и занимается своими ноготками. Я посмеялся про себя, когда попытался представить девушку, которая разводила свиней, и теперь она подпиливает ногти. Несколько лет назад, Марли не была бы замечена за подпиливанием своих ногтей, но сейчас это выглядело так естественно. Много изменилось за четыре года.

— Почему бы нам не пробежаться по графику нашего путешествия? — предлагает Берни. — Твоя мама составила для нас приличный маршрут. Я забронировал нам номера и стоянку для трейлера на протяжении всего пути. Думаю после путешествия, я получу бесплатную ночь в КОО (широко распространённая сеть кемпингов в Америке).

Мистер МакМэнн и его одержимость КОО — нечто нереальное. С тех пор как мы познакомились, он мечтал о дружелюбном, роскошном кемпинге какой только «Кэмпгрупп Америка» могла предложить. Для меня, вы можете увидеть один или их все, но я могу понять преданность этого мужчины.

— Хорошо, пап, — раздраженно отвечает Марли.

Она перемещается на сидение и разворачивает карту. Издалека, я уже догадался, что все надписи сделаны рукой мамы МакМэннов. Теплое и уютное спокойствие обрушилось на меня, когда я увидел хорошо знакомый витиеватый почерк.

Миссис МакМэнн была матерью, которая была нужна мне, и которой у меня никогда не было. В тот момент, когда мы встретились, она обняла меня, дала мне убежище, любила без памяти и относилась, как к своему ребенку. Потерять ее было для меня также ужасно, как и для Марли и Пола.

— Согласно маминым пометкам, мы останавливаемся в КОО каждую ночь, за исключением одной.

— Моя девочка, — говорит Берни, ударяя по клаксону.

Марли закатывает глаза и спрашивает:

— Что за «Деревня Вигвамов?»

Пол разворачивается на сидении, поднимает палец вверх и отвечает Марли.

— Это был ряд отелей, построенных Честером Е. Льюисом. Где-то между тридцатыми и пятидесятыми годами, он построил шесть деревень вдоль «Шоссе 66». Все были похожи, как думали американцы, на жилища индейцев. Сохранилось только две деревни вдоль «Шоссе 66», — Пол говорит с надменными нотками в голосе.

— Спасибо, Капитан Очевидность.

Пол пожимает плечами.

— Ты спросила. Хочешь, я углублюсь в историю «Шоссе 66»? Как оно стало крупной дорогой для перемещения мигрантов с запада во время пыльной бури?

— Пожалуйста, Господи, нет, — Марли встает и потягивается.

Настоящая пытка, стоящая в двух шагах от меня, растягивающая свои жалкие пять с половиной футов роста, демонстрируя достаточно обнаженной кожи, отчего любой мужчина почувствует небольшое напряжение в промежности.

В тайне, я хотел бы надеть солнцезащитные очки и разглядывать ее маленькое упругое тело во всей его красе и не выглядеть самым большим извращенцем в мире. Вместо этого, я быстро разглядываю ее задранную рубашку и низко посаженные штаны для йоги, и стараюсь запечатлеть это в памяти. Похоже, что я мазохист, потому что я понимаю что у нас с Марли ничего не получится, не только из-за того, что она сестра Пола, но и из-за того что я сделал с ней.

Хотите узнать, как просрать лучшее в своей жизни, обращайтесь ко мне, я вам расскажу.

Марли идет в маленькую кухню и спрашивает:

— У нас есть что-нибудь попить, пап?

Чувствуя жажду, я иду за ней, чтобы тоже взять попить. Она фыркает и вздрагивает рядом со мной.

— Я что так плохо пахну? — спрашиваю я и нюхаю подмышки.

— Неандерталец, — снова фыркает она. — Что ты делаешь? Зачем ходишь за мной?

— Я тоже хочу пить. Ты не единственный человек, который хочет пить в этой веселой машине.

— Ты такой же надоедливый, как я помню.

Ее тело говорит «отвали от меня», но легкое движение ее язычка по губам дает мне маленькую надежду, что возможно, только возможно, она не настолько сильно меня ненавидит.

— А ты намного скованнее, чем я помню.

С коварной улыбкой, Марли с силой открывает холодильник, ее локоть ударяет меня прямо в живот.

— Ой, осторожнее.

Я сгибаюсь и обхватываю живот, пока она тихонько хихикает.

— Пап, что это? У нас нет газировки? Только яблочный сок?

— Что, милая? Я тебя не слышу. Пол, выключи музыку.

— Все в порядке. Я просто спросила про яблочный сок, ничего страшного.

Она поворачивается ко мне, одна рука на бедре, а во второй — стеклянная бутылка.

— Хочешь немного сока?

Я рассматриваю жидкость, и по каким-то причинам, она не внушает мне доверия.

— Охх...

Она не ждет от меня ответа.

— Фу, сделай себе сам, если хочешь. Я не собираюсь стоять и ждать, когда ты возьмешь себя в руки. Пей яблочный сок или жди следующей остановки.

Она захлопывает дверь и направляется на свое место, откручивая крышку у бутылки в ее руке.

— Кто-нибудь хочет попить? Там не было содовой шипучки.

— О чем ты говоришь? — спрашивает Берни. — Пол, о чем говорит твоя сестра? — Берни ударяет Пола по ноге, привлекая его внимание.

— Пап, я пытаюсь написать Саванне. Господи, я не могу отправить сообщение своей невесте? Марли — большая девочка, она может сама разобраться.

— Марли, я не думаю, что ты должна пить это... — говорю я, оглядывая все бутылки в

холодильнике.

Марли поворачивается на своем сидении и спрашивает:

— Почему? Потому что ты хочешь это выпить? Seriously, Портер, ты такой ленивый.

— Что ты там пьешь? — оглядываясь, спрашивает Берни. — Пол, что пьет твоя сестра?

— Твою мать! — Пол швыряет свой телефон на переднюю панель и поворачивается посмотреть, как Марли подносит бутылку «яблочного сока» ко рту, чистейший ужас мелькнул в его глазах.

— Нееееет! — орет он, выкарабкиваясь из кресла и ударяя Марли по руке, угол стола приземляется ровно в его яйца. — Чеееер...

Последовательно: бутылка пролетает перед грудью Марли, Пол кричит во всю глотку, сжимая свою мошонку, ударяя по деревянной столешнице, и Берни ударяет по тормозам, останавливая трейлер на обочине дороги.

— Прыгай Джордж Вашингтон! — кричит Берни, испуганный до полусмерти от девчачьего крика Пола.

Давайте остановимся на секундочку. Глядя со стороны, иногда ты можешь наблюдать сцены в замедленном действии, они останавливаются на время, и все о чем ты думаешь — почему я ничего не делаю... это именно то, что происходит со мной сейчас.

Пол на середине прыжка, вытягивает руку и выбивает «яблочный сок» из руки Марли, но вместо того, чтобы оттолкнуть ее в сторону, он толкает бутылку на ее грудь, разливая все по ее неоново-желтой рубашке. Марли вскидывает руки в воздух в шоке от атаки Пола, пар валит из ее ушей.

И потом Берни, вцепившийся в руль со страха, его плечи трясутся, потому что он не знает, что сделать с ужасом/злостью, пробежавшим через его тело.

Предупреждаю, НИКОГДА не пытайтесь испугать или взбесить Берни, или произойдет три вещи. Первое — он будет выкрикивать имена президентов, это что-то типа его ругательства. Если вы услышите имя президента, слетающее с его губ, спасайтесь бегством. Второе — его тело будет трясти от безудержной ярости, проходящей сквозь него. И третье — его брови превратятся в мачете и разрежут вас, опуская к коленям в ту же секунду. Я никогда бы не подумал, что форма бровей заставит взрослого мужчину плакать, но это было до встречи с Берни МакМэнном. Поверьте, если я говорю, что у этого мужчины есть нечто устрашающее в его бровях, что заставит вас утонуть в собственном жидком стуле.

Страшно.

И сейчас, по осанке Берни я могу сказать, что он собирается пустить в ход брови. Я предлагаю вам бежать в укрытие.

— Пол! — кричит Марли, в ужасе от пролитого на нее «сока».

— Какого Джимми Картера там происходит? Мы в дороге несколько часов, и вы, два идиота, уже грызете друг другу глотки. Я разверну наш трейлер назад домой! — орет Берни, разворачиваясь, чтобы посмотреть на облитую Марли, разбитую бутылку на полу его драгоценной «Тэси», и на Пола, корчащегося от боли на земле.

— Она собиралась попить из туалетной бутылки, пап, — обращается к нему Пол, с мукой сжимая свои яйца.

Туалетные бутылки?

Что-то щелкнуло в голове.

— Что за запах? — Марли принюхивается.

Я могу сказать точно, но через минуту она поняла, что это было, потому что она

вскакивает со своего сидения, рывком открывает дверь трейлера, выбегает наружу и сбрасывает с себя рубашку, как футболистка Брэнди Честиан, за исключением ликующих аплодисментов.

— Я вся в моче! В моче моего брата!

Я ожидал увидеть ярость Берни, но она обернулась беспорядочным чувством вины между ним и Полом. Мы втроем стояли на улице и наблюдали, как Марли нарезает круги, крича о том, как на нее «помочились». Единственно, что мы могли сделать — это стоять и ждать. Мы не винили ее за ее реакцию, она имела дело со старой мочой на ее груди. Она практически коснулась той же бутылки, которой касались члены ее отца и брата. Она была вправе валяться на земле, утопая в грязи и пинать перекаати-поле через ландшафт пустыни Восточной Калифорнии.

— Мы забыли выкинуть бутылки, прежде чем отъехать от дома Марли, — констатировал Пол, все еще сгибаясь после инцидента с яйцами.

— М-да, похоже на то, — кивает головой Берни, злость закипает в нем, когда он понимает, что его дети не ругались без причины.

Я просто рад, что это был не я, — все, что я мог сказать, пытаюсь сдержать смех.

— Я ненавижу вас всех! — кричит Марли, по-прежнему, бегая по кругу с испачканным мочой и грязью телом.

Пол оглядывается вокруг и говорит:

— Думаешь, я должен сделать снимок?

Берни смотри под ноги и кивает головой.

— Мы обещали, что заснимем все, что будет происходить, плохое или хорошее. Твоя мама сделала бы это в любом случае.

Безропотно, Пол поднимается в трейлер и приносит Полароид, подходя достаточно близко, чтобы сфотографировать Марли, но не достаточно близко, чтобы бы сгореть от драконьего пламени, вылетающего из ее ноздрей.

Это будет очень длинный путь до нашей первой остановки.

Глава 4

Марли

— Еще раз уставишься на меня, узнаешь, что с тобой произойдет, — я пинаю сумку Портера и бормочу — Извращенец.

Мы стоим на улице рядом с трейлером, в ожидании, когда отец закончит проверять КОА в Нидлс, штат Калифорния. Если бы не было так обидно из-за того, что я была облита мочой, я бы насладилась пустыней и прониклась бы кемпингом с его высокими пальмами и разнообразными кактусами. Там, где я выросла, кемпинг включал в себя густые заросли деревьев, сломанные стволы, которые мы использовали в качестве скамеек, и бегущих ручейков. Этот лагерь немного отличался, везде были дорожки из гравия, качающиеся пальмы, и травы нигде не было видно.

— Я не паялился на тебя, — отвечает он.

— Разве ты не так делаешь? — я высовываю язык, как собака и наклоняю голову в сторону, и глазею на его грудь, чрезвычайно развитую грудь. На грудь, клянусь, которую он использует, чтобы общаться со мной через грудную Азбуку Морзе... или, возможно, мне это

показалось.

— Я не смотрю на тебя так. Я просто никогда не видел никого, кого облили мочой.

Показав Портеру средний палец, я поворачиваюсь и вижу Пола, идущего прямо ко мне. Я протягиваю ему руку для четвертаков, которые он должен был раздобыть, но у него ничего нет.

— Где четвертаки? У тебя было только одно задание... принести мне четвертаки, чтобы я могла принять душ, — хныканье в моем голосе звучит невероятно не привлекательно.

— Нет четвертаков.

— Что? — я продолжаю ныть, желая плюхнуться на землю, но я не могу себе позволить истерить, потому что Портер стоит рядом со мной. Потеря контроля во время моей напыщенной речи, было достаточным безумием для одного дня.

— Он бесплатный, — улыбается Пол.

— Боже, — я отталкиваю его, моя косметичка и полотенце со мной. — Почему ты сразу не сказал?

— Я хотел немного повеселиться, — обращается ко мне Пол.

Дорогу к душе было не сложно найти. Я останавливалась часто в кемпингах, чтобы знать все тонкости принятия душа. Когда я шла к душевой, мой отец окликнул меня. От его скорбного взгляда мне стало не по себе из-за моего молчания, которым я наградила его и двух других идиотов.

Он собирался обнять меня, но остановился, вспомнив, чем я была облита.

— Извини меня, Пуговка. Мы должны были выкинуть эти бутылки, прежде чем ты смогла бы их увидеть.

— Почему вы писали в бутылки? Что заставило двух взрослых мужчин сделать это? Тебе не двенадцать с уровнем зрелости комара. Ты выше этого, пап.

— Я знаю, — кивает он. — Мы просто хотели добраться за рекордное время. Мы не делали остановки. К тому же, это стало чем-то вроде соревнования...

Я остановила отца рукой.

— Я не хочу ничего слышать об ужасном соревновании писюнов. Просто скажи мне, что я могу обнаружить еще в трейлере? Никаких пукающих подушек? Никаких пакетов с рвотой, которые вы заморозили, похожие на хаш? (хаш — блюдо из мелко порубленного мяса и овощей)

— Нет, — папа трясет головой с ухмылкой на лице. Если бы он не был моим отцом, я бы угрожала, что ударю его в грудь.

— Я принес тебе кое-что, — он достает футболку из пакета за его спиной и протягивает ее мне. — Рядом со стойкой регистрации есть милый маленький сувенирный магазинчик. Я подумал, что тебе может понравиться.

Футболка черного цвета с огромной надписью «Шоссе 66» спереди. Он выбрал абсолютно правильный размер и я не смогла не насладиться ностальгическим дизайном и воспоминаниями от подарка.

Я собираюсь его обнять в знак благодарности, но он делает шаг назад, прежде чем я смогла это сделать.

— Может ты, сначала примешь душ, Пуговка?

Улыбка исчезает с моего лица, нахмурившись, я направляюсь в душевую, отец хихикает за моей спиной.

Все душевые в кемпинге были одинаковыми, несколько туалетов и душевых кабинок,

все было ограждено деревянными панелями. Внутри пахло, как в старом домике на колесах, и слегка колыхалась занавеска с рюшами на маленьком окошке, а от светло-розового рисунка на лиловых стенах создавалось впечатление, что это бабушкин коттедж.

Душевая кабинка создавала ощущение уединенности с четырехфутовыми (1,22 м) дверцами, которые должны были прикрывать вас во время приема душа. Поэтому, если вы не среднего роста пять с половиной футов (1,68 м), то вы будете сверкать своими сиськами или киской. К счастью, я вся прикрыта, я тщательно натираю свою кожу мочалкой, как минимум пять раз, затем мою волосы и наношу кондиционер.

Когда мы были моложе, я помню, Пол ныл как маленькая сучка, из-за того, что в мужских душевых не было дверей. Не желая демонстрировать свою маленькую писюльку, он всегда принимал душ в плавках, намывая свое добро под эластичной тканью своих трусов. Это была одна из моих маленьких побед над Полом.

Когда мы подъезжали к кемпингу, я объявила всем, что собираюсь принять душ, а по возвращению ожидаю увидеть ужин на столе. Мне было не важно, что мы будем есть, поскольку готовила не я. Они поджали хвосты после того, что произошло. Портер старался убедить меня, что не имеет ничего общего с тем, что меня «описали», но я обвинила его в косвенном причастии, и потом одарила его убийственным взглядом. Кажется, после этого он заткнулся.

После того, как пожилая женщина пукнула в душе, чем меня смутила, я вытерлась и натянула на себя футболку с надписью «Шоссе 66» и маленькие шортики, подвернув их один раз, а почему бы и нет? Может, помучаю Портера, если получится.

Мои волосы все еще влажные, поэтому я заплетаю их в две французские косы. Это моя самая лучшая прическа, от которой получаются легкие волны на волосах на следующий день, и мне не надо мучиться, завивая их плойкой. На следующий день я слегка сбрызгиваю их спреем с морской солью, чтобы придать структуру и, оставляя высыхать их на воздухе, получается идеальная пляжная прическа. Пожалуйста, заметьте, что я делаю свои косы свободными, если вы затянете их слишком туго, то получатся мелкие кудряшки... просто заплетите их посвободнее и у вас получится пляжная прическа.

Буду благодарна за отзывы.

Прогулка до трейлера была приятной. Солнце садится, разбрасывая оранжевые отблески по всему небу, дети гоняются друг за другом вокруг своих палаток, гравий хрустит под моими ногами, напоминая мне о нескольких кемпингах, в которых мы останавливались, пока росли.

Пусть меня сегодня облили мочой, и человек, который разорвал меня на части несколько лет назад, сидел в шаге от меня в крохотном, стареньком трейлере, я все еще наслаждалась временем, проведенным в дороге. Я скучала по своей семье, и не важно, сколько раз они сводили меня с ума.

Из-за «Тэси», я слышу, как мой отец разговаривает с Полом и Портером. Я остановилась, чтобы послушать, о чем они говорят.

— Теперь, когда она вернется, мы будем обращаться с ней как с принцессой, которой она и является. Никаких дурацких шуточек и комментариев по поводу потери ее рассудка в пустыне. Поняли меня?

— Да, сэр, — Пол и Портер ответили в голос.

Я улыбнулась сама себе, радуясь тому, что отец наконец-то вспомнил кто его любимый ребенок.

— Привет, мальчики, — говорю я, когда поворачиваю за угол «Тэси». — Что готовите?

— Хот-доги, конечно, — отвечает папа, протягивая ко мне руку. Он прижимает меня к своей груди и три раза целует в макушку. — От тебя приятно пахнет, и футболка сидит отлично. Что думаете мальчики?

— Немного маловата, — комментирует Пол, поддразнивая дьявольские брови отца появиться. Пол начинает колебаться и поправляет свое последнее замечание, — В смысле, отлично выглядишь. Нисколько не мало.

Я смотрю на Портера, который избегает встречаться со мной взглядом. Вместо этого, он переворачивает хот-доги, сосредоточившись исключительно на пламени под ними.

— Я давно не ела хот-доги, — сообщаю я. — Вообще-то и мясо давно не употребляла.

Поморщив нос, Пол спрашивает.

— Ты вегетарианка?

— Нет, но я стараюсь, есть органическую пищу большую часть времени. Все эти токсины не очень хорошо действуют на нас.

— На самом деле...

Когда Пол начинает предложение со слов «На самом деле», я просто отключаюсь от него, и именно этим я сейчас занимаюсь, когда он продолжает говорить дальше про мифы о неорганической пище. В этот момент, я отношу свои туалетные принадлежности в «Тэси». И тогда до меня доходит, что здесь три кровати на четверых человек.

— Эм, а где все будут спать? — спрашиваю я, спускаясь с подножки «Тэси», садясь на складной стул рядом с отцом.

— Разве ты не знаешь? Ты разделишь чертову кровать с Портером, — смеется Пол.

— Что? — мое лицо краснеет, когда я поворачиваюсь посмотреть на реакцию Портера. Делить кровать с Портером было бы исполнением моей мечты четыре года назад, но сейчас я предпочту спать в ванне с мочой моего брата.

На самом деле, это не правда. Если Портер залезет ко мне в кровать, то я не сбегу оттуда. Возможно, я даже не смогу вытолкнуть его из нее. Я бы могла пнуть его между ног, а потом прижаться щекой к его груди, все потому что я такая девушка. Сначала ударить, а потом приласкать.

Папа похлопывает меня по руке.

— Портер будет спать в палатке снаружи.

Почему этот ответ меня так разочаровал? Как будто Пол и папа на самом деле позволили бы мне спать с Портером.

— Пол, почему ты соврал?

— Потому что папа сказал, что мы не должны смеяться над твоим «описанным» лицом. Мне нужно было вставить свои шуточки куда-нибудь.

— У меня не «описанное» лицо! — ору я, и весь лагерь слышит мой порыв. — Это была моя грудь. Тогда уж, «описанные» сиськи.

— Я не могу звать тебя «описанные сиськи». Ты моя сестра и у тебя не должно быть сисек вообще.

— Вы можете не использовать слово сиськи, пожалуйста? — просит папа, но мы оба игнорируем его.

— Тогда как ты назовешь вот это? — спрашиваю я, хватая себя за грудь. Я ловлю на себе взгляд Портера, на меня ласкающую свою грудь, затем он отворачивается к хот-догам и при этом откашливается. — Если это не сиськи, тогда, пожалуйста, скажи мне что это?

— Прекрати себя трогать, — Пол закрывает глаза.

— У каждой девушки есть сиськи, Пол. У Саванны точно такие же сиськи, как и у меня.

— Нет, — Пол указывает на меня пальцем. — Никогда не сравнивай свои сиськи с сиськами Саванны.

— Почему нет? — я встала и сгребла свою грудь в руках, танцуя кругами вокруг Пола, и сжимая их вместе. — Не хочешь думать о моих сиськах, как о сиськах Саванны?

— Прекрати, ты все испортишь! — орет Пол, ладонями зажимая свои уши, и начинает гудеть так, что я не слышу, о чем я говорю.

— Господи, хватить разговаривать про титьки. — «Берн-мэн» говорит, и его брови дают о себе знать. Больше никаких разговоров про титьки сегодня, но для себя отмечаю, сколько неудобства это доставляет Полу, и напоминаю себе использовать эти пытки в следующей схватке.

— Хот-доги готовы, — кричит Портер и ставит тарелку с поджарившимися сосисками на стол для пикника.

Поставив нашу схватку на паузу, мы все садимся за стол. Я сажусь рядом с папой, напротив Пола, радуясь, что придется поворачиваться по диагонали, чтобы поговорить с Портером — чем меньше взаимодействия, тем лучше.

Чипсы разбросаны по столу, шипучка открыта, и приправы расставлены вокруг стола, когда мы украшаем сосиски, раскладывая их по поджаристым булочкам.

Мы поднимаем наши хот-доги, как делали в каждом путешествии, Портер повторяет наши действия, и мой отец начинает свою речь.

— За безопасное и веселое путешествие через всю страну. Пусть «Тэси» проведет нас по «Матери всех дорог», пусть наши животы будут набиты сосисками, — он фыркает в мою сторону. — и дни наши будут наполнены смехом. Все для того, чтобы надрать задницу «Шоссе 66».

— Слышу, слышу, — сказал Пол, как полный осел.

Мы чокаемся своими хот-догами и одновременно кусаем. Текстура говядины мне незнакома, с тех пор как я последний раз кусала хот-дог, но я жую, как профессионал, и проглатываю. Не плохо. Не самый лучший хот-дог в моей жизни, но я не собираюсь бросаться в бой, я счастлива.

Мальчики разговаривают о начале серии плей-офф в бейсболе, и когда я говорю мальчики, я имею в виду — папу и Портера. Пол женственнее, чем они. Может он и носит бороду и служил в армии для непродолжительной работы, но когда дело доходит до строительства чего-либо, или знания спортивной статистики, или отхлебнуть достаточное количество пива, чтобы прорыгать «I Will Always Love You», — он не ваш мужчина. Если вы ищете кого-то, кто поможет вам взломать чей-то жесткий диск, если вам надо испечь перевернутый ананасовый пирог, тогда он ваш типаж.

— Как Саванна? Она не расстроилась из-за этого путешествия по стране?

Горчица капает на бороду Пола, пока он облизывает свои пальцы.

— Нет, именно она и нашла мамину карту. Она предложила поездку, после того, как я рассказал, что все наши отпуска проходили в дороге.

Черт, я знала, что люблю эту женщину. Не очень часто вам нравится ваша будущая невестка, за исключением, когда ваш родной брат находит золотой самородок, что Пол, к счастью, и сделал.

— Саванна — хорошая девушка, — вставляет слово папа.

— Ты всегда так произносишь ее имя? — спрашиваю я папу, у которого также горчица в бороде.

— А как я произношу ее имя? — папа притворяется невинным

— Как будто ты родился в глубоких дебрях Джорджии, и патока стекает с твоего языка.

Каждый раз, когда отец произносит имя Саванны, он использует сильный южный акцент, как будто его вернули в дни массового сбора хлопка.

— Так лучше звучит. И к тому же, ей это нравится.

Я закатила глаза.

— Где она нашла карту?

— В мамином фотоальбоме. Мы просматривали старые фотографии, и карта лежала в конце. Она подумала, что было бы здорово, нам снова съездить всем вместе. Все получилось, когда Портер собрался уехать из Калифорнии в...

— Не стоит обсуждать, что я собирался сделать, — Портер перебивает Пола, — Я просто рад, что оказался в нужном месте в нужное время. Черт, если бы меня не было, я бы пропустил «описанное лицо».

Он даже не может закончить предложение без смеха. Пол ударятся с ним кулаком, как дети, потом дуют на них и возвращаются к своим хот-догам.

— Что я говорил? Больше никаких разговоров про... «описанное лицо», — фыркает отец.

— Пап! — шлепаю его по руке.

— Извини, — папа хихикает. — Но, милая, ты почти выпила нашу мочу.

Все бородачи за столом раздражаются в приступе смеха. Ладони стучат по столу, все держатся за пузо, и глубоких грохот их смеха вибрирует в воздухе.

Я встряхиваю руками, сминаю салфетку и бросаю ее на свою тарелку.

— Смейтесь, мальчики. Наслаждайтесь весельем сегодня, но когда я отомщу вам, вы вспомните, что я вас предупреждала, — я нагибаюсь над столом и четко произношу все слова, — Не связывайтесь со мной.

Чувство удовлетворения прокатилось внутри меня, когда Пол сглотнул, явно опасаясь, что я могу с ним сделать за неделю до его свадьбы, но реакция Портера была полной противоположностью. Он принял мои угрозы, как вызов. Он не знает, что мне доставит огромное удовольствие подпортить его самолюбие. У меня есть кое-какой план.

Пол убрал со стола, мы с отцом проложили следующий отрезок нашего пути, а Портер принимал душ. В Аризоне было несколько достопримечательностей, у которых мы хотели остановиться и посетить их, кратер от метеорита был одним из них. Из нашего путешествия вы можете узнать одну вещь — мой папа, Берни МакМэнн, одержим космосом. Он вырос в эпоху мировой космической гонки и поклялся своим друзьям, что его пятнадцатый день рождения они отметят на Луне. К его разочарованию, он отмечал его в старой местной забегаловке со своими друзьями, но в тот вечер мальчики обожрались.

Я и Пол ничего не имели против космоса. Мы выросли на постоянных рассказах папы о Луне, просмотре «Звездных воинов», и объединили с помощью отца нашу гостиную с кроватями, как будто у нас был личный космический корабль. Страх, который угрожает вызвать у меня это семидневное путешествие, огромный, и я говорю огромный, потому что папа попытается завести разговор на тему космоса, особенно после того как в эфир вышла передача про жен космонавтов. Он назовет меня пилотом и начнет двухчасовой разговор о командах «Джемини» (серия двухместных космических кораблей) и «Меркури» (серия

первых одноместных космических кораблей), и о том, что они настоящие первопроходцы в космической эпохе. К счастью для нас, в Иллинойсе есть фигуры астронавтов из оргстекла, посвященные мужчинам из «Джемини». У моего отца практически пена изо рта течет от волнения к этим чертовым штукам.

— Пойду приму душ, — папа целует меня в макушку и поглаживает плечо. — Рад, что ты поехала с нами, Пуговка. Я скучал по тебе.

— Я тоже скучала по тебе, папа.

— Пошли, Пол, ты жутко воняешь.

Когда я была младше, всегда были я, мама, папа и Пол. Я был ответственна за карту и указывала папе направление, в то время, как Пол помогал маме на кухне, где оттачивал свое мастерство по приготовлению своего перевернутого ананасового пирога. Когда я переехала в другой конец страны, я знала, что это был большой удар для моего отца, с тех пор, как мамы не стало, но он настаивал на этом, понимая, переезд станет большим шагом в моей карьере. Я старалась приезжать домой как можно чаще, но все стало по-другому, и он все еще приспособливается к этому.

Пока мужчины были в душе, я поднимаюсь в трейлер и смотрю на чертову кровать, так же известную, как обеденный стол. Насколько я помню, на протяжении всей ночи я не могла растянуться всем телом, мои руки проваливались в щели между подушками, и я беспокоилась, что упаду со стола прямо на кусок фанеры, который неудобно вопьется в мою задницу.

В ужасе от предстоящей ночи, я сбрасываю подушки на пол и хватаюсь за ножку под столом, на которую он опирается. Она немного проржавела, поэтому сложить ее будет непростой задачей.

— Давай же, старая металлическая подножка. Задвигайся, — говорю я.

От страха прищемить пальцы ржавой защелкой подножки, которая никак не поддается, я хватаю подол своей футболки и тяну его до защелки, защищая пальцы. Хлопок защищает меня и дает больше уверенности нажимать сильнее.

— Не будь маленькой стервой, сделай это для меня.

Я ворчу и прикладываюсь всем телом, чтобы увеличить давление. Пот защекотал виски и я клянусь еще немного, наваливаюсь всем телом на стол.

— Тебе нужно, чтобы я немного разогрела тебя, прежде чем нажать на защелку? Тебе это необходимо, маленькая леди? Хорошо. Сейчас я тебя поглажу.

Я прекращаю нажимать на защелку и начинаю двигать рукой вверх и вниз по ножке обеденного стола. Холодный металл начинает нагреваться от моего трения.

— Да, тебе нравится так, правда, ножка? Давай, сделай это для меня.

Поднимая подол футболки обратно к защелке, обнажая почти всю переднюю часть моего тела, я нажимаю на нее, прикладывая все усилия. С последним скрипом и давлением моей передней половиной тела, она поддается. Я вскрикиваю от удивления, и мои пальцы соскальзывают, зажимая мою футболку под защелкой, в то время как ножка, по-прежнему, остается на месте, как возбужденный член.

— Черт возьми!

Я плюхаюсь на пол, подол футболки задирается к шее, оголяя всю переднюю половину, как раз вовремя, для Портера, получающего наслаждение от просмотра.

На середине шага он останавливается на второй ступеньке у входа в трейлер, когда видит меня, сидящую на полу, зажатую столом. Он оценивает ситуацию и его глаза темнеют,

когда он замечает мою обнаженную кожу. Если бы я не знала, что он самый горячий мужчина, каких я знала, я бы подумала ненадолго, что он извращенец, который разглядывает меня.

Прячась от взгляда, я поворачиваюсь спиной к нему и начинаю возиться с дурацкой ножкой.

— Какие-то проблемы?

Я почувствовала его грудь у моей спины, он наклоняется посмотреть, что я делаю.

— Не-а, — я придвигаюсь ближе к ножке, мои ноги широко расставлены, как будто я позаимствовала металлический шест в стриптиз баре у гномов, и собираюсь станцевать свой дразнящий танец.

— Похоже, ты застряла, — слышится веселье в его голосе, я ненавижу его за это. Его рука тянется рядом со мной, а голова склоняется над моим плечом. — Позволь посмотреть, что у тебя тут происходит.

— Ты так думаешь? Я держу все под контролем, — отвечаю я, поворачивая голову так, что наши носы оказываются в миллиметре друг от друга. Мои глаза расширяются от того, как близко он находится. Желание потереться щекой об его короткую щетину становится нестерпимым. Мысли об обжигающих следах от его бороды становятся очень соблазнительными, и я, как дура, чувствую слова на кончике языка, просящие взять его за шиворот и потереться лицом между моих грудей.

Я убеждаю себя, что во мне говорит хот-дог.

— Вообще-то, нет, — он нагибается еще немного и рассматривает защелку, с которой у меня возникли проблемы. Наши тела практически переплелись друг с другом, и так как он гораздо сильнее моих ног и стола, то безусловно сможет помочь.

— Я, на самом деле, уже со всем разобралась.

— Не похоже на то. Похоже на то, что твою футболку защемило. Симпатичный лифчик, кстати. Я не знал, что ты все еще носишь нулевой размер.

Я задыхаюсь от шока.

— Это спортивный лифчик! — защищаюсь я.

— Серьезно? — он поворачивает голову. — Похож на тот, который тебе подарила Фея Лифчиков на то Рождество.

Да, вы правильно расслышали. Фея Лифчиков.

Я нежно любила свою маму, Господи упокой ее душу, но есть несколько моментов в жизни маленькой девочки, о которых она будет помнить всегда... когда начинаются месячные, когда ласкаешь свое тело вверх и вниз от плаката сердцеедов своего поколения... и когда надеваешь первый лифчик. Моя мама уничтожила один из таких моментов. Как думаете какой?

В то время я была сорванцом, и не хотела иметь ничего общего с лифчиками. Если бы Пол и Портер надели бы их, то я тоже захотела бы сделать это. У моей мамы были другие мысли на этот счет.

В один из Рождественских сочельников, когда я училась в пятом классе, мы собрались большой компанией в нашем доме. Были приглашены наши бабушки и дедушки, также наши соседи, и, конечно же, Портер. Я весь день играла с мальчиками в футбол на нашем поле, и когда мы вернулись домой, там лежал только один подарок под елкой, где собралась вся компания. Моя мама хлопнула в ладоши от радости, что мы вернулись, и сказала, что под елкой лежит подарок для меня.

Будучи повернутой на подарках, я упала на колени и с восторгом схватила его, готовая открыть его. На карточке было написано: «Для Марли, от Феи Лифчиков»

Как только смысл слов дошел до меня, коробка полетела на пол и я отказалась открывать ее. Мой отец, будучи защитником в семье, сказал мне строго, но добрым голосом, чтобы я не расстраивала маму, несмотря на сообщение на карточке. Нехотя, я открыла его и вытащила оттуда розовый хлопковый лифчик, и подняла, чтобы все его увидели. Все присутствующие похлопали, когда моя мама сказала им, что это мой первый лифчик и попросила продемонстрировать его всем.

Это была эмоциональная травма. Я пошла спать в ту ночь, спросив Пола, почему он не носит лифчики. Его оправданием было, что у него есть пенис, и нет груди. В то время мальчик был кабаном поэтому... лифчик мог помочь ему кое с чем.

— Ты думаешь, ты такой смешной... — мое предложение прервало невероятно громкое урчание кишечника.

Портер, возившийся с защелкой, останавливается и смотрит вниз на мой живот.

— Что это было?

Мой живот снова урчит, и я мгновенно покрываюсь холодным потом.

— Может ты голодная, — я пропускаю его комментарий, пожимая плечами.

Тем временем, моя губа задрожала, и я почувствовала, как Мини Зомби Апокалипсис захватывает мой кишечник. Мой рот наполняется слюной, мой зад мгновенно чувствует тяжесть, и я понимаю то, что происходит со мной, не очень хорошо.

— Ты съела два хот-дога и полпачки чипсов, — он изучает меня с беспокойством.

— Быстрый обмен веществ, — пишу я. На глазах моя кожа становится светло-серого оттенка, пока я стараюсь заставить себя перестать потеть.

Я убеждаю себя, что мне не жарко, что я в заснеженной тундре, наблюдаю, как пингвины трахаются своими маленькими пингвиньими пенисами, а полярные медведи наслаждаются, держа друг друга за руки. Я пытаюсь рассмеяться из-за картинки в моей голове, но все о чем я могу думать — это о плотоядных монстрах, разжигающих бурю в моих кишках.

— Ты плохо выглядишь...

— Просто опусти эту защелку! — кричу я, теряя контроль, мой желудок опять бурлит.

— Она действительно застряла там, твою футболку не спасти. Что вообще ты собиралась сделать с защелкой с помощью футболки?

— Какая разница, просто исправь это, ради Бога, исправь это!

Портер прекращает попытки освободить меня и осматривает меня с головы до ног.

— Серьезно, Марли...

Булькающий звук, урчание, урчание, прррррт.

Брови вопросительно поднимаются на идеальном лице Портера. Если бы я не была так сконцентрирована на том, что собиралось вырваться из моей задницы, я бы упивалась свежим запахом мыла, исходящего от него и может быть прижалась бы щекой к нему, как будто кошка, которая помечает свою территорию, но вместо этого я сосредоточена на том, что через секунду обделаю штаны.

— Черт! Вытащи меня отсюда! — ору я, дергая за футболку, с ужасом понимая, что придется разорвать ее. — Вытащи меня, вытащи меня!

— Я не могу, пока ты мечешься повсюду.

Бууууууурлеееееениииееее.

— Нееееееет! — кричу я, дергая за футболку, поднимая свое тело к двери. Мои руки последними покидаю выход, после чего я несусь к задней части «Тэси». Хлопнув дверью ванной, я сажусь на унитаз и чувствую себя полностью униженной из-за звуков, вырывающихся из меня, которые я не могу остановить.

Вы когда-нибудь слушали сольную партию тромбона в «An Ode To America» в помещении с хорошей акустикой? Если нет, то сделайте это. Съешьте хот-дог будучи «типа-вегетарианцами» и увидите, что произойдет потом. Моя задница убеждена, что она исполняет соло на представлении для фарфоровых богов, напевая маленькую песенку плюханий и пуканий для всех, кто может это услышать.

Мое лицо лежит на руках в полном унижении, когда я позволяю происходить вещам, не нарушая атмосферу побега хот-догов. От каждого сгибания моего кишечника, новая волна не вышедших газов покидает мое тело. Снова и снова «на бис» разыгрывается буря из говна для Портера, который находится в нескольких шагах от меня. Как жаль, что мой инструмент не настроен....

Трейлер проседает, что означает — папа и Пол вернулись из душа. Их присутствие подтверждается, когда я слышу, как они спрашивают:

— Где Марли?

— Ох, она в ванной. Мне кажется, что хот-доги не переварились, — отвечает Портер. Слышать, как Портер рассказывает о моей диарее невероятно приятно. Обожаю это!

— О, нет.

Слышен стук в дверь, и по деликатности действий, я знаю, что это папа.

— Пуговка, ты в порядке?

— Нееееееет, — простонала я, упираясь головой в дверь туалета.

— Ладно, мы подготовим для тебя кровать и еще принесем воды, так что, когда ты закончишь, ты сможешь просто расслабиться.

— Мне кажется, я умираю.

Я слышу, как он шепчет кому-то, но я не могу толком разобрать, о чем они говорят. Я собиралась спросить, когда отец сказал:

— Марли?

— Пап, мне не нужна, чертова поддержка. Можете вы все просто оставить меня в покое, пока я не закончу?

Плохо, что Портер знает, чем я здесь занимаюсь. Я не хочу, чтобы все мужчины моей жизни стояли за дверью, ожидая следующей оды унитазу от вдохновляющего солиста, моей чертовой задницы.

— Могу я сказать тебе кое-что? — папа спрашивает с любопытством.

— Что? — простонала я, это плохой знак.

Нервничая, папа откашливается, прежде чем начать.

— Просто ты должна знать, что туалет сломан сейчас. Не работает смыв.

Мой желудок выливается через край, мои ноги немеют, и я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. На расстоянии я слышу специфический звук, когда Пол фыркает и затем получает удар от моего отца, заставляющий его ворчать от боли.

— Чертовски замечательно, — бормочу я, когда очередная волна пота проходит сквозь мое тело.

Марли

Резкий грохот пробуждает меня ото сна. Холодный порыв ветра хлещет по моей голой руке, и я быстро натягиваю одеяло, чтобы остановить дрожь, вызванную холодом, по всему моему телу. Вокруг меня незнакомая обстановка, спина болит, и специфический запах человеческих экскрементов ударяет в нос.

Все что произошло, снова захлестнуло меня.

Хот-доги.

Футболка, застрявшая в столе.

Портер и его мыльное блаженство.

Диарея, которую я никогда не испытывала в жизни.

И на вершине всего этого — сломанный туалет.

После отвратительных просьб Богов Кишечного Тракта сжалиться надо мной, я вышла из туалета и обнаружила, что трейлер пустой, и все окна открыты нараспашку. Мальчики сидели возле костра, негромко разговаривали и пили пиво, моя постель была подготовлена, и одеяло было сложено так, словно я остановилась в пятизвездочном отеле с приготовлением постели на ночь.

Слишком униженная, чтобы встречаться с кем-либо глазами, особенно с Портером, — ох, что он подумал обо мне — я легла в постель, сдерживая слезы, которые вот-вот хлынут от смущения. Собираясь в это путешествие, я полагала, что проведу приятно время с папой и братом, а вместо этого я ограничиваюсь двадцати четырёх часовым купанием в человеческих экскрементах и отгоняю от себя суицидальные мысли, которые все еще возникают из-за Портера.

Я хотела бы его ненавидеть, но не могу. Кто-нибудь когда-нибудь забывал свою первую любовь?

После случившегося прошлой ночью, я несомненно уверена, что Портер не испытывает ко мне никаких чувств. Но откуда им взяться, когда я была облита мочой и выпустила из себя бурю в один и тот же день?

Считаю это восхитительным.

Еще один грохот эхом раздаётся в утреннем воздухе, сотрясая «Тэси». Я переворачиваюсь на другую сторону, натягиваю одеяло до шеи и открываю один глаз. Я гляжу наверх, на чердак трейлера, чтобы посмотреть на кровать Пола, она идеально заправлена и его нигде нет. Далее, я смотрю на кровать отца, отделенную специальной шторкой, она открыта, и его кровать тоже заправлена.

Я снова в одиночестве.

Зная мальчиков из своей семьи, они готовились к худшему. Возвращаясь к моим подростковым годам, у папы и брата был секретный код, и папа использовал его, когда начинались мои месячные. Они смотрели друг другу в глаза и говорили: «Взошла Красная Луна». С этим коротким предложением, они были готовы надеть свои доспехи и встретиться лицом к лицу с могучим велоцираптором, который выскакивал из моей вагины каждый месяц.

Потом было несколько похожих ситуаций, когда у меня не было месячных, но выглядело все так, что были. Папа называл их «Особой Красной Точкой».

Я пыталась быть девочкой-подростком, живя с двумя мужчинами, говорящими на

секретном коде друг с другом в зависимости от моего настроения и периода в месяце. Обычно, их шифровки злили меня намного больше, от чего я превращалась в любом случае в «Особую Красную Точку», и если бы они пострадали от меня, то это было бы по их вине. Я никогда не жалела, что ударила несколько раз Пола по яйцам, пока чертов менеджер Walmart не позвонил домой, чтобы сообщить о моей «Особой Красной Точке» возле девятого пролета, и чтобы меня забрали домой.

Ублюдок.

Судя по звукам, они готовились к «Особой Красной Точке».

«Тэси» снова трянуло, заставляя меня удивиться, чем, черт возьми, они там занимаются. Запах протухшей задницы был невыносимым, и я надеялась, что это не из-за моего вклада, который я внесла, продолжая восседать вчера на унитазе, и мои ноздри самопроизвольно сжались.

Не в силах больше заснуть и чувствуя, как пересохло в горле, я хватаю одеяло и оборачиваю его вокруг головы, как пастух, наблюдающий за стадом овец, но вместо овец, я ищу свое достоинство. Оглядывая пустой трейлер, я знаю, что быстро его найду, но никак не получается.

Мои ноги касаются пола, и я инстинктивно их поджимаю. Весь трейлер холодный и у меня нет носков на ногах. Сканируя пространство, я замечаю футбольные тапочки Пола, которые выглядят как удобные, высокие кеды для клоуна. Не желая подцепить грибковую инфекцию, но отчаянно нуждаясь покрыть чем-нибудь ноги, я скольжу в них. Одеяло туго затягивается вокруг моей талии, когда я выхожу из «Тэси», оглядываясь вокруг в поисках членов моей семьи, но никого не вижу.

В яме от костра лежит уголь, где мальчики проводили вчера вечер, легкий дымок все еще струится от прогоревших поленьев. Должно быть еще слишком рано, потому что в лагере тихо, и только несколько ранних пташек замечено за выгулом своих собак. Грохот, который я слышала внутри «Тэси», по-прежнему заполнял тихое утро, и я направилась за трейлер, где моментально остановилась.

Портер стоял в одних джинсах, с голой грудью и взлохмаченными волосами. Он держал шланг в одной руке и дымящуюся чашку кофе в другой. У него широкая грудь, намного шире, чем я помнила, с легкой россыпью волос, прекрасно обрамляющих его грудные мышцы. Мышцы на животе напряглись, демонстрируя шесть кубиков, о которых нормальный мужчина мог только мечтать. И святое тазовое сужение. Знаете вещи заставляющие женщину сходить с ума, и V указывает на то, что необходимо, да, и у него есть такое и оно спускается гораздо ниже его заниженных джинс. Резинка от его боксеров немного выглядывает из-под пояса, заставляя меня представлять, чтобы я ощущала, когда засунула бы руки под нее.

Он раздавил меня, когда был мальчиком, но сейчас, я страстно желаю его, как мужчину. Мое тело готово броситься к нему, чтобы почувствовать его мягкую кожу, вспомнить, что значить быть в его объятиях, но мой мозг воспроизводит одну ужасную ночь снова и снова. Я хочу забыть все, что произошло, когда-нибудь.

— Доброе утро, — говорит он, поднимая свою кружку в мою сторону, прерывая мои размышления. Он держит шланг и с его лучшим «Воодушевлением Кузена Элли его Рождественскими Каникулами» говорит:

— Толчок был переполнен.

Я знаю, что он пытается ослабить напряжение между нами, но это не останавливает

пламя, вспыхнувшее на моем лице, и я моментально начинаю краснеть. Я хочу превратиться в напуганную черепаху, вжать голову и конечности и упасть плашмя на землю, надеясь слиться с асфальтом.

Не дав даже возможности мне ответить, он продолжил:

— Я смог разобраться, что произошло с туалетом, было не сложно выяснить, когда я хорошенько его осмотрел. Я починил его и уверен, он будет готов к использованию в течение всего путешествия.

Его голос звучит искренне, глаза смотрят на меня с нежностью, и я могу сказать, что он старается быть милым, насколько это возможно, но это не имеет значения. Все, что промелькнуло в моей голове — что Портер, мужчина, который украл мое сердце, выгребает мое дерьмо, как невероятно сексуальная версия Рэнди Куэйда.

Первым меня ударяет унижение, потом тошнит от смущения.

— Извини.

И прежде чем он смог спросить меня, что не так, я несусь назад в начало трейлера, куда только что вернулись мой отец и Пол. В их руках были сумки и кувшины с водой. Лица их были точно такими же мрачными, как когда я сообщила им, что «стала женщиной».

— Привет, Пуговка. Как ты себя чувствуешь?

— Ты выглядишь намного лучше, — добавляет Пол. — Обезвоживание — опасная штука, и за то время, что ты провела на унитазе, я подсчитал, что твой уровень потери влаги — коричневый — не смешно — он требует медицинского вмешательства. Папа решил, что ты не поедешь в больницу, после того, как сидела в неработающем туалете, поэтому мы принесли тебе упаковку воды, — он заканчивает свою тираду с улыбкой и протягивает мне бутылку с водой.

Игнорируя их комментарии, я спрашиваю:

— Почему Портер чистил туалет?

— Он сам предложил, — отвечает отец. — Он раскрыл в себе несколько слесарных навыков и собирался починить туалет сегодня утром.

— Неужели он... - я не могу заставить себя произнести эти слова. Я делаю глубокий вдох и собираюсь с мыслями. — Он ремонтировал его изнутри или снаружи трейлера?

Папа и Пол смотрят друг на друга, и я уже знаю ответ без них. Полное унижение.

Отталкивая их от трейлера, я хватаю свою косметичку, бросаю одеяло на кровать и беру сменную одежду, чтобы переодеться, избегая любой зрительный контакт с любым мужчиной поблизости.

Скажите, что я драматизирую, но сейчас четкое ощущение, что моя жизнь кончена. Портер Смит, мой личный сердцеед, вычищал мое дерьмо этим утром. Что может быть еще хуже для девушки.

Портер

Rolling Stones, наверное, пять раз сыграл во время нашей четырехчасовой поездки по Аризоне, но никто даже не осмелился попросить Марли расплатиться «голой задницей» за свою группу. Мужчины старались прижиматься друг к другу, чтобы держать дистанцию от Марли, которая никак не могла перестать скрежетать зубами. Она села в конце трейлера на отцовскую кровать и что-то печатала на ноутбуке.

Берни прошептал, что мы находились в зоне «Особой Красной Точки» сейчас, и должны

держаться подальше от Марли и быть начеку. Взрослея вместе с МакМэннами, я знал, что означает эта «Особая Красная Точка». Это означало — не буди зверя и оберегай свое хозяйство. Если вы получили по яйцам, то можете винить только себя.

Этим утром, я хотел починить туалет до того, как Марли проснется, но насос работал так чертовски громко, что я удивился, как она не проснулась раньше. В тот момент, когда я увидел ее, я попытался в шутку воспроизвести один из моментов нашего любимого рождественского фильма, «Рождественские Каникулы». Но добился не совсем того эффекта, которого ожидал. Совсем наоборот, вообще-то. Абсолютно уверен, что она ненавидит меня еще больше.

— Пятьдесят тысяч лет назад метеорит упал на Землю со скоростью двадцать шесть тысяч миль в час. Он оставил на Земле два кратера протяженностью четыре мили и пятьсот пятьдесят футов глубиной. Это один из старейших кратеров, сохранившейся до по сей день.

Классический Пол и его энциклопедическое дерьмо.

— Вы могли бы предположить, что останетесь в живых, когда метеорит несется прямо на вас? Как вы думаете, будете ли вы одним из тех людей из фильмов, которые просто пялятся на него, или вы думаете, что побежите? — спрашивает Пол.

— Побегу. Что за идиот будет пялиться на метеорит?

— Пол будет, — говорит Марли позади нас.

Синхронно, все мужчины напрягли плечи от ее голоса. Они все еще ждали, что могло произойти потом. Она подходит к кабине, в руке бутылка, и морковка торчит из ее рта, как сигарета. Сегодня утром Пол и Берни позаботились о том, чтобы купить полезную еду из продуктового магазина, которую им привез местный владелец КОА. Марли питалась здоровой пищей, и они хотели быть уверенными, после прошлой ночи, что она будет обеспечена ей. Но это не означало, что они не купят свои любимые чипсы. Они всегда были в списке продуктов, это была традиция МакМэннов.

В это утро, когда она была завернута в одеяло, я бы с большим удовольствием прижался к ее теплоте, помятому-после-сна телу. Ее глаза были все еще сонными, каштановые волосы выпадали из ее слабых кос, а ее губки-сердечком были полными и готовыми для поцелуя. Она была чертовски соблазнительной.

Позже она уже готовилась к следующему дню: она накрасилась, нанесла немного средства на волосы, надела обтягивающие джинсы и сексуальную розовую футболку. Она была великолепна, но не была похожа на девочку, с которой я вырос. Девчонка, с которой я рос, не красилась, она не часто смотрелась в зеркало, но повзрослевшая Марли была другой. От чего я задумался — сколько в ней осталось от прежней девчонки, которую я знал.

Пол осторожно защищается.

— Я бы не стал стоять и смотреть, я убежал бы, как Портер.

Марли фыркает и садится на спинку обеденного уголка.

— Пол, кого ты обманываешь? Если бы ты увидел, как метеорит приближается к Земле, ты бы спустил штаны и подрочил бы на него. — Марли изображает, как мастурбирует невидимым членом и говорит глубоким мужским голом — О, да, метеорит, подарок из неоткуда.

Марли морщит носик и распыляет свои руки к Полу, подобно оргазму на его лицо и говорит, — Метеорит!

— Что на это скажет папа, — ухмыляется Пол, вытирая невидимую сперму с лица.

— Осторожнее, — предупреждает Берни, явно не довольный, что его дети говорят, как

будут мастурбировать на космические предметы.

Пол кладет руки на грудь.

— Я не буду совокупляться с космосом.

— Пол ты разговариваешь со мной на клингонском. (Клингон — раса воинов из кинофильма «Звездный путь»). Абсолютно уверен, что ты передернул бы затвор на метеорит. Ты практически описался в штаны, когда мы смотрели на метеоритный дождь. Помнишь, на батуте?

Я рассмеялся про себя, когда вспомнил ту ночь. У Пола и Марли был батут на ферме, настолько огромный, что был огражден для безопасности сеткой, чтобы уберечь детей от полета за пределы двора и сворачивания шеи. Мы провели много ночей на пружинистой поверхности, плясь на звезды, находя созвездия и придумывая свои собственные.

Ничего подобного метеоритному дождю мы раньше не видели. Ночь была ясной, и было похоже на то, что дождь льется с неба, но вода никогда не коснется Земли. У каждого из нас было по литру апельсиновой шипучки с нашими именами, и Пол был смельчаком, дотерпев до последней минуты, чтобы сходить в туалет, практически описавшись в штаны. Он бросился прочь, держась за промежность, пока не добежал до туалета.

Не смотря на то, что Пол практически описался, будучи подростком, больше всего я запомнил, тот короткий момент, когда я остался наедине с Марли. Мы смеялись и катались по батуту в восхищении, приближаясь, прямо друг к другу. Моя рука упала на ее бедро, а ее пальцы коснулись моей груди. Ее глаза неистово исследовали меня, и в тот момент я понял, что нравлюсь ей. Она не смотрела на меня, как на брата... она видела меня, как что-то большее.

Марли коротко посмотрела на меня, я заметил проблески воспоминаний в ее глазах, отражающихся в моих. Должно быть, она вспомнила тот же момент, что и я.

— Тебе лучше? = спрашивает Берни, меняя тему ради безопасности Пола.

— Да. Спасибо, что ради меня сходили в магазин.

— Это значит, что больше никаких хот-догов? — спрашивает Пол и получает удар от отца, затыкающий ему рот.

Марли напрягается, но говорит:

— Нет, думаю, все будет хорошо. Не хочу нарушать традиции. Я просто буду пить побольше воды, и съесть только одну сосиску в день. Две для меня слишком много.

— Как жалко, — смеется Пол.

— Вот оно, — орет Берни.

Я наблюдаю за восторгом, от которого Берни и Пол практически гудят на своих местах, когда мы паркуем трейлер. Как только ключ покидает замок зажигания, Берни и Пол бросаются со всех ног вперед, оставляя нас в клубах их пыли. Для меня кратер метеорита — просто дырка в земле, но для Пола и Берни, это сияющий маяк их любви к космосу. Пол может отрицать свою любовь к космосу, но это очевидно, из-за его подрагивающей вверх и вниз ноге, как будто он собака, которую чешут по животу.

Мы заходим в туристический центр, где Пол и Берни проводят время, читая все предоставленные сведения, пока Марли делает снимки интересующих ее вещей на Полароид.

Засунув руки в карманы, я оглядываю пространство, но не нахожу интереса к чтению истории потому что, если честно, зачем все усложнять, когда Пол перескажет все нам, как только трейлер тронется с места? Я выбираю дожидаться коротких заметок, так же

известных, как заметки Пола.

Выходя наружу, я замечаю огромную дыру кратера, образовавшуюся на поверхности Земли. Пустыня окружает нас, не видно ни одного деревца, только клубящиеся столбы пыли. Живя в пригороде Нью-Йорка, привыкаешь к тому, что деревья закрывают обзор, но здесь, на Западе, можно увидеть ландшафт, растянувшийся на мили.

Марли выходит из образовательного отдела туристического центра и смотрит на кратер. Ее руки упираются в металлический поручень, который удерживает туристов, сбившихся с пути, конечно же. Она выглядит спокойной, даже грустной из-за того, как я предполагаю, что не может разделить это момент с мамой.

— Достаточно большой, да ведь? — спрашиваю, не зная, что еще сказать, но нуждаясь в разговоре с ней.

Она быстро на меня смотрит и вздыхает.

— Да, больше, чем я ожидала.

— Серьезно? Разве ты не слышала разглагольствования Пола о его размерах?

Она смеется.

— Я полагаю, что вы никогда не узнаете, как выглядит на самом деле дыра размером в пятьсот пятьдесят футов, пока не увидите ее собственными глазами. — Она поднимает камеру и делает снимок. Маленькая белая фотография выскакивает снизу, которую она хватает и начинает ей размахивать.

— Ты знаешь, что размахивание ни на что не влияет?

— Но это выглядит круто, — отвечает она с издевкой.

Тишина обрушивается на нас, когда я пытаюсь решить, что еще сказать ей. Я хочу сказать ей, что извиняюсь за боль, которую причинил ей. Я хочу узнать, из первоисточника, что у нее произошло за эти четыре года, а не слушать обрывочные рассказы Пола, я хочу узнать новую Марли, которая выглядит немного измотанной, но уже не деревенской девчонкой.

Вместо этого, я поднимаю единственную тему, которую она, вероятно, не желает обсуждать, но я такой сообразительный.

— Извини, если смутил тебя утром туалетной историей. Я просто пытался быть полезным. Если тебе станет от этого легче, то я видал и похуже.

Не беспокойтесь, я знаю, что идиотизм, исходящий из меня находится на взрывоопасном уровне, я достаточно осведомлен.

Она разворачивается на каблуках ко мне, с руками на бедрах и пламенем в глазах.

— Если мне станет от этого легче?

Она практически шипит на меня, всем телом превращаясь в ядовитую змею, готовую впиться в мою яремную вену своими ядовитыми клыками. Не очень удачное начало разговора.

— Ты действительно считаешь, что я собираюсь провести время на кратере, обсуждая мое дерьмо прошлой ночью? Да, что с тобой не так?

Я подумал о том, чтобы прикрыть шею, не желая получить неожиданный удар или задохнуться от ее подрагивающей ноги.

— Я просто пытаюсь быть милым, — защищаюсь я, натягивая улыбку на лицо для поддержания хорошего настроения.

— Смутив меня? — она закипает сквозь зубы.

Она злится. Я должен придержываться кода «Особой Красной Точки». Желание

защитить мои яйца становится огромным, когда мои руки опускаются южнее, сложившись в щиток.

— Я не хотел тебя смущать. Я просто пытался объяснить.

Оглядевшись вокруг и указывая на меня большим пальцем, как будто обращалась к толпе, она говорит:

— Ох, так ты пытаешься быть Мистером Хорошим Парнем? Опоздал на четыре года, Портер.

Теперь я злюсь. Она не имеет никакого представления, что та ночь значила для меня. Я сделал больно ей, но себе я сделал гораздо больнее.

— Так и будешь тыкать мне этим в лицо? — я хватаю ее за руку, когда она собирается сбежать от меня. Она смотрит поверх моего плеча в поисках своей семьи.

— Тыкать тебе в лицо? Экстренные новости, Портер, я не видела тебя четыре года. Как, черт возьми, я могла продолжать тыкать тебе этим в лицо, когда тебя не было поблизости? Отличный фокус с исчезновением, кстати, ты действительно поднял самооценку девушки до небес, — с насмешкой, она поднимает большой палец вверх.

Для меня, поднятый палец вверх ужаснее среднего, потому что, делая это с насмешкой, ты практически сообщая человеку, что он круглый идиот.

— Ты много чего не понимаешь, — отвечаю, как можно уклончивее. Сейчас не время и не место для этого разговора и я это знаю. — Все в прошлом, незачем ворошить это, особенно учитывая то, что мы собираемся провести вместе следующие несколько дней. Почему бы нам не попытаться насладиться обществом друг друга, вместо того, чтобы грызть друг другу глотки?

Невозможно прочесть мимику на лице Марли, когда она приближается ко мне.

— Даже не рассчитывай на это, Портер. Я превращу твою жизнь в ад на колесах.

— Правда? — я вижу вызов в ее глазах.

— О, да. Оглядывайся по сторонам, Смит, я приду за тобой и знаешь что? Расплата будет жестокой.

— Расплата за что? — спрашиваю я с едва скрываемой симпатией к огню, пылающему в ее глазах.

Она встает на цыпочки и шепчет мне на ухо.

— За то, что разорвал мое сердце напополам и оставил одну истекать кровью.

Ее дыхание щекочет мое ухо, пока я впитываю ее слова. Мое тело стремится прижать ее к себе и извиниться за все мои проступки, из-за которых она переживает, но я не делаю этого. Лучше всего извиниться перед ней за то, что причинил ей боль, но гордый человек внутри меня выбирает другой путь, менее благосклонно принятый путь. Путь, на котором она немедленно отправит меня в хлипкую собачью конуру, куда хотела засунуть меня, как только я ступил в трейлер.

— Рада, что я вычистил за тобой дерьмо вместо того, чтобы заставить тебя это сделать? О, и разве ты ела кукурузу?

У нее отвисает челюсть, и ярость напрягает все ее тело.

— Ненавижу тебя!

— Чувства взаимны, детка, — я похлопываю ее по плечу и спускаюсь по лестнице на смотровую площадку кратера.

Каждый раз, вспоминая этот кратер, я буду ассоциировать его с глубокой ямой, которую я вырыл для себя из-за Марли. Только продержаться короткую недельку. Я смогу сделать

это, убеждаю сам себя, зная очень хорошо, что каждый раз, когда я вижу ее, мое сопротивление слабеет.

— Ух ты, посмотри на это место. Теперь, когда я увидел его собственными глазами, я сомневаюсь, что убежал бы от метеорита, летящего прямо на меня, — говорит Пол, хлопая по моей спине. — Пятьдесят тысяч лет назад единственными свидетелями были мамонты, ленивцы, бизоны и верблюды. Если бы люди выжили, представляешь, какие истории бы передавались из поколения в поколение?

Марли встает позади Пола, щелчок камеры сообщает об ее прибытии.

— Может быть, ты спросишь у бизонов, рассказывали ли их пра-пра-прабабушки и прадедушки им истории. Уверена, они бы с радостью поделились с тобой.

— Если бы я смог поговорить с бизонами, то сделал бы это, — энтузиазм Пола вызывает тошноту, особенно после разговора с Марли.

Она направляется к концу смотровой площадки к своему отцу. Ее рука обнимает его талию, а голова лежит на плече. Ее отношения с отцом всегда были безупречными, а ее любовь к матери была очевидна каждый раз, когда они были вместе. Очень тяжело ничего не чувствовать к девушке, которая может любить так сильно, как Марли. Она умеет любить сильно, я знаю это не понаслышке.

— Портер, иди сюда, — орет Берни, подзывая меня рукой. — Мы хотим сделать семейное фото.

Я не спеша направился к ним. Они стоят на конце смотровой площадки, огромный кратер позади них. Я тянусь за Полароидом, чтобы сделать снимок, когда Берни просит молодую женщину, стоящую рядом, сделать снимок.

— Обними Марли, Портер, и прижми ближе к себе.

Я шагаю в сторону Марли, которая рычит, как антилопа Гну, на меня. Игнорируя клыки, которые появились из-под ее сочных губ, я обнимаю ее и притягиваю ближе. Она впивается в меня своими ногтями, но я игнорирую прокалывание своей кожи и улыбаюсь в камеру.

— Скажите сыр! — кричит Берни.

В ту минуту, как Полароид щелкает, она освобождается от моей хватки и забирает камеру у отзывчивой незнакомки. Снова она начинает трясти снимком, но умышленно смотрит на меня, как будто размахивание фотографией действует мне на нервы.

Это не так, по крайней мере, я заставляю себя думать, что это не так.

— Ты знаешь, что не обязательно трясти снимком, — вмешивается Пол, и от его комментария широченная улыбка расплывается по моему лицу. — Согласно недавнему исследованию, которое я изучил на CNN, размахивая снимком, после того как он был сделан, можно реально исказить изображение во время проявления. С современными технологиям, появилось белое покрытие, защищающее пленку, поэтому трясти снимок, чтобы высушить его, бессмысленно. Песня группы OutKast «потряси им, как снимком Полароида» оказала медвежьёу услугу в настоящие дни для Полароида.

— Заткнись к чертовой матери, Пол, — Марли уходит, пока я хохочу во все горло.

Глава 6

Марли

— Я не могу прийти в себя от красок, они великолепны.

— Пигменты, на самом деле, состоят из железа и соединений марганца.

Я начинаю скрипеть зубами от лекции Пола на тему разнообразия оттенков пустыни Аризоны. Когда я искала различные достопримечательности, мы посетили ее онлайн, я провела большую часть времени, исследуя красоту пустыни, также известную, как Пустошь. Пол любезно рассказал мне, что существует несколько версий Пустоши в Соединенных Штатах, в Северной Дакоте была одна из них.

Честно говоря, мне пофиг. Меня больше волновало, как солнце садится на великолепном небе Аризоны, оттеняя рельеф скал. Это самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видела.

Разнообразные оттенки оранжевого, красного и бирюзового распространяются на всю ширину рельефных вершин скал. Парк был огромным, и мы делали остановки в различных местах, не забывая сделать снимок каждого из них. Папа с Полом разговаривали о геологии парка, точнее, о Триасовом периоде, во время которого образовался парк. От каждой заумной бомбы, которая сбрасывается каждые две секунды, я задумываюсь — действительно ли я принадлежу этому семейству?

Портер молчалив и правильно делает, потому что я использовала «Особую Красную Точку» с ним на кратере, еще больше смутившись, чем прежде. Но я ни о чем не жалею.

Ой, извините, мой Нос Пиноккио пытается выколоть ваш глаз? Да, я вру, большую часть времени.

— Ирвин, вылезай из машины!

Я обращаю внимание на пожилую пару, которая только что остановилась на парковке рядом с «Тэси». Муж сидит на пассажирском сидении, изо всех сил пытающийся выбраться из него, а его жена держит дверь открытой для него.

— Ты пропустишь закат. Что ты делаешь, старый черт?

— Я пытаюсь выбраться из этой хитро отбортованной штуковины.

Я не собираюсь помогать и наблюдаю за попытками Ирвина.

— Так и будешь продолжать пялиться на них или все-таки поможешь? — голос Портера звучит в дюйме от моего уха, посылая дрожь вниз по руке.

Я отклоняюсь от него, оставляя между нами небольшое расстояние.

— Это не мое дело.

— Тогда почему ты так таращишься на них?

— Они очень громко себя вели, было очень сложно не посмотреть, что там происходит.

— Милли, я не могу сообразить как.

— Силы небесные, бестолковый! — Милли подбрасывает руки в воздух, в тот момент, когда у нее зазвонил телефон. — Это должно быть Диана. — Копаясь в сумочке, она находит его и достает.

Мы вместе с Портером смотрим, как она прижимает его к лицу и начинает орать.

— Алло. Диана, ты слышишь меня? Как пользоваться этой чертовой штуковиной? Ирвин, как пользоваться ей, алло? Диана, ты слышишь меня?

— Милли вытащи меня из этой машины.

— Диана, ты слышишь меня?

— Милли, я не могу выбраться отсюда.

— Без слез не взглянешь, — смеюсь я, а Портер хохочет рядом со мной, что смягчает напряжение между нами.

— Милли! — орет Ирвин от досады.

Милли бросает телефон в сумку и кричит:

— Нажми на красную кнопку, Ирвин! Красную кнопку, нажми, Господи, на эту чертову красную кнопку!

Мы видим, как Ирвин наклоняется и нажимает на кнопку, отстегивая ремень безопасности, получая возможность сбежать. Он оглядывается на машину и говорит:

— Нельзя доверять технологиям, точно так же, как и метеоризму.

Он хлопает дверью и хватается Милли за руку, чтобы отвести ее на смотровую площадку. Ирвин кивает нам, а Милли машет пальцами, как будто говорит «привет», как будто они только что не разрушили словесно всю атмосферу заката.

— Какая красивая пара, правда ведь, Ирвин? — спрашивает Милли, говоря про меня и Портера.

Я собираюсь исправить ее, когда Портер поглаживает мое плечо и улыбается им.

— Спасибо, мэ. Завтра десять лет, как я вместе с этим мешком с костями.

— Так мило, — одновременно отвечают Милли и Ирвин, уходя прочь, в тот момент, когда я отталкиваю от себя Портера.

— Да что с тобой не так? Десять лет назад мне было двенадцать.

— Никогда не рано для любви, — он ухмыляется, от чего мое сердце начинает биться сильнее.

— Извращенец.

— Ты действительно будешь вести себя, как стерва всю эту поездку, Марли? Почему мы не можем поладить и насладиться обществом друг друга? Я давно не видел тебя, было бы неплохо наверстать упущенное.

Ох, ему бы этого хотелось, правда что ли? Я вижу блеск в его глазах, и желание, чтобы я забыла, что он сделал со мной. Да, это никогда не случится. Я хочу, чтобы он боялся меня. Я хочу, чтобы он испугался, интересно, чтобы мне с ним сделать. Если я не могу вырезать его сердце — которого естественно у него нет — то я могу запудрить ему мозги, что и намереваюсь сделать.

— Знаешь что? Ты прав. Нам действительно надо много наверстать. Расскажи мне, скольких женщин ты трахнул, с тех пор как оставил меня одну голой?

Портер трет лицо ладонями, а потом уходит. Так я и думала. Очко в пользу Марли.

— Это лучшее пиво, которое ты когда-либо пробовал, — говорит Портер Полу, держа в руках шесть упаковок пива, которое они купили на заправке.

Это было отвратительное зрелище — мужское поклонение пиву, которое я, к сожалению, наблюдала, когда брала зеленый чай из холодильника. Пол и Портер провели достаточно времени, рассуждая какое пиво взять им на вечер, когда Портер практически кончил на бутылку, увидев свое любимое пиво.

В тот момент, когда они спорили из-за пива, я точно знала, что сделаю с ними, чтобы отомстить «описанное лицо». Я перерыла всю заправку в поисках пищевой пленки, и приобрела ее вместе с зеленым чаем и упаковкой смеси из сухофруктов и орехов. Зеленый чай и упаковка сухофруктов для меня, а пищевая пленка для двух идиотов, которые прижимают свое пиво к груди.

Мой папа не пьет. Я знаю, что он пил только одно пиво всю жизнь, поэтому вместо того, чтобы дрончить на стеллаж с пивом, он хватается рутбир («корневое пиво» —

безалкогольный газированный напиток, изготовленный из коры дерева Сассафрас) для себя и шоколадный батончик «Три Мушкетера», потому что Берни постоянен.

Мы расположились в «Деревне Вигвамов», папа пошел нас зарегистрировать, и у меня чешутся руки привести мой план в действие. Расплатой за «описанное лицо».

Дверь в кабину открывается, и папа запрыгивает внутрь.

— Мы остановились вон в том вигваме, — папа бросает мне ключи. — Марли, номер для тебя. Мальчики и я останемся в «Тэси», охранять ее от взлома.

Серьезный тон в голосе отца заставляет меня покачать головой. Я люблю «Тэси», она нас сопровождала десятилетиями, но никто, и я действительно имею в виду «никто», на этой планете, не попытается угнать ее. Из-за потрепанной запаски, пятен ржавчины на бампере и полу-рабочего туалета.

— У нас только один номер? — спрашиваю я.

— Да, только один был свободен. Это популярное туристическое направление.

Я смотрю в окно и рассматриваю ландшафт. «Деревня Вигвамов» находится прямо на съезде «Шоссе 66», так же известного, как US-40. То, что считалось местом для отдыха туристов, сейчас центр торгового комплекса, рядом с Safeway Grocery Store (сеть продуктовых магазинов в Америке). Мое описание не совсем похоже на туристическое направление, больше, как ностальгическая достопримечательность.

— Поскольку мы еще не подключили «Тэси», нам придется по очереди пользоваться туалетом. Мальчики, помогите мне это сделать, когда мы припаркуем «Тэси».

Как я и ожидала, Пол и Портер поставили свои банки, когда мы припарковались, и отправились помогать папе с трейлером. Я действую, как агент ФБР, убираю их пиво в свою сумку вместе с моими туалетными принадлежностями и пищевой пленкой, и открываю свой вигвам.

Снаружи, строение напоминает огромный белый вигвам, и когда я захожу внутрь, меня удивляет насколько крошечная комната. Окна низко расположены из-за угловой крыши, и здесь достаточно места для кровати, небольшого стола и деревянного стула. Прямо напротив меня ванная комната, вероятно, размером всего в два фута. Здесь пахнет, как в старом кемпинге, но мне нравится. Комната устаревшая, но возвращает меня к временам, когда жизнь была беззаботной и не наполнена такими вещами, как телевизор или сотовый телефон. Минималистическая обстановка и Утешитель (наименование третьего лица из святой Троицы) выглядят так, будто их вытащили из шоу 70-х. Мне здесь все нравится.

Я ставлю свою сумку в тот момент, когда звонит телефон. Это Мариса.

— Привет, Рисс, — отвечаю я.

— Привет, Марли, как проходит поездка? Советы из твоего туристического блога очень забавные. Ты действительно снимаешь макияж лентой?

Мне необходимо было проявить креатив для моего блога, учитывая тот факт, что я застряла в трейлере с тремя мужчинами и недостаточным местом в туалете. Каждый раз, когда у меня была возможность, я читала о последних модных причудах звезд и пробовала их на себе. Вчерашняя была от Леди Гаги, которая утверждала, что может снять блестящий макияж с глаз с помощью атлетической ленты. Я попробовала это некоторое время назад и наконец-то написала об этом.

Что я выяснила, используя ленту для снятия макияжа, это то, что я довольно глупый человек, решивший отказаться от средства для снятия макияжа и использовать ленту. Благодаря тому, что я дочь своего отца, у меня был только скотч, для проведения

эксперимента. ОГРОМНАЯ ошибка. Я потратила пятнадцать минут, умоляя веки, не остаться без кожи самым ужасным образом. Я написала об этом прошлой ночью.

К чести Леди Гаги, она использует мягкую атлетическую ленту, а я промахнулась в этом направлении.

— Даже не пытайся. Разве ты не прочитала всю статью? — пока разговаривала с Марисой, я разложила некоторые вещи для небольшого личного удобства.

— Не было времени. Джонни вернулся домой с налитым членом. Я готовила для нас ужин, когда он подошел ко мне, плюхнулся на столешницу и спросил — не хочу ли я перекусить.

— Фу, перестань, Мариса.

— Что? Это неплохая закуска. И да, я почистила столешницу после этого, но это не важно, потому что член Джонни всегда чистый.

— Не член полностью чистый, Мариса. Не имеет значения, сколько раз ты его надраивал. Всегда где-нибудь окажется «творог».

— С какими членами ты развлекалась, раз имела дело с мужским сыром Фета? Я говорила тебе, что нужно потрахаться? У Пола есть какой-нибудь друг жениха, которого ты могла бы закадрить на свадьбе? Я должна быть там, можешь записать меня, как «плюс один»? Я могу быть твоей девушкой.

— Нет необходимости, но спасибо за предложение.

— Ладно, но только не говори, что я никогда не предлагала тебе помощь. Так, как на открытой дороге?

— Все было хорошо, пока не появился особый гость.

— Что ты имеешь в виду?

Я достаю из сумки пиво и направляюсь в ванную к раковине.

— Лучший друг Пола присоединился к нам. Портер Смит, узнаешь имя?

— Портер Смит. Это тот... неееееет, — Мариса вскрикивает, понимая важность имени.

— Угу.

— Что это волосатое яйцо делает в поездке? Я думала это семейное дело?

Я рассматриваю свой нос в зеркале, когда отвечаю ей сопливым голосом, пытаюсь подражать Полу.

— Портер — наша семья.

— Вот дерьмо! — я оценила ее возмущение... именно поэтому мы дружим, мы пропитываемся эмоциями друг друга. Всегда чувствуешь себя лучше, когда твой друг разделяет твою злость, вместо того, чтобы пытаться решить проблему. Иногда, просто нужно пожаловаться.

— Мне ли об этом говорить, но я не могу ничего возразить, потому что это последнее «ура» Пола, как он его называет, и я стараюсь быть милой с незванным гостем, — я прислоняюсь задницей к раковине и вздыхаю. — Мариса, ты даже не представляешь насколько это тяжело. Знаешь, когда встречаешь людей из прошлого, которые уничтожили тебя определенным образом, и все о чем ты мечтаешь, чтобы они стали толстыми, или имели бы залысины или лицо все в оспинах.

— Постоянно.

— Но когда, когда ты встречаешь их, а они выглядят полной противоположностью. На самом деле они превратились супер горячего мужчину. Настолько горячего, что заставляют мужчину, женщину, ребенка и собаку, прекратить заниматься своими делами и оценить

«секс на палочке» прогуливающийся рядом с ними. Настолько горячий, что ты начинаешь совершать глупые поступки, например, заниматься петтингом с баскетбольным столбом....

— Это было все один раз! И было в шутку, — оправдывается Мариса, пока я смеюсь.

— В любом случае, ты ведь поняла, о чем я говорю, правда?

— Да, я знакома с уровнем великолепия, о котором ты говоришь.

— Это Портер. Этот придурок бросил меня, вышел в люди, и был в состоянии добиться высшего ранга в категории сексуальности. Он достиг уровня «я-кусочек-секса».

— Вершина сексуальности, — шепчет в ужасе Мариса, — Погоди, а у него есть борода?

— Да.

— Пресс? Грудные мышцы? Татуировки? Низко посаженные джинсы? Предплечья, которые напрягаются, когда он смеется или по любым другим причинам? Глаза, захватывающие твое сердце?

— Да, все из перечисленного.

Татуировку он сделал, когда я училась в старших классах. Это год его рождения, выполненный римскими цифрами вдоль его талии рядом с «V». Это чертовски сексуально.

— Погоди, а у него есть дорожный знак, указывающий на его член?

Другими словами, Мариса спрашивает про «V».

— Да, и это должно преследоваться по закону.

— Пришли мне фотографию.

— Я не собираюсь ничего тебе отправлять. Господи, Мариса, я практически слышу твое тяжелое дыхание сквозь трубку. Помнишь, ты виделась с Джонни?

— Да и я благодарна ему, но... Портер звучит невероятно сексуально.

— Хммм, может быть, мы вспомним, что он сделал со мной?

Расстроенная, я смотрю на пиво и вспоминаю мою задачу на сегодня. Я поворачиваюсь к раковине и щелкаю задней ручкой и вставляю пробку в слив раковины. Банки все еще в упаковке, поэтому я разрываю ее.

— Ах, да, чуть не забыла. Он ведет себя с тобой, как кретин?

— Я бы хотела этого, — я начинаю выходить из себя, выливая пиво в раковину. — Он пытается притвориться, что ничего не произошло. Он хочет, чтобы мы вели себя цивилизованно в дороге. Только я не могу, Мариса. Если я прощу его, если проигнорирую факт, что он причинил мне боль, боюсь, я вернусь снова к чувствам, которые однажды испытывала к нему.

По секрету, чувства все еще остались, но я пока приберегу эту информацию от Марисы. Зная ее и ее миссию — заставить меня трахнуть, она убедит меня сделать это, а я не хочу. Я отчаянно хочу сохранять дистанцию, потому что если не буду, я знаю, что буду снова страдать.

— Я понимаю. Что ты там делаешь? Устраиваешь вечеринку? — я закончила открывать последнюю банку и засмеялась.

— Нет, просто подготавливаю небольшую расплату. Ты прочитаешь позже об этом в моем блоге, потому что мне пора идти, мне нужно сделать это до того, как мальчики вернутся.

— Ладно. Будь осторожна с Портером. Не позволяй его сексуальности завладеть тобой.

— Я постараюсь.

Костяшкой, я нажимаю на кнопку завершения вызова, потому что пальцы испачканы пивом. Я расчёсываю щеткой свои волосы, встряхиваю головой и окунаю волосы прямо в

пивную ванную, которую я приготовила для себя в раковине туалета. Запах двух смешанных сортов пива отвратительный, но я убеждаю себя, что это для благого дела.

Секрет красоты от Кэтрин Зета-Джонс — окунуть вашу голову в ванную из пива, что помогает очистить волосы от загрязнений. Алкоголь очищает фолликулы намного больше, чем ваш шампунь. Я читала, что можно чередовать шампуни, чтобы минимизировать скопление грязи, но если ты не хочешь иметь несколько бутылок средства в ванной, выбери пивную ванну, это уверенный победитель.

Я втираю пиво в свои длинные пряди, убеждаюсь, что намочила все корни волос, чтобы смыть грязь, все время, смеясь про себя от расстроенного вида, который приобретут лица Пола и Портера, когда они увидят, что я сделала с их драгоценным-драгоценным пивом.

Когда я понимаю, что намочила волосы по всей длине, я удаляю излишки, аккуратно выжимая волосы, потом беру пищевую пленку, которую купила, скручиваю волосы в пучок и обматываю пленку вокруг головы, покрывая полностью кожу, чтобы удержать жидкость.

Я делаю храброе выражение лица и готовлюсь встретиться с гневом «Близнецов Боббси» (две пары близнецов, Берт и Нэн, Фредди и Флосси, персонажи многочисленных книг для детей Лоры Ли Хоуп).

— Открывай, Марли. Ты брала наше пиво?

М-да, он вне себя от злости. Его ожидает сюрприз.

Небрежно, я открываю дверь и сталкиваюсь с Портером и Полом, возвышающимися надо мной, в нетерпении войти.

— Эй, ребятки, в чем дело?

— Где наше пиво? — он принюхивается в комнате, затем свирепо смотрит на меня. — Ты открывала наше пиво? И что за чертовщина у тебя на голове?

— Просто решила немного почиститься. Ваше пиво в ванной, я подумала, что стоит охладить его для вас.

Пол сопит и прожигает меня взглядом, направляясь прямиком в ванную. Портер стоит в дверном проеме, руки на бедрах и смотрит многозначительным взглядом.

— Симпатичная прическа.

— Не разговаривай со мной, — рычу я и отворачиваюсь от него. Его хихиканье за моей спиной никак не влияет на мое настроение.

— Какого хрена, Марли! — орет Пол, повернувшись ко мне лицом. — Почему нашим пивом залита вся раковина?

— Чего? — спрашивает Портер, заходя в номер, чтобы лично убедиться.

— Мне нужно было очищающее средство, чтобы удалить загрязнение из волос. Пиво отлично с этим справилось, благодаря содержанию алкоголя. Я припасла немного для вас ребята, правда. Принести ваши кружки из трейлера? Вы можете использовать раковину, как чашу для пунша, просто погрузите кружки и наполните их.

Довольная улыбка растягивается по моему лицу, приводя в ярость их обоих, когда я представляю, как они черпают пиво из раковины.

— Это не могло произойти, — Пол опускается на пол, держась за голову. — Это было не просто любое пиво, в которое ты могла опустить свою шелушащуюся голову. Это был особый, индийский, светлый эль из местной пивоварни, который не горчи́л, оставлял восхитительное послевкусие, как от дольки тающего шоколада Dove. - он хватается за волосы от огорчения. — Как ты могла это сделать?

Вы видите жалкого человека, сидящего на полу и хнычущего, как ребенок? Да, и

вообще-то это мужчина. Вы можете подумать, «Ух ты, он немного драматизирует», и знаете что? Вы абсолютно правы, он драматизирует, и я собираюсь использовать это сейчас. Пол — это такой тип брата, которому хочется заглянуть в штаны по причине, чтобы только убедиться, что у него вагина вместо члена. Он плакал очень часто, устраивал скандалы и превращался в невменяемого, и надевал фартук, когда готовил, и это не один из фартуков типа «Поцелуй повара», нет, он надевал голубой с рюшами и в цветочек.

Он мог быть такой леди. Иногда мне казалось, что у меня больше член, чем у него, и сегодня я собираюсь воспользоваться этим.

— Я с нетерпением ждал, когда попробую это пиво, с того момента, как мы купили его...

Заметьте, это произошло полчаса назад, а Королева Драмы ведет себя так, будто купил его неделю назад.

— Я так давно не пил это пиво, а теперь в нем твоя перхоть.

— Эй, — я указываю пальцем на него. — Вы оба знаете, что у меня нет перхоти, и знаете почему? Потому что я пропитала свои волосы пивом!

Игнорируя меня, он продолжает.

— Ты испортила мне весь вечер. Нет смысла больше что-то делать. У меня больше не будет возможности выпить это пиво снова.

Я закатила глаза.

— Эй, придурок, заправка через два перекрестка от нас, будь мужиком и купи себе еще. Жизнь на этом не кончена.

Пол встает и смотрит на меня.

— Просто скажи, зачем ты это сделала? Почему ты так жестока к своему единственному брату?

Я смотрю на свои ногти и говорю:

— Просто небольшая расплата за «описанное лицо».

Пар валит из ноздрей Пола, когда он тычет в меня пальцем.

— Это война, ты ведь понимаешь это, верно? Ты навлекла на себя такие неприятности, с которыми не в состоянии будешь справиться. Не впутывай в это мое пиво.

— Я смогу воспринимать тебя серьезнее, если бы ты подотрешь соплю под носом. О, и кстати, по словам Кэтрин Зета-Джонс, пиво идеально подходит для очищения кожи головы от всех ненатуральных веществ накопленных от шампуня и спрея для волос, — я бросаю раздражающий Пола факт ему в лицо. — Тебе стоит попробовать это с твоей твороженной головкой.

Как маленькая дива, Пол вылетает из номера, пыхтя от недовольства, оставляя меня наедине с Портером, у которого забавное выражение на лице, потому что он не знает смеяться ему или беситься.

— Так тебе принести стакан? Или ты не собираешься пить пиво из раковины?

Не отвечая, Портер уходит и оставляет меня одну в моем номере. Я слышу, как Пол жалуется папе про свое драгоценное пиво, но это бессмысленно, потому что папа не тот, кто станет меня наказывать. Я выглядываю на улицу и вижу Портера, прислонившегося к трейлеру, его голова смотрит в небо, а руки сложены за спиной. Он спокойный, не злой, не сердитый, просто спокойный.

Вместо того, чтобы задуматься, я закрываю дверь и хватаю камеру. Я делаю селфи возле раковины с пивом и поднятым большим пальцем, по-прежнему фиксируя каждый момент

путешествия. Обязательно прикреплю этот снимок к свадебной открытке для Пола, потому что я очень хорошая сестра. Воспоминания — бесценная вещь.

— Пол сильно расстроился, может, ты хотя бы извинишься? — говорит отец, выходя из моего вигвама. Я уже приняла душ и заплела свои волосы. Пока Пол принимал душ в моем номере, я тусовалась с папой и играла с ним в карты, пока тот был занят делом.

— Пол, как принцесса. На мне была его моча, он не смог попить свое любимое пиво. Не понимаю, как это связано.

— Это его поездка...

— Какого хрена. Да ладно тебе, пап. Только не говори мне, что даже немного не посмеялся, когда Пол начал жаловаться на боль в животе от расстройства.

Одно из моих любимых занятий — уговаривать папу встать на мою сторону, и почти каждый раз он соглашается со мной. Он хихикает и кивает головой, подтверждая это снова, он в команде Марли.

— Он немного тронулся.

— Совсем немного, — я зеваю и потягиваюсь, — Думаю мне пора в кровать. Я устала.

— Хорошо, я отправлю Портера и порошу, чтобы делал все тихо.

Портер! Я абсолютно забыла, что он все еще не принял душ. Я могла бы притвориться спящей... это должно быть легко.

— Хорошо, спокойной ночи, пап.

Быстро, я прыгнула на кровать и повернулась спиной к двери, натянула простынь на плечи. Притворяться спящей действительно легко.

В животе трепещет от ожидания, когда Портер откроет дверь и зайдет. Я опасаясь того, что он может мне сказать, если соберётся заговорить со мной. Я предпочитаю, чтобы он сделал свои дела и ушел, я не обязана с ним разговаривать, но похоже на то, что он не собирается это делать. Затем я снова вспоминаю наш ужин и как он едва смотрел на меня. Он действительно так сердился из-за пива? Если это так, то он свихнулся еще больше, чем Пол, по крайней мере, Пол ныл из-за меня.

Наверное, прошел час, прежде чем Портер зашел, мои глаза сонные и я не делаю достаточно движений, чтобы проследить за ним. Он проходит мимо кровати в ванную, не говоря ни слова. Мягкий щелчок раздаётся в маленьком номере, и узкая полоска света виднеется из щели двери. Включается душ, и я внимательно прислушиваюсь к каждому его движению.

Я не могу удержаться от мыслей, как он выглядит обнаженным. Наверное, как какой-нибудь греческий Бог, но более потрепанный с впечатляющей коллекцией фланелевых рубашек.

Через десять минут, душ выключается, вода перестает литься в раковину, в которой я полагаю, он чистил зубы, и выключается свет. Прежде чем я успела отвернуться, он открывает дверь и смотрит на меня.

— Привет.

У него все еще задумчивый взгляд, и я задаюсь вопросом, действительно ли он так расстроился из-за своего пива.

— Привет, эм, удачно сходил в душ?

— Да, спасибо.

Комната уменьшается в геометрической прогрессии от широких форм Портера заполняющих пространство. Потолок не очень высокий, а стены не сильно широкие, так что Портер выглядит почти, как великан в маленьком вигваме. От него пахнет мылом, и капельки воды падают из его темно-каштановых волос. Его глубокие карие глаза пронзают мою душу, и я знаю, если он сделает шаг ко мне прямо сейчас, я не смогу сдержать его. Я, скорее всего, сдамся.

— Ну, я, пожалуй, пойду. Спокойной ночи, Марли.

— Подожди, — говорю я.

Какого черта это слово только что вырвалось из моего рта? Если бы я могла, то предпочла бы воткнуть ручку себе в трахею, произнеся это маленькое слово. Я должна игнорировать его, позволить заниматься ему своими делами, но мое подсознание требует большего. Это чертовски рушит все мои планы!

Он ищет мои глаза, пока я пытаюсь сообразить, что хочу ему сказать. Я ненавижу, когда он такой грустный, такой расстроенный. Единственное объяснение, которое я смогла придумать, когда попросила задержаться его в своем маленьком вигваме.

— Слушай, — я делаю глубокий вдох. — Извини, что взяла ваше пиво. Я не думала, что ты так расстроишься из-за этого. Я куплю тебе и Полу еще пива завтра.

Голова Портера наклоняется в сторону, когда он изучает меня. Один маленький жест заставляет мое сердце биться сильнее, когда он слегка облизывает свои губы, увлажняя их, от чего они блестят под освещением вигвама.

— Ты действительно считаешь, что я злюсь из-за пива?

Подперев подушкой изголовье кровати, я усаживаюсь для разговора с ним.

— Я не знаю, возможно? В смысле, из-за чего тебе еще злиться?

Вздыхая, он бросает свои вещи на пол и садится на кровать рядом со мной.

О, мой Бог, Портер в моей кровати! Как будто детская мечта сбылась, ну точнее, сбылась мечта старшеклассницы. Я не извращенка.

— Меня меньше всего заботит пиво, Марли.

— Тогда из-за чего ты был в подавленном состоянии?

— Я скучаю по тебе, — признается он мне прямо в глаза. — Ты была частью моей жизни так долго, что эта поездка напомнила мне, как много я пропустил за последние четыре года. Это напомнило мне, какие фокусы мы придумывали, чтобы разыграть Пола, сводя его с ума, пока он не плакался отцу. От этого я ненавижу то, что произошло между нами.

— погоди, — я останавливаю его рукой. — Ты думаешь, что мы разошлись из-за тебя, правильно? Не веди себя так, будто я не имею к этому отношения.

— Мы оба виноваты...

— Ты оставил меня одну и голую в своей спальне в мой выпускной вечер. Ты провел со мной самый волшебный вечер в моей жизни, ты осуществил все мои фантазии относительно тебя, и когда осталось, наконец, воплотить последнюю, ты бросил меня. Ты, черт возьми, бросил меня!

— Я знаю, — Портер трет ладонями глаза.

— Почему, Портер? За недели до моего выпускного, ты делал вид, как ты хочешь меня, как хочешь, чтобы это произошло. Ты писал мне каждый день в выпускном классе, как ты ценишь меня и хочешь стать частью моей жизни. Ты обманул меня, для чего? Чтобы затащить меня в кровать и потом просто бросить, даже не попытавшись забрать мою

невинность?

— Это была плохая идея, — говорит Портер, вставая и собирая вещи.

— Ох, ты не сделаешь этого, — я подсакиваю с кровати и заставляю посмотреть на меня. — Скажи мне, почему? После всего, что мы пережили вместе, ты должен мне. Скажи мне, Портер. Я заслуживаю объяснений.

— Ты поверишь мне, если я скажу, что я гей?

— Нет, — смеюсь я, прекрасно понимая, что это не так, но ценю его попытку пошутить.

Уступая, он вновь бросает свои вещи на пол и направляет меня к кровати, куда мы оба садимся. Его нервный тик показывает, как он пытается сообразить, что мне сказать. Он хватается за шею сзади и начинает ее тереть туда-сюда.

— Скажи мне вот что, если бы я остался в ту ночь, ты бы захотела стать моей девушкой? Ты серьезно ко мне относилась или просто воплощала свои фантазии?

Его вопрос ошеломил меня, я откинулась назад.

— Ты серьезно? Портер, ты не можешь сказать мне, что не знал, что я была по уши влюблена в тебя?

— Влюблена или увлечена?

— Влюблена, — отвечаю я серьезно. — Господи, Портер. Ты даже не представляешь, насколько я была влюблена в тебя. Ты был моим лучшим другом, единственным человеком, кто действительно знал меня. Ты знал мои секреты. Как ты мог только подумать, что я не любила тебя?

Портер не смотрит на меня. Он смотрит вниз на руки, как трет им по бедрам, и тихо говорит.

— Ты должна была много сделать для себя, Марли. У тебя должна была быть стажировка, после окончания колледжа. Если бы ты осталась со мной, твоя жизнь стала полностью другой. Тебе бы пришлось остаться в Джеймстауне, наблюдать за туристами, посещающими Музей Люсиль Болл, так и не раскрыв полностью свой потенциал. — он делает глубокий вдох. — Тот вечер, выпускной вечер, был лучшим в моей жизни. Я первый раз тебя держал в своих объятиях. Я хотел сделать, то, что хотел сделать с нами так долго. Держать тебя за руку — был такой маленький, невинный поступок, но я этого так желал.

— В ту ночь, ты рассказала мне о стажировке, о планах на будущее, и все о чем я мог думать — как я мог удерживать тебя. Что я недостаточно хорош, чтобы двигаться дальше с тобой. Я на четыре года старше тебя, Марли, и когда у тебя появились перспективы на будущее, я все еще доил коз на ферме твоего отца. Я не хотел, чтобы ты бросила все из-за меня, поэтому уехал.

Мое сердце колотится в груди, мое дыхание практически неуправляемо, когда я, наконец, услышала причину, по которой Портер разбил мое сердце. Он пытался уберечь меня, чтобы я стала горожанкой, но тогда он еще не знал, что я сделала бы все это ради нас, я была полна решимости сделать все ради нас.

Я трясую головой.

— Ты должен был поговорить со мной, Портер. Ты должен был сказать хоть что-то.

— Ты была маленькой сестричкой моего лучшего друга, Марли. Я готов уже был переступить черту, отправляя тебе те письма, когда пригласил тебя на бал.

В течение моего последнего учебного года, наши отношения с Портером переросли из лучшего друга в защитника. Пол был в армии, поэтому Портер усиленно помогал мне, когда парни вели себя, как придурки, и поддерживал меня и мои мечты сделать когда-нибудь что-

то большее, чем показывать свиней на местной ярмарке. Мы не разговаривали много, потому что он всегда был занят работой на моего отца, вместо этого, он оставлял записки на моей кровати, пока я была в школе, и я отвечала ему, оставляя свои записки в его шкафчике в сарае. Так было до того, как я сказала ему, что не пойду на выпускной, потому что меня никто не пригласил, и тогда он воплотил мою мечту в реальность — он пригласил меня на бал.

Знаете, некоторые говорят, что ночь была волшебной, и вы так думаете, правда? Что она была полна волшебников и единорогов, танцующих друг с другом на облаках? Это не шутка, если бы я увидела волшебника и единорога, которые трахались бы друг с другом, я бы взглянула на это дважды, вот насколько волшебной она была.

Портер танцевал со мной под каждую песню, он держал меня за руку, проводил меня домой и поцеловал. Я была готова отдаться ему, и когда я пошла переодеться в ванную, он ушел без объяснений, не сказав больше ни слова мне.

Моя волшебная ночь сделала меня абсолютно опустошенной, униженной, и уничтоженной. Я все еще чувствую те эмоции, которые испытывала в ту ночь, всплывающие во мне при любом случае, как будто это было вчера.

— Но ты все равно это сделал, почему?

— Потому что, — он погладил свою бороду — Я не смог сохранить дистанцию. Мне необходимо было узнать, каково это — быть с тобой один вечер, но когда мы вернулись в твою комнату и я увидел твой новый чемодан, с которым ты собиралась поехать в колледж, и я вспомнил, что мы идем с тобой разными дорогами. Ты собиралась взлететь, начать будущее, а я все еще был мальчиком с фермы, не имеющим за собой ничего.

— Я бы все сделала, — я практически кричу. — Портер, я бы все сделала для нас.

Он трясет головой.

— Если бы я тебя удержал, ты бы обиделась на меня за это.

— Откуда тебе знать?

— Я знаю, — он встает, деля комнату снова маленькой. — Я ничего не могу с этим поделать сейчас, кроме как пожелать, чтобы все было по-другому между нами. Я облажался, Марли, много раз. Я всегда буду сожалеть о том, как обошелся с тобой той ночью. Я только хочу, чтобы мы двигались дальше после той ночи, и снова стали друзьями. Я скучаю по тебе... сильно.

Он нагибается вниз к полу и собирает вещи, его лицо мрачнеет, а тело немного ссутулилось. Я всегда знала Портера, как гордого мужчину, и видеть его в таком состоянии — режет мне прямо по сердцу. Я не могу стоять и смотреть, какой он расстроенный, поэтому я собираюсь последовать за ним.

Я знаю, что вы думаете — глупая, глупая девчонка. Но вы только посмотрите в это глубокие карие глаза и скажите мне, как я могу позволить ему уйти.

— Возможно, мы сможем быть друзьями, — предлагаю я.

Он поднимает бровь, глядя на меня, и слабая ухмылка на его лице.

— Правда?

Ух, ненавижу, что он такой горячий.

— Да, в смысле, мне необходима некоторая помощь в планировании мести для Пола, когда он нанесет ответный удар. Я могла бы использовать твой изобретательный мозг.

Его улыбка ослепляет.

— Я бы с удовольствием.

— Хорошо, — я стою и неуклюже тяну свою футболку, не зная, что еще сказать.

Извинения всегда заставляли меня чувствовать себя неловко, особенно, если они переходят в горячий спор, потому что, честно, как вы должны после этого повести себя? Вы должны вести себя, как будто вы не разорвали друг другу сердце только что или не орали в лицо друг другу? Со мной это никогда не срабатывает.

Мой отец прославился свое потерей самообладания, позволяя бровям взять все под контроль, из его рта вырываются бранные слова с именами президентов, а потом он притворяется, как будто не вел себя, как накачанный наркотиками, чокнутый историк, читающий лекции.

— Иди сюда, — Портер протягивает свои руки и прижимает меня к своей груди, его туалетные принадлежности прижимаются ко мне.

Я обнимаю его и вдыхаю его запах, пытаюсь напомнить себе, что мы друзья, просто друзья. Друзья, которые нюхают друг друга, и возможно даже, трутся щекой о напрягшиеся тела друг друга.

— Спокойной ночи, Марли. Я должен вернуться и охранять «Тэси» с твоим отцом и братом. В тот момент, как твой отец увидел, как он их назвал — уличная молодежь с низкопосаженными штанами, которая гуляла рядом, — он испугался, что они надругаются над «Тэси».

Я засмеялась и отстранилась.

— Что ж, не хочу отвлекать тебя от обязанности по защите «Тэси» от уличной молодежи.

— Все хорошо?

Он направляется к двери, и я хочу попросить его остаться, чтобы поговорить подольше, но я знаю, что у нас впереди долгая поездка, чтобы наверстать упущенное.

— Да.

На выходе он подмигивает мне и уходит. Чувство эйфории накатывает на меня, когда я понимаю, что в следующие несколько дней для меня будут полны: чипсов, хот-догов, Плаксы-Пола, неистового Берни, Полароида и много времени рядом с Портером.

Антракт.

Выпускной бал.

*****Портер*****

— Папы нет дома, не хочешь подняться ко мне в комнату... и потусить? — спрашивает Марли, ее прекрасные голубые глаза смотрят на меня.

Могу сказать — она нервничает. Ее руки практически тряслись, когда она держалась за лацканы моего пиджака. Всю ночь, я взвешивал в подсознании, удивляясь, какого черта, я делаю, почему позволил себе не только пригласить Марли на бал, но и относился к ней, как будто она принадлежала мне.

Хоть я и знаю, что должен попрощаться с ней прямо сейчас, но не могу удержаться оттого, что чувствует мое сердце, и я соглашаюсь.

— С удовольствием.

Улыбка, которая озарила сейчас ее лицо стоит той боли, которую я испытаю потом.

Ее тоненькая, маленькая ручка берет мою, и она ведет меня в свою спальню. Ее длинное, желтое платье струится позади нее, как будто она плывет по коридору, и я пытаюсь не смотреть на сдвинувшийся набок разрез возле ее ноги.

Когда она спускалась по лестнице, немного раньше сегодня, ее волосы были слегка вьющимися, ниспадающие на ее плечи, ее крошечное тело было обтянуто прекрасным платьем без бретелек, и каждый раз, когда я с ней танцевал, я знал, что это будет длинная ночь, полная страстного желания.

Она выглядела восхитительно красивой.

Неуклюже мы стояли перед лестницей, когда Берни фотографировал нас, позируя в различных положениях и обмениваясь желтыми «корсажами» (корсаж — букетик из цветов, прикрепляющийся к лифу платья или лацкану пиджака, или браслет из букета цветов). Я надел заниженный черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком. В целом я не полностью соответствовал этому мероприятию и не хотел брать в аренду желтый жилет или пояс. Несмотря на то, что я выглядел довольно просто, я увидел благодарность в глазах Марли.

В моем старом ржавом Форде, мы поехали на выпускной, по дороге слушая кантри, и шутили насчет реакции Пола, который увидел бы нас разодетых по полной программе. Нам было комфортно, мы довольствовались компанией друг друга, наслаждаясь предоставленным нам временем наедине.

Когда мы прибыли на бал, меня окружили школьные подруги Марли, без умолку болтающие о ее платье и волосах, но пока они говорили все это ей, она обращала внимание только на меня. Ослепительная улыбка украшала ее прекрасное лицо, и ее глаза искрились передо мной, от мерцающих огоньков, окружающих пространство. Мое сердце никогда не было настолько переполнено чувствами.

Мы провели вечер друг с другом и ни с кем больше. Мы танцевали под каждую песню, даже под самую дурацкую. И когда заиграла медленная музыка, я ни на секунду не останавливаясь, прижал ее к своей груди, положил свои руки на ее бедра, и прижался щекой к ее голове. Ее тело расслабилось под моим, голова легла на меня, а руки обвились мою шею. Ничего вокруг нас не имело значения, ни раздражающее хихиканье незрелых школьниц или придурков, которые считали себя слишком крутыми, чтобы танцевать. Когда мы были вместе, были только я и Марли.

Если бы я мог, я бы остался в таком же положении всю ночь, но выпускной бал приближался к концу и сейчас, наверное, это самая худшая идея из всех, прижиматься к любой косточке Марли, которая может сбить меня с пути, потому что я могу провести еще немного времени с ней.

— Почему кажется странным видеть тебя здесь? — спрашивает Марли, приближаясь к дверь спальни. — И не потому, что ты никогда раньше не был в моей комнате.

Нервное хихиканье, слетающее с ее губ — очаровательно.

— Почему, кажется, что я живу фантазиями Кевина Арнольда и, наконец, получил шанс с Винни Купер?

Я кладу свои руки на бедра Марли и слегка прижимаю ее к двери, так что ее спина упирается в дерево.

Она тает в моих руках и смотрит на меня с восхищением в глазах.

— Ты считаешь, что я Винни Купер?

Говоря правду, я отвечаю:

— Я считаю, что ты более красивая и интересная версия Винни Купер, — я вздыхаю и облизываю губы. — Как Кевин Арнольд, я, наконец, заполучил соседскую девчонку, которая навсегда завоевала мое сердце.

Я скольжу руками вверх к ее мягкому лицу и прижимаю ладони к ее щекам. Ее глаза ищут мои, когда я опускаю голову к ее сочным губкам в форме сердца. Все мысли о возможном бегстве сегодня, вылетают из моей головы, когда я приближаю последние дюймы и целую Марли в первый раз.

Бабочки порхают у меня в животе, когда ее руки скользят по моей груди, останавливаясь на моих мускулистых плечах, которые едва помещаются в специально сшитую для меня куртку. Ее губы прижимаются к моим, ее рот слегка приоткрыт, не достаточно для более глубокого исследования, но достаточно чтобы захотеть большего.

Я осторожно провожу своим языком по ее нижней губе, вызывая легкий вздох, вырвавшийся из ее рта, прежде чем она открыла его шире. Ее язык нерешительно встречается с моим на середине, когда мы исследуем глубже рот друг друга.

Волна тепла окутывает меня, и ощущение безопасности успокаивает мои нервы, и сильнее и глубже влюбляюсь в Марли в этот самый момент, чем за весь год, что я ее знаю.

Одна моя рука находит дверь позади нее и упирается в твердую деревянную поверхность, так что я могу удержать свое тело, потому что у меня подгибаются колени. Другая моя рука все еще прижимается к ее щеке, удерживая ее, как можно ближе, так чтобы она не смогла вырваться. Я хочу большего. Мое тело нуждается в большем.

Ее руки, которые расположились на моей груди, начинают опускаться вниз, пока не встречаются на талии рядом с моими брюками. Ее пальцы держатся за край моего ремня и у меня перехватывает дыхание в груди от мысли, что ее руки так близко к желанию, которое я испытывал от этой умной, очаровательной, и все еще хрупкой женщины.

Нехотя, я отстраняюсь, не потому что хочу, а потому что я не хочу делать все, что между нами произойдет в коридоре.

Чувство тревоги захлестнуло ее, когда я отступил, пытаюсь восстановить дыхание. Я замечаю неуверенность в ее глазах и прежде, чем она смогла бы пожалеть из-за всего того, что мы только что делали, я хватаю ее руку и целую костяшки ее пальцев, убеждая ее в связи, которую только что обрели.

— Ты собираешься меня впустить? — спрашиваю я, кивая на дверь ее спальни. — Или мы так и будем стоять здесь и целоваться?

Застенчивая улыбка появилась на ее губах.

— Давай зайдем, только не смейся над моими поросычьими ленточками.

— Да я бы никогда, — я усмехаюсь. — Я провел много лет, свистя и крича тебе с боковой линии, когда ты стремилась произвести впечатление на Piggly Wiggly и Nester. И я все еще вспоминаю те короткие, потрепанные, джинсовые шорты, которые ты носила с ковбойскими сапогами, чтобы привлечь внимание Крида, того ужасного судьи.

— Каждый раз срабатывало, — она подмигивает, демонстрируя немного своей перчинки, которую я начинаю обожать.

Мы заходим в ее комнату, она чистая и организованная, как и всегда. Единственное отличие это маленькое зеркальце на туалетном столике, щипцы для завивки и небольшой контейнер с косметикой. Марли очень редко наносит макияж, но когда она делает это, то наносит его идеально, подчеркивая свои прекрасные особенности, и никогда не перебарщивает с толщиной. Лично мне нравится ее естественное лицо, но это только мое

мнение.

Далее за маленьким косметическим местом стоит рамка с фотографией ее мамы. Мое сердце разбивается на две части, когда я думаю, что Марли собиралась на выпускной без своей мамы, только фотография в рамке составила ей компанию.

Не раздумывая, я подхожу к фотографии и беру ее в руки. Воспоминания о маме МакМэннов окружают меня, когда я смотрю в такие же голубые глаза, которыми Марли была благословлена. Марли любит говорить, что она вся в отца, но я не соглашусь с этим. Креативный и живой дух Марли достался ей от матери, также как и ее приверженность к традициям и умный разговор.

— Я скучаю по ней. Она, наверное, взлетела бы до Луны из-за того, что мы вместе пошли на выпускной бал, — смеюсь я.

Марли встает рядом со мной, берет меня за руку и также смотрит на снимок.

— Она, наверное, не дала бы нам уйти из дома, потому что хотела бы сделать больше фотографий.

— Мы бы попытались успокоить ее.

Марли смотрит на меня и кивает.

— Мы могли бы.

Я аккуратно ставлю снимок назад на стол и обнимаю Марли, крепко сжимая ее, не желая отпускать.

— Твоя мама гордилась бы тем, какой женщиной ты станешь.

— Думаешь?

Вопросительный тон голоса Марли заставляет меня оторваться от нее, чтобы посмотреть на выражение ее лица.

— Конечно. Прямо перед тобой светлое будущее.

Марли смотрит в пол и, немного нервничая, говорит:

— Я получила стажировку в Калифорнии, чтобы помочь встать на ноги подающему надежды модному журналу.

Это заявление удивляет меня на секунду. Когда это произошло? Я знал, что она думала о поступлении в Калифорнийский колледж, но не знал, что она уже приняла решение. Эта стажировка очень сильно поможет ей в этом деле, если она согласится на нее.

Понимая, что должен обрадоваться этой новости, я беру ее за руки и ослепительно улыбаюсь ей.

— Это здорово, Марли. Поздравляю.

Ее лицо сияет от моей похвалы и прежде чем я смог удержать ее навсегда, она вырывается, бежит к своему шкафу и достает оттуда набор из зеленовато-голубых чемоданов. Она толкает их ко мне и практически танцует вокруг комнаты от восторга.

— Смотри, что папа купил мне в подарок на окончание школы, новый багаж. Он сказал, если я собираюсь жить в Калифорнии и работать в модном журнале, я должна путешествовать со вкусом. Несомненно, мой старый туристический набор чемоданов для наших дорожных путешествий не подходит.

Волнение и радость окружают ее, когда она показывает мне отсеки ее чемоданов, и когда рассказывает мне обо всех новых начинаниях, о переезде через всю страну, чтобы начать жизнь под солнцем в теплой Калифорнии.

Она рассказывает в подробностях об ее новой школе, комнате в общежитии, и обо всех веселых и захватывающих возможностях, которые она получит, переехав в Калифорнию. Все

то время, что она мне рассказывает о новых возможностях, я медленно и мучительно умираю внутри. От каждой вспышки восторга, появляющейся в ее глазах, острый кинжал вонзается все глубже и глубже в мое сердце, выпуская струйку грусти, проходящую сквозь меня.

Что я вообще здесь делаю? Перед Марли было ее будущее. У нее есть возможности, планы и цели, которые она хочет достичь. У меня не было ничего, кроме постоянной работы на ферме ее отца. Мне двадцать два года, у меня нулевое образование и опыт работы, который может посоперничать с дядюшкой Макдональдом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Находясь с ней, я только причиню боль своему сердцу, но еще хуже, причиню боль ей. Что случится, если я останусь? Если мы останемся вместе в моей фантазии, то исполняться мои самые смелые мечты об этой женщине, которая украла мое сердце.

Только сердечная боль и смятение появятся сегодня ночью, если я сделаю это. Марли заслуживает лучшего, чем быть с таким, как я. В моем подсознании, я понимаю, если я останусь, если буду преклоняться передней тем способом, которым хочу, она захочет большего от меня. С легкостью я могу вручить ей свою душу, но я не хочу рушить ее планы на будущее. Я не хочу, чтобы она отказывалась ото всего, только из-за вероятной возможности чего-то продолжительного между нами.

Я хочу, чтобы она жила своей жизнью. Я хочу, чтобы она покинула этот маленький городок и сделала что-нибудь для себя. Вот поэтому, я начинаю планировать пути отхода.

— Ты ведь будешь навещать меня, правда, Портер?

— Что? — спрашиваю я, все еще оставаясь в шоковом состоянии.

Ее большие, красивые глаза пронзают меня.

— Ты будешь навещать меня в Калифорнии, да?

— Ох, — я натираю шею сзади. — Да, — я солгал.

— Все в порядке?

Смятение появляется в ее взгляде и поскольку я мазохист, я тяну ее за руки и обнимаю. Ее руки обнимают мою талию, и я целую ее в макушку, вдыхая ее запах в последний раз. Я чувствую опустошенность, боль в животе, и я на грани разрушения и рыдания в ее руках, но я сдерживаюсь, когда она отстраняется.

— Я собираюсь, эм, сходить в ванную по-быстрому. Чувствуй себя, как дома.

Встав на цыпочки, она оставляет легкий поцелуй на моих губах, прежде чем скрыться в ванной.

В ту минуту, как дверь ее ванной защелкивается, я хватаюсь за волосы и тяну их, пока оглядываю комнату. Я должен уйти, но от ее взгляда я могу быстро передумать.

С огромным узлом в животе и сожалением, съедающим меня заживо, я на носочках выхожу из ее комнаты, вниз по лестнице и из дома. Я направляюсь прямоком к своей хибарке, собираю вещи, и пишу записку для Берни, что собираюсь немного помочь его другу Томасу на его ферме.

Не оглядываясь назад, я залезаю в грузовик, бросая вещи назад, и завожу старый автомобиль, молясь, чтобы Марли не услышала меня.

Я уезжаю в темноту, как трус, прочь от единственного человека, которого, я знаю, я никогда не буду способен вычеркнуть из своей вселенной. Марли МакМэнн создана для меня, наши души сплелись, жаль, что наши пути идут в двух разных направлениях.

Я и не подозревал, что увижу ее четыре года спустя.

Глава 7

Портер

Нет ничего привлекательного в том, чтобы провести ночь в трейлере с двумя мужчинами. По сути, мы все спали в коробке на колесах, дышали одним и тем же воздухом, газами и отрыжкой друг друга. Гадюжник, и в довершении всего, я спал на чертовой кровати, потому что никто не может спать на кровати Берни, а Пол все еще оплакивал свое пиво и сказал, что кража еще и его кровати будет перебором.

Я хотел бы сказать, что от тонкого цветочного аромата от подушки Марли, мне спалось лучше, но так я солгу. Честно, я чертовски возбудился от этой подушки.

Прошлая ночь стала прорывом в общении с Марли. Я знал, что она все еще не отпустила ту ночь из-за меня, и это справедливо. Я знаю, что я сделал, как уничтожил ее, но я все еще придерживаюсь того решения, потому что я позволил ей уехать из маленького городка в большой мир, чтобы она смогла сделать все что захочет. Хотя я, как сукин сын, причинил ей боль, не попрощавшись, но это было к лучшему.

Моя спина болит, а член готов практически выпрыгнуть из ширинки джинс. Да, я не снял их, потому что я все еще нахожусь в консервной банке с Полом и Берни, а сон в нижнем белье кажется, как один шаг к фестивалю сосисок. И как бы сильно я не любил Пола и Берни, но я не собирался точить шпагу при них.

Чертова кровать действительно создана для кого-то, кто не сложен, как амбар. Мой рост больше шести футов (больше 180 см) и у меня такой обхват груди, которому позавидует любой футболист, спасибо долгим дням, проведенным на ферме. На чертовой кровати нереально устроиться удобно, что объясняет мое ноющее тело.

Мне нужно потянуться и убраться от Пола, который похож на круглосуточно подтекающую жидкую задницу. Я натягиваю обувь и выхожу наружу. Холодный воздух ударяет по обнаженной груди, пробуждая все мои сонные косточки в теле. Я потягиваюсь и оглядываюсь вокруг. Дорога пустая, в деревне не видно людей, а на заднем плане щебечут птицы. Я чешу грудь и благодарю небеса за прохладный воздух, когда поворачиваюсь посмотреть на номер Марли.

Мой мочевой пузырь переполнен и я подумываю вернуться в трейлер, чтобы сходить по маленькому, но мысль о том, чтобы пройти мимо задницы Пола по пути в туалет, невыносима, и я направляюсь в вигвам Марли и молюсь, чтобы она уже проснулась.

Я стучусь в дверь и пританцовываю на месте, пока ожидаю ее ответа. Я ничего не слышу из-за двери, поэтому стучусь немного сильнее.

— Ты разорвал мой поток! — орет она, пока крутит замок и открывает дверь.

Я встретил расстроенную Марли в обтягивающих шортах и, в очень похожем на нижнее белье, крошечном спортивном лифчике. Видно практически все ее тело, и все что я могу сделать — пялиться. Я чувствую, как вспыхивает мое тело от одного только взгляда на нее, и переживаю, что мой утренний стояк вернется в самое неподходящее время.

Я чешу бороду, пока пытаюсь вспомнить, что делаю у нее перед дверью.

— Чего тебе?

Ее рука лежит на двери, придерживая ее открытой, а бедро отведено в сторону. Ее подтянутый живот изогнут, демонстрируя тяжелый труд, который она проделала в тренажерном зале. Маленькая Марли МакМэнн выросла.

Я прочищаю горло и указываю на ванную комнату.

— Туалет? Могу я воспользоваться?

Она закатывает глаза и отходит в сторону.

— Ты ведь знаешь, что в трейлере есть туалет, правда?

— Побеспокоить тебя намного приятнее, — я захожу в ванную, когда она захлопывает дверь. Быстрым движением я запираюсь в туалете и расстегиваю штаны. Я полу-возбужден, и на минуту, я решаю позаботиться об этом, но потом передумываю. Зная Марли, она помешает моей мастурбации, к тому же я думаю не смогу быстро это сделать, неважно насколько сильно был возбужден от дурацкой подушки Марли.

Справившись с делами, я смотрю в зеркало, пока мою руки. Я могу быть все еще молод в свои двадцать шесть лет, но чувствую, что возраст начинает догонять меня. Мимические морщинки на моем лице, вероятно, делают меня благороднее, но для меня они просто маленькие жизненные складки, которые принадлежали моему лицу. Мои глаза слегка воспалены, по исключительной вине задницы Пола. Вы не сможете долго спать в комнате и не заразиться его ядовитыми парами. Как Марли пережила первую ночь, выше моего понимания.

Мои волосы растрепаны и я подумываю пригладить их водой, поскольку у меня нет своей красной кепки, чтобы прикрыть их, но не потому, что Марли подумает, что я пытался прижать их. Не сомневаюсь, она будет смеяться надо мной, именно поэтому выхожу из ванной с видом, как будто пригладил волосы на другую сторону головы.

Я потираю глаз ладонью, когда осознаю что передо мной. Марли наклонилась, попкой кверху, ноги вместе, руки на полу. Ее шортики едва прикрывали ее формы, а ее растяжка — талант достойный похвалы. В этой позиции она прогибается еще сильнее, поднимая попку выше, создавая какую-то треугольную позицию из своего тела. Я думаю, они называют эту позу чем-то связанным с собакой, но все о чем я мог думать — стиль «по-собачьи», который, конечно, приводит меня к мыслям о Марли прижатой к стене вигвама.

— Так, ты делаешь только растяжки и все остальные штуки? — спрашиваю я, потирая шею сзади, и пытаюсь контролировать слюни, скопившиеся у меня во рту.

Она смотрит из-за своего согнутого плеча.

— Да, у тебя какие-то проблемы с этим?

— Нет, мило смотрится.

Марли начинает заводиться.

— Совсем извращенец?

— Кто, я? — спрашиваю я, почесывая снова свою грудь, стараюсь держать руки в северной части моего тела.

— Нет, я говорю о национальном кресле-качалке. Конечно о тебе.

— Я не извращенец. Я просто пытаюсь разобраться в этом. Думаю сделать небольшую растяжку. — я закидываю правую ногу назад и пытаюсь схватиться за лодыжку для растяжки четырехглавой мышцы, но с треском проваливаюсь, падая на бок и уворачиваюсь, прежде чем впечатываюсь лицом в лампу на прикроватной тумбочке. — Все еще не проснулся, ноги немного потряхивает.

На этот раз я держусь за глинобитную стену и растягиваю четырехглавую мышцу снова. Вторая попытка успешнее.

— Что именно ты делаешь?

— Занимаюсь растяжкой, как и ты, — я делаю приседания на одной ноге, пока

растягиваю мышцы, надеюсь, чтобы мои горящие мышцы не превратились в сильный огонь. — Люблю растяжку, видишь я не извращенец.

— Я занимаюсь йогой, Портер. Я пытаюсь влиться в поток, прежде чем начну свой день.

— Ох, да, я тоже, — я отпускаю ногу, и она практически врезается в пол, как будто я только что отпустил тугую пружину в заднице. Возможно, нужно чаще заниматься растяжкой.

Я потягиваюсь и потом хватаюсь за дверной косяк ванной комнаты, мое тело становится параллельно стене.

— Ты делаешь махи ногами? Я люблю махи ногами. — Другой ногой, которую не удерживал в своей полу растяжке, я взмахиваю вперед и назад, врезаюсь прямо в национальное кресло-качалку, которое пролетает через всю комнату и ударяется прямо в стену. Громкий щелчок и треск, скачут эхом по вигваму, и на секунду я подумал, что это моя промежность развалилась на полу в импровизированном растянутом пахе, я не ожидал этого, но когда я увидел, как Марли прикрывает свой идеальный маленький ротик рукой, я понимаю, что это не моя промежность.

Сбито кресло-качалка.

— Твоя нога сделана из свинца? Господи, Портер, ты только что уничтожил кресло одним щелчком своей идеальной ноги. У бедной вещи даже не было шанса.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на валяющееся кресло, разлетевшееся на кусочки. Сцена со Стивом Уркелем (мальчишка-ботаник из ситкома «Дела семейные», который раздражал всех своими словечками и поступками) промелькнула передо мной и я испытываю желание сказать гнусавым голосом: «Это я сделал?». Но я воздерживаюсь, желая крепче держать свое мужское достоинство перед Марли.

— Хлипкое произведение искусства, — я пожимаю плечами.

Марли скрещивает руки на своей аппетитной груди. Я пялюсь, прямо тарашусь на ее сиськи. Я признаю это и смотрю дольше, чем положено... Я просто не могу оторвать свои глаза от нее. Она сексуальна, она чувственна, она маленький, упругий мешочек нахальства и милоты. Мы должны быть только друзьями, но если бы она дала мне хоть один намек на что-то большее, я бы запрыгнул в этот поезд и объездил бы ее гребанный служебный вагон, как проводник. Чух, чух... эм, вообще-то, давайте забудем, что я когда-либо это говорил. Я вижу, как вы поднимаете карточку контрастного душа. Я забираю назад все свои звуковые эффекты, пожалуйста, не держите на меня зла.

Она оценивает меня своими кобальтово-синими глазами. Я засовываю руки в карманы и покачиваюсь на ногах, стараясь держать взгляд выше уровня ее груди.

— Ты не занимался растяжкой или махами сегодня утром, ты просто — извращенец.

— Не правда, — я вру, нарываясь на драку, как будто мы в младших классах.

— Правда, Откровенный Извращенец.

— Я не собираюсь слушать эти оскорбления, — я протискиваюсь к двери мимо нее.

— Тогда докажи. Покажи мне свою обычную растяжку.

— Ха, — усмехаюсь я. — Тебе будет тяжело сдержаться. Не хочу тебя смущать.

— Попытайся, — она встает лицом к лицу ко мне, принимая свой самый устрашающий вид. Если бы она не была на тридцать сантиметров ниже меня и таким крошечным шариком, я бы смог сдержать желание рассмеяться.

— Готова, Шарик, — я никогда не уступал вызову, даже если я и понятия не имел,

какого черта, я делаю, и она об этом знала.

— Давай сыграем, маленькая лошадка, как в баскетболе, но вместо бросков будем принимать позы. Первый, кто соберет все буквы слова «извращенец» — проиграл

— На что будем играть?

Она прижимает палец к губам, пока думает.

— О, я знаю. Проигравший должен будет изо всех сил закричать, когда мы встретимся с полуприцепом на дороге.

Ооо, она играет жестко. Для вас — я уверен, что ставки не так уж и высоки. Кричать на полуприцеп, кажется безобидным. Неверно, это самая ужасная вещь, которую можно сделать, когда Берни за рулем. Мужик не любит громких звуков, вздрагивает, как муха. Если вы его напугаете, его брови примут угрожающий внешний вид, и он выругается по всей президентской линии, сжимая кулаки по бокам.

— У тебя большие запросы, но я в игре. Не могу дождаться, когда твой отец будет тщетно выкрикивать имя Ричарда Никсона, когда ты заорешь во всю свою чертову глотку.

— Готовь свои голосовые связки, Смит. Ты проиграешь. Билл, Эйб и Эндрю будут трясти перед тобой кулаками, когда я закончу мучить твои мышцы.

— Дамы вперед, — указываю я жестом.

— Не против, если я начну. Я собираюсь встать в позу «стола».

— Чего? — спрашиваю я, когда она ложится на пол, прижимаясь спиной к нему, руки по бокам. Одним легким движением, она поднимается вверх на своих руках, растягиваясь с небольшим поворотом в них, в позицию, похожую на доску, и улыбается мне, — Твоя очередь.

— Легко, — я разминаю суставы, и мысленно молюсь о том, чтобы не вывернуть ни один из своих них. Я подражаю ее действиям, надеюсь, что это самый легкий способ принять позу «стола», и разворачиваю свои руки. Боль пронзает их, из-за необычной позиции, которые приняли мои кисти рук, но я сохраняю идиотскую позу как профессионал. Это не так уж и сложно.

— Ха! — я высвобождаюсь из позиции и делаю два вдоха, насыщая свои мышцы кислородом еще раз.

— Ты легко отделался, но не переживая, скоро я заставлю тебя прокричать «ИЗВРАЩЕНЕЦ». Твоя очередь, покажи мне свое движение.

Мое движение, что, черт возьми, я должен сделать?

Недолго раздумывая, сажусь на задницу, хватаюсь за ноги и прижимаю их ближе к телу, в то время как удерживаю равновесие на копчике. Не очень сложное движение вообще-то, но я не смог придумать ничего более вызывающего, пока она смотрит на меня, нависая сверху.

— Я называю это «скрытое фруктовое мороженое».

— «Скрытое фруктовое мороженое»? — она смотрит на меня, вопросительно поднимая бровь.

Я освобождаюсь из позиции и хлопаю по полу рядом со мной, чтобы она села.

— Да, «скрытое фруктовое мороженое», потому что именно здесь мое фруктовое мороженое, — я показываю на промежность, — И в этой позиции, оно скрыто.

— Ненавижу тебя, — она смеется и быстро принимает мою позу скрытого фруктового мороженого» без всякого труда. Черт. — Тебе следует тщательнее выбирать свои позиции, если хочешь выиграть.

— Оскорбительные разговоры не идут тебе, Марли.

Она опрокидывает меня на пол, и затем ложится на свой живот. Черт, я могу сделать это без проблем. Я о том, чтобы повторять за ней, когда она приподнимает свою грудь на полом и потом ноги, сгибая их так, что хватается сзади за лодыжки. Ее спина напоминает полумесяц, и гадаю — у этой девчонки вообще есть позвоночник? И так как я мужик и мы думаем о сексе каждые шесть секунд, я не сомневаюсь, что эта поза способствует занятию сексом, потому что с того места, где я стою, это выглядит чертовски сексуально.

— Спускайся сюда и сделай прогиб спиной в виде «лука», Портер. Давай посмотрим, что ты умеешь.

Я прекрасно понимаю, что не способен прогнуться в спине и схватиться за лодыжки, как она, но я не собираюсь сдаваться, поэтому ложусь на живот, выглядя как полный придурок, и тянусь к своим лодыжкам, но не чувствую ничего, кроме воздуха, между своих пальцев. Я даже не думаю, что мои ноги оторвались от пола. Марли громко хохочет рядом, когда я бьюсь по полу, как пьяная рыба, вытасченная из воды.

— У меня болит спина, — говорю я, держась за поясницу. — Не могу дотянуться.

— Не имеет значения. Ты заработал первую букву «И», извращенец. Покажи мне свою следующую позу.

Не совсем уверен в том, что делаю, я хватаюсь за внутреннюю часть коленей и прижимаю их к груди, просовывая голову между ног. Эта поза больше похожа на танцора брейкданса, собирающегося выполнить вращение на спине, но для меня, это единственное, что я смог придумать.

— Перевернутая черепаха. Справишься? — я отлично знал, что Марли способна сделать эту позу... любой в возрасте от двух до восьмидесяти двух в состоянии справиться с этой позой.

— Больше похоже на то, что ты пытаешься выдавить что-то из своих щек.

Как я и думал, она выполнила мою позу с легкостью. Затем она выполняет позу «дерева», позу, стоя на одной ноге, и позу «орла», которая вообще-то похожа на то, что она скрутила себя в крендель. Я выдаю ей «Мишку Гризли», «Молочника» и «Единорога», которая представляла из себя, что я стою на одной ноге и прикладываю одну руку ко лбу, как рог у единорога. Она смеется так сильно, что я поддавливаю ее на этом.

— Еще одна буква, — она танцует вокруг меня, покачивая руками у груди, восторг сквозит в ней. — Ты идешь на дно, Смит.

Похрустывая суставами и растягивая руки, я отвечаю, — Я сдерживаюсь, чтобы ты чувствовала себя лучше.

— Ладно, — она закатывает глаза.

Положив руки на пол, она опускает голову вниз, прижимая ее к полу, и отталкивается ногами вверх, в стойку на голове. Я в восторге только это этой позы, но затем она выгибает спину и опускает свои ноги, пока они не коснутся головы.

Тепло распространяется во мне от одного ее вида. Я думал, что был возбужден сегодня утром, но нет, я никогда никого не хотел так сильно, как прямо сейчас, прямо здесь. Может быть я извращенец....

Она опускается, встряхивает руками и показывает на пол, чтобы я повторил за ней. Прекрасно понимая, что я не смогу, я даже не пытаюсь это сделать. Вместо этого, я начинаю вешать лапшу ей на уши, потому что чертовски в этом хорош.

— Видишь ли, когда я согласился на соревнования, я на самом деле думал, что ты хочешь делать стандартные позы. Я забыл напомнить, что недавно встречался с доктором,

который сказал, что мне надо повременить занятия продвинутой йогой, из-за несчастного случая.

— Несчастного случая? — скептически спрашивает она.

— Угу, получил удар по ребрам от козы. Копытом по почке, точнее. Они боятся внутреннего кровотечения, поэтому я не могу делать достаточно прогибов. Лучше всего объявить ничью и двигаться дальше.

— Ничья? Как пожелаешь! Признайся, Портер, — она делает шаг к моей обнаженной груди и тычет в нее. — Оу, это слишком тяжело, — она смеется про себя, пока размахивает пальцем, но потом продолжает свою речь, — Ты проиграл. Самое время подготовить свой девчачий крик, потому что ты должен мне — напугай Берни.

— Он оторвет мне яйца, — мои нервы на пределе от мысли закричать в трейлере.

— Не берись за дело, с которым не можешь справиться.

Решительность и веселье мелькают в ее глазах. Я знаю, что не должен был соглашаться играть в ее гибкую игру, но я действительно хотел провести немного больше времени с ней наедине, что теперь мне аукнулось.

Я откашливаюсь и надавливаю на горло.

— Не уверен, насколько сильно буду способен кричать. Чувствую себя немного охрипшим сейчас.

— Ты забавный. Так ты собираешься отделаться от пари?

— Отделаться? Я могу сделать кое-что сейчас, — говорю я, в то время как обхватываю ее талию и прижимаю ближе к себе. Это должна была быть шутка, но как только ее теплое тело рядом со мной, я практически решаюсь, склонив голову вниз.

Из-за шока в ее глазах, она наверняка думает о том же самом.

Кончик ее языка увлажняет ее губы, когда ее рука поднимается к моей груди, чтобы она могла удержаться. Я чувствую, как мурашки пробегают по ее телу, когда я провожу рукой вдоль ее спины. Ее глаза ищут мои, чтобы спросить, что я делаю, но у меня нет ответа.

Желание ее поцеловать становится непреодолимым. Я хочу почувствовать ее губы рядом со своими, ее пальцы, запутанные в моих волосах, ее ноги обернутые вокруг меня.

Я в секунде от того, чтобы наброситься на нее, когда я слышу, как дверь трейлера закрывается с сильным хлопком. Я отталкиваю ее, как раз в тот момент, когда Пол заходит в дверь, не утрудившись даже постучаться. Он держится за промежность и быстро направляется в ванну.

— Папа не разрешил мне пописать в трейлере. Он думает, что я не смогу хорошо прицелиться с утра.

Пол захлопывает дверь в ванную, оставляя меня и Марли снова наедине в вигваме. Она нервно проводит рукой по волосам и смотрит на все что угодно, кроме меня.

Чтобы снять напряжение между нами, я говорю.

— Надеюсь, ты не собираешься использовать ванную комнату после него. Похоже на то, что ты заработаешь еще и описанные ноги, после описанного лица, это должно быть не очень хорошо для твоего имиджа... должно быть совершенно разрушительно.

— Ты должен уйти сейчас, — смеется она.

Я киваю и направляюсь к двери, чтобы уйти, но поворачиваюсь, прежде чем сделать шаг на улицу.

— Ты действительно собираешься заставить меня закричать в трейлере?

Она упирается руками в бока с честным взглядом в глазах.

— Я в жизни никогда не была более серьезна

— Я не очень хорош в крике, — я делаю еще одну попытку избавиться от пари.

Она не ведется на это.

— Просто представь, как моя рука скручивает твои яйца. Уверенна, что ты справишься с этим.

Угу, я смогу справиться, поскольку девчонка довольно крепко держит меня за яйца в любом случае.

Можете поверить в то, что с тех пор как мы уехали из «Деревни Вигвамов» и до сих пор мы не встретили ни одного полуприцепа? Марли высунула голову в боковое окно, как собака, язык болтается на ветру, в ожидании грузовика едущего нам навстречу, но к моему счастью, все было спокойно.

Внутри, я боролся сам с собой. Я в ужасе, нет, меня парализовало от ужаса, углубиться в свою женскую сторону и заорать, как подросток, сколько моей душе угодно, чтобы напугать Берни-Мэна, но я также с нетерпением жду увидеть восторг, который озарит лицо Марли, свидетельствующий, что я выполнил условия нашего пари.

Все сводится к тому, сколько я готов выдержать испытаний ради Марли?

Я смотрю на ее, развевающиеся на ветру, волнистые волосы, ее скрещенные ноги на соседнем сидении, ее руки, схватившиеся за окно, чтобы выглянуть наружу. Ее невинность очевидна, обаяние заразительно, а свобода ее духа — всепоглощающая.

Я могу пройти любые испытания, я уверен.

— Ты вообще слушаешь меня? — спрашивает Пол, вырвав меня из раздумий. — Я изливаю тебе свою душу, а тебе, похоже, все равно.

Давайте проясним одну вещь, Пол может быть требующей к себе слишком много внимания бородавкой, к тому же с сильно заниженной самооценкой. Противоположности притягиваются, ну в дружественно смысле. Пол любит читать энциклопедии, когда сидит на толчке, а предпочитаю «Sports Illustrated». Пол печально известен излишне бурной реакцией и бежит в больницу, когда замечает занозу в мизинце, в то время как я выгрызу ее зубами. Пол предпочитает включать свою внутреннюю женщину и печь восхитительные, глютенковые, кондитерские изделия, в то время как я предпочитаю сгрести десять фунтов коровьего дерьма в багажник моего ржавого Форда. Но различие между нами работает нам на руку. Мы инь и янь друг для друга, РВ для нашего J, смазанная рука для наших пульсирующих членов.

Но иногда бывают моменты, такие как сейчас, когда Пол заслуживает гребанный удар кулаком по хлебалу, чтобы заткнуть его нытье, но я справляюсь с этим, потому что Пол — мужчина-леди с менструацией, идеально очерченными волосатыми сосками, и способности выкрикивать бесполезные факты, пока не посинеет.

— Прости, милый, что ты там говорил? — я глажу его руку, оказывая ему внимание, которого он так жаждет.

— Папа сказал, что когда у нас будет следующая остановка, мы можем купить всем одинаковые футболки, в том числе и ты.

Клянусь богом, если бы Пол был собакой, он бы бился головой об стену, мастурбируя своими же яйцами и концом, так он был взволнован.

мечту. Или «Bud Light-член» — больше вкуса, меньше градусов.

— «Subway-член», — добавляю я, — Ешь только свежее.

— «Imax-член» — мысли шире, — говорит Марли.

— «Член из Диснея» — самое счастливое место на Земле. Аллитерация для тебя друган.

— «Maxwell House-член», — включается Берни. — Хорошо до последней капли.

На трейлер обрушивается тишина, когда мы смотрим в шок на Берни. Он не тот, кто присоединяется к похабным разговорам. Он скорее наблюдатель, чем участник, поэтому услышав его члено-слоган к куче доводов, Марли и я разражаемся таким хохотом, что я сгибаюсь, держась за живот.

— Ребята, погодите, у меня тоже есть один, — мы продолжаем хохотать, пока Пол размахивает руками в попытке успокоить нас. — У меня есть один, не хотите услышать?

Я вытираю глаза и уделяю Полу свое пристальное внимание.

— Валяй, Полли. Положись на нас.

Пол поднимает подбородок и смахивает пылинки с груди, очевидно, очень гордится свои «членоиизмом».

— Ладно, послушайте... «Pagu-член» — получается мельче, чем у остальных.

Он может быть таким гребаным идиотом.

Мы не смеемся, мы просто сидим и таращимся на него. Тишина растянулась по трейлеру, пока Марли, наконец, ее не нарушила.

— Не может быть, что ты серьезно, Пол? Вот так ты хочешь описать свой пенис? Называя своего парня — банкой с фруктовой нарезкой? Что за хламидии на члене у тебя творятся? Ты понимаешь, где дрогнуло твое описание?

Пол секунду раздумывает и потом выдает.

— Да, я понимаю, что пошло не так.

Берни читает лекцию Полу о венерических заболеваниях, когда Марли бросает мне в голову свою ручку. Я тру место удара и смотрю, какого черта она делает. С серьезным выражением на лице, она показывает на окно, чтобы я увидел, как приближается к нам полуприцеп.

Охренительно.

— Давай, — произносит Марли одними губами, с дьявольским взглядом.

Липкий пот покрывает мою кожу, когда я делаю глубокий вдох. Я не хочу делать это. Я мог сказать, что Берни уже немного напряжен от разговора о ЗППП с Полом, и от его выкрикивании фактов и описаний о гонорее. Берни не оценит мой мужской крик, но посмотрев Марли в глаза, я понял, что у меня нет выбора.

Полуприцеп приближается, и я подготавливаю себя для крика века.

— Мы на месте, — кричит Берни, прежде чем срываюсь я.

— ААААААААААААААААААААААААААААААААА! — позвольте заметить, что я дос невероятных децибел, так что старая дряхлая собака, поедающая дохлых птиц могла бы меня услышать.

Трейлер съезжает на парковку и мой пронзительный визг раздается эхом по кабине, повергая Берни в шоковое состояние, ударяя по тормозам и вскидывая руки в воздух, от того что его застали врасплох и напугали.

Ох, чеееееееееееееееррррррттт....

— Ричард Никсон!! — орет он, его плечи подпрыгивают вверх и вниз, а пальцы

сжимаются в кулаках.

Берни упоминает имя Ричарда Никсона только, когда рвет и мечет, ну потому что... Уотергейт и все такое. (Уотергейтское дело — политический скандал 1972–1974 в США, закончившийся отставкой президента Ричарда Никсона).

Марли прикрывает рот рукой, сдерживая смех, пока вжимается в сидение. Верхняя губа покрывается потом, и я готов описаться в штаны.

Медленно, приливная волна Берни-натора наполняет мое место, его брови на их собственном острове, неконтролируемо изгибаются, а ноздри раздуваются настолько, что могут поместить внутрь «симпатичный» член Пола.

Я чертовски напуган.

— Какого Гарри Трумана ты орешь, мальчик?

Я чувствую, как мои губы дрожат от страха, мои подмышки превратились в сезон дождей в тропическом лесу, и мои яйца вжались сами в себя, как будто сдувшийся воздушный шарик, который только что выпустил свой гелий.

Во рту пересохло, и я глубже вжимаюсь в сидение, надеясь, что оно поглотит меня целиком. Я не знаю, что, черт возьми, мне сказать. В голове пусто и даже не помогает, что Марли практически в эпилептическом припадке смеха рядом со мной.

— Ну, что ты скажешь в свое оправдание? — когда Берни говорит, слюни брызгают из его рта, а брови танцуют канкан в мою сторону, подзывая меня ближе. Я бы предпочел отрубить свой член.

— Я, я... эм, — я собираюсь с мыслями, чтобы сказать что-нибудь, хоть что-нибудь. — Эм, я... эм.

— Ну... — Берни уставился на меня, в ожидании объяснений.

— Эммм... *Просто скажи что-нибудь!* Откуда ни возьмись, я отвечаю, — Мне показалось, что я увидел паука на голове у Пола.

— Чего?! — кричит Пол, распахивая дверь и нарезая круги по парковке, пока бьет себя по голове и визжит, как свинья.

Берни сначала смотрит на сына. Потом снова на меня, слегка покачивая головой от разочарования.

— Где я напортачил с вами двумя?

Он не ждет ответа, он выключает зажигание и выходит из трейлера, встряхивая руками, вероятно, избавляясь от напряжения, которое я ему доставил.

Мои яйца в безопасности.

Я испустил долгий вдох, радуясь тому, что Берни меня не придушил. Он может быть и старше, но я знаю, что он может трахнуть меня одними только бровями. Вы когда-нибудь видели что-то настолько страшное, что готовы были обделать штаны? Я видел десять секунд назад. К счастью, мой мочевого пузырь был под контролем. Я помолось позже своей простате, что сохраняла хладнокровие во время президентской/бровяной разборки.

— Это было намного лучше, чем я ожидала, — Марли вытирает глаза. — Черт возьми, ты даже Пола сделал дебилом, которым он и является. Ты сделал мой день.

Когда выходит из трейлера, она хлопает по моему плечу в знак признательности. И это, именно сейчас, это причина, по которой я сделал вид, что мне выдрали волосы с мошонки. Чтобы увидеть эту улыбку, которая стоит любого вида выдиранья волос из яиц в мире.

Марли

— Ты втянула его в это? — папа присаживается рядом со мной, когда мы наблюдаем, как Пол носится по стоянке, все еще хлопая по своей голове.

— Втянула кого и во что? — я симулирую невинность.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты очень не сдержана, скрывая свой смех. Фырканье тебе не к лицу, Пуговка.

— Просто хочу немного повеселиться. В этом нет ничего плохого.

Притянув меня к своей груди, обняв меня за плечи, он целует меня в макушку и ведет меня в антикварную палатку, сувенирный магазинчик с вигвамами, расставленными спереди и имеющий хорошо известную репутацию на маршруте «Шоссе 66».

— Если ты хочешь повеселиться, то со мной, а не с помощью меня. Мы должны быть на одной стороне. Ну, ты знаешь, любимы ребенок и все такое.

Я смеюсь.

— Надеюсь, Пол не услышит, что ты сейчас сказал. Он будет рыдать, пока не заснет.

Портер выходит из трейлера и поправляет свою красную кепку на голове, пока осматривает сувенирный магазин. Его джинсы обтягивают его ноги во всех нужных местах, особенно подчеркивают его задницу, и его черно-красная фланелевая рубашка с длинным рукавом, заправленная в заниженные штаны, подчеркивает его узкую талию. Его рукава закатаны чуть ниже локтей, видимо, потому что он пытается заставить меня страдать, как сегодня утром.

Единственная причина, по которой я издевалась сегодня над Портером своими движениями из йоги, потому что он появился в дверях моего номера полуголый. Любой мужчина без рубашки, только что поднявшийся с постели, в голубых джинсах получит меня в любое время, особенно, если он такой же сексуальный, как Портер.

Если серьезно, давайте на секундочку вспомним, как он выглядит без рубашки. Я никогда не была одной из тех девчонок, который ласкают себя, думая о мужчине, который разложил свои яйца перед камерой, делая что-то вроде «О»-лица. Но, черт, я была в секунде от того, чтобы сделать это, после того как Портер ушел из моего вигвама. Жизнь на ферме повлияла на него и не только из-за того, что он был накачан, действительно охренительно накачан, но он так же был загорелым и не заморачивался насчет воска, что делало его еще более грубым и привлекательным.

Хотя мое сердце и либидо умоляют меня попробовать на вкус Портера, мой мозг знает лучше. Он сделал мне больно однажды, может сделать больно снова, даже если он извинился. И кто сказал, что он вообще хочет что-то сделать со мной? Может показаться, что это так, но Портер хорош во флирте. Он мог бы бросить маленькой сестричке Пола косточку, и мы бы были в хороших отношениях до свадьбы Пола. В таком случае, если это произойдет, я отрежу его яйца так быстро и подам ему их в качестве закуски на свадьбе, что он даже не успеет погладить свою бороду своим сексуальным способом. Ну, вы знаете, «я печальный и задумчивый» способ.

— Мы будем заходить? — спрашивает Портер.

— Эээ, да, — я кричу Полу. — Пол, ты идешь?

— Это все еще на мне? Я не могу рассмотреть, — Пол использует чужое боковое зеркало, чтобы рассмотреть макушку своей головы.

— Там ничего нет, — говорит Портер измученно.

— Как ты можешь так говорить, если даже не посмотрел ближе? — Пол разделяет свои волосы посередине, так что заметно его кожу и обследует каждую прядь, как будто он шимпанзе в поисках клеща. — Почему никто мне не помогает?

— Никакого паука не было. Я его выдумал.

Спина Пола напрягается и выпрямляется, когда он встает и оборачивается посмотреть на нас троих, стоящих бок о бок друг к другу, осуждая его.

— Как ты мог солгать об этом? Ты же знаешь, как я боюсь пауков. Ни у одного животного не должно быть столько ног, для чего? Только для того, чтобы насолить людям, чтобы они почувствовали себя пьяными, даже не лизнув алкоголя.

— Да, Пол. Господь создал пауков на планете, чтобы человечество почувствовало последствия чрезмерного употребления алкоголя в их системе, — отвечаю я с сарказмом.

— Правда? — он недоверчиво качает своей головой, пока Портер хлопает его по спине и проталкивает в дверь сувенирной лавки.

— Они странное сочетание, но это срабатывает. Пошли, Марли, нам нужно кое-что купить.

«Лавка Вигвамов» — интересный магазин. Снаружи, можно сказать, что это взрыв из прошлого с его национальными символами, белым фасадом с дерзкой, зелено-голубой расцветкой, вызывающий портретное представление «Шоссе 66» во времена его расцвета. Но когда заходишь вовнутрь, чувствуется эклектика повсюду. Очень сентиментально в некотором смысле с дешевыми сувенирами «Шоссе 66», так что я хочу купить каждый из них. У них есть прилавок полный украшений с легкой атмосферой ломбарда, но в забавной, ностальгической манере. Я перерою весь магазин.

Сразу же отец направляется к кассиру и рассказывает ей о нашем путешествии по «Шоссе 66». Кое-что вам следует узнать о Берн-Мене, он печально известен разговорами с незнакомцами и выкладыванием им всей своей жизни. Он не стесняется. Нет ни одного человека, с которым Берни встретился и не смог бы подружиться. Это раздражает время от времени, особенно когда он начинает разглагольствовать на личные темы, например, когда он взял меня в магазин после смерти мамы, чтобы купить женские товары. Обсуждение подходящих для меня тампонов с менеджером в магазине — это разговор, который я никогда не забуду.

— Угу, путешествуем по «Шоссе 66» с моим сыном, Полом, это тот, который со светлыми волосами, и моей дочерью, Марли, прелестная красотка, которая стоит вон там. Пол женится, и мы решили отправиться в последнее дорожное путешествие всей семьей. Жеребец во фланелевой рубашке вон там, тоже мне как сын. Мы знакомы с ним, с тех пор как он был малышом. Его зовут Портер, он работает на моей ферме вместе со мной, и он шафер Пола. Свадьба через неделю, она тоже будет на ферме. Прекрасное время года для свадьбы, не правда ли?

Я должна прервать разговор, чувствую, что кассиру не хорошо, она выглядит заваленной фактами и смущенной, но ни за что, черт возьми, я не стану выручать ее. Знаете почему? Потому что папа каким-то образом втянет меня в беседу и заведет разговор о чем-то крайне неловком, что случилось в моем детстве. Я не хочу, чтобы такие истории дошли до Портера. Я пытаюсь показать ему какая я клевая и потрясающая, и какую большую ошибку он совершил, заставив меня чувствовать себя идиоткой.

Мне не горько от этого. Я полностью пережила ту ночь...

— Ахх! Ловцы снов! — кричит пронзительным голосом Пол, выпуская своего внутреннего Росса Геллера, на весь магазин. Я наблюдаю, как он идет уверенной походкой Беверли Голдберг к стене, полной причудливо сплетенных гобеленов и играет болтающимися перьями между пальцев.

— Нашла что-нибудь, что понравилось? — глубокий низкий голос Портера звучит позади меня, его грудь практически прижимается к моей спине. Мой пульс подскакивает от его близости, и я думаю, каково это ощущать его руки, обнимающие мой живот, и его подбородок, уткнувшийся в мою макушку, пока я разглядываю старые жестяные вещи.

— Еще нет, — я сглатываю, поворачиваясь к нему лицом.

— Похоже, Пол нашел свой джекпот. Мне кажется за ним осталась дорожка из мочи, когда он побежал за ловцами сна.

— У мальчика определенно интересный вкус. Нашел что-нибудь, что понравилось?

— Да, вообще-то, — его улыбка расслабляет.

— Что ты нашел?

— Не твое дело, — он натягивает козырек своей кепки и уходит, сжимая что-то в руке. Я не могу перестать пялиться на его упругий зад.

— Марли, иди сюда и помоги подобрать для нас подходящие футболки, — зовет отец. — Мы хотим быть уверены, что будем выглядеть модно.

Даже не смотря на то, что это магазин уникальный и забавный, я уверена, что любую футболку с надписью «Шоссе 66», которую я выберу, навряд ли можно будет увидеть на подиуме, но я побалую своего отца.

Пол вразвалочку подходит к футболкам, держа в руках гигантский ловец снов. Эта вещь ничем не меньше двенадцати дюймов в диаметр (примерно 30 см) с бусинками и перьями, прикрепленными к ней.

— Это будет отличным подарком для моей невесты на нашей свадьбе.

Я съеживаюсь от мысли, каким будет открытием для Саванны ее предсвадебный подарок. С таким подарком, она может отменить свадьбу. Не потому что Ловец снов не красивый, факт в том, что невесты обычно получают на свадьбу красивые ювелирные украшения вместо аутентичного индейского артефакта.

— Очень милый жест, Пол, — хвалит его отец.

Нет ни малейшей надежды, когда дело доходит до мужчин в моей семье.

Портер что-то секретное регистрирует в отделе покупок, но я игнорирую его, когда прохожу мимо футболок. Они интересные, мягко говоря. В диапазоне цветов от красного до голубого, я выбираю простую белую с надписью «Шоссе 66» спереди. Вообще-то это довольно классная футболка. Я беру маленькую для себя и пытаюсь подобрать размеры для остальных мужчин.

— Смотри, что я нашел! — с восторгом папа поднимает дешевые индийские головные уборы. — Мы должны их взять.

— Пап, Hunky Dory! — орет Пол, и его голос поднимается на октаву выше.

Вы, наверное, думаете, что, черт возьми, такое Hunky Dory? Я вас не виню, я не знала что это, до того, как мой папа купил это однажды в нашем путешествии. Я не помню, где мы были, но он купил каждому из нас по пачке. Вообще-то, это был Cracker Jacks на стероидах. Это карамелизированный попкорн с миндалем и пеканом, похожий на то, как будто вы открываете свой рот, как птенец, и Бога тошнит небесами в вашу глотку. Да, самое точное описание.

— Разбери! — я кричу Полу, когда вижу Полу с поперсами (конфетти-хлопушка). Ну, знаете те шуки, которые вы бросаете на землю, которые потом издают громкий хлопающий звук? Они станут прекрасным поводом поиздеваться над Полом и немного повеселиться в процессе, поэтому я схватила несколько упаковок, пока Пол меня не увидел. У меня есть кое-какие мысли насчет этого.

По отдельности, с полными руками различных вещей, мы расплачиваемся, натягиваем наши футболки и нехотя натягиваем головные уборы, Портер, конечно же, поверх своего натягивает свою красную кепку.

Кассир достаточно повеселилась над туристами и сфотографировала нас четверых напротив вывески магазина, Пол демонстрировал его Ловца сна, а папа показывал на камеру большие пальцы, поднятые вверх, одновременно говорил:

— Скажите, сыр!

Как только мы возвращаемся в трейлер, головные уборы аккуратно убираются назад, так чтобы не взъерошить перья, и Пол с папой начинают планировать остальное время нашей поездки через Нью-Мехико. В Нью-Мехико не так уж и много мест для посещения, поэтому мы осмотрим только пейзаж и больше ничего, и направимся в наш следующий кемпинг в Тукумкари.

Я сажусь за стол и открываю свой лэп-топ. Папа и Пол сражаются за музыку, а Портер сидит напротив меня за столом. Он опускает экран компьютера вниз, и я вынуждена посмотреть на него.

— Эй, — он улыбается.

— Что случилось?

— У меня есть кое-что для тебя.

Мое сердце трепещет, моя внутренняя школьница выходит наружу.

— И почему ты это делаешь? — я скрещиваю руки на груди и пытаюсь держать себя в руках, чтобы он не заметил, как он вскружил мне голову.

— Это предложение мира. К тому же, я увидел это и подумал о тебе.

— Правда? Что это? — я киваю в сторону его руки, в которой очевидно зажат подарок.

Он протягивает руку ко мне и раскрывает пальцы. На его ладони лежит маленький, очень реалистичный брелок-хот-дог. Верхушку украшает горчица, аппетитно стекая по бокам. Я смеюсь и хватаю брелок из его рук, покачивая его на пальце.

— Я знаю, как сильно твоя мама любила хот-доги, и из-за нее это стало вашей семейной традицией. Подумал, что ты могла бы прикрепить его к своему кошельку или еще к чему-то, и у тебя всегда была бы частичка твоей мамы, куда бы ты не пошла. К тому же, ты будешь крутой чикой с хот-догом, болтающимся с боку.

Я делаю глубокий вдох и смотрю на маленький подарок.

— Каждая хочет быть такой девчонкой, — я шучу. Мои глаза встречаются с его, искренность сквозит в них. Боль в груди становится сильнее и желание обнять его становится невыносимым, но я не показываю этого, это будет неправильным. Вместо этого, я прижимаю брелок к сердцу и говорю, — Спасибо, Портер. Это очень много для меня значит.

Он пожимает плечами и встает из-за обеденного стола.

— Эй, все что угодно для моего Шарика.

Если яичники могут лопнуть, то мои уже это сделали. Прямо сейчас. Сочетание его уверенной улыбки, от которой маленькие ямочки появляются под его бородой, эти почти

черные глаза, улыбающиеся мне, и его прозвище для меня — прикончили меня. Я хочу вылизать землю, по которой он ходит, и мне не будет стыдно, когда я буду это делать.

После того, как мы покинули «Лавку Вигвамов» и провели время в пеших прогулках по пустыне Нью-Мехико, мы обосновались в нашем кемпинге и растянули палатку Портера, который был невероятно благодарен за то, что не нужно будет снова спать на чертовой кровати.

Прогулка пешком по отвесным склонам, которые расположились по обе стороны от дороги, было весело, пока Пол не поклялся, что услышал гремучую змею, и побежал к трейлеру, высоко поднимая колени и едва касаясь земли кончиками пальцев. Как он прошел основную подготовку в армии, выше моего понимания.

Вернувшись в Альбукерку, мы остановились в местечке под названием «Кафе Собачья будка», который славится своими огромными хот-догами. После западни с диареей, я беру корн-дог вместо хот-дога, надеясь, что мой желудок усвоит хоть немного от натиска переработанного мяса. Мальчики получили свои хот-доги, что стало большим удовольствием для меня по дороге от Альбукерки до Тукумкари. Я заплатила бы хотя бы копейку за противогаз или бутылку освежителя воздуха на протяжении всей поездки. Мясная отрыжка от хот-догов, выходящая из задниц трех мужиков, имела не очень приятный аромат, звук случайной мясной отрыжки и вы ловите себя на том, что приятнее запах разлагающегося трупа.

Если бы я могла, я бы наполнила запахом бутылку, и продала бы его правительству, в качестве тактического оружия, выброс газа в сторону противника с ароматом хот-догового пердежа. ИГИЛ пал бы за секунду.

К счастью, у нас было на ужин немного овощей, поджаренных на гриле, вместе со стейками, которые папа поджарил для нас. Моя прямая кишка была благодарна за выбор клетчатки, обогащенной питательными веществами.

Сейчас, мы сидим у костра, пьем пиво, которое я возместила для мальчиков, и вспоминаем истории о нашем детстве. Пол забился, прижимая свое пиво к груди и облизывает ободок бутылки после каждого глотка, убеждая, что он не хочет упустить ни одну каплю. Положа руку на сердце, больше похоже на то, что он делает пиву минет. Я не обращаю внимание на это, потому что Пол возбужден, из-за того что не видит Саванну, и держится ближе к отверстию, которое может найти, чтобы заполнить свою пустоту.

Портер выпил несколько бутылок и наконец-то расслабился. Его поза не такая напряженная, как обычно рядом со мной, и вообще-то он несколько раз ударил меня плечом. Да, я заметила это.

Ладно, я знаю, о чем вы подумали, удар плечом, серьезно, Марли? Но давайте просто представим, вы сидите у костра с, хмммм, Генри Кавиллом и его нога просто случайно касается вашей, или, может быть, его плечо трется об ваше, вы сможете мне сказать, то у вас тоже не пойдет голова кругом. Не врите мне, я знаю, что сексуальный магнетизм Генри Кавилла содержится в его ладони. Ну, вот на что это похоже для меня. Портер — это мой Генри, и честно говоря... он похож на него, кроме того, что у Генри голубые глаза, а у Портера темно-карие.

И еще, мой папа, растянувшийся на кресле, с корневым пивом в руке, наслаждается сентябрьской ночью под звездами. Он простой человек, нахождение рядом с детьми, делает

его счастливым, и рассказывает истории, от которых огромная улыбка растягивается на его лице.

— Помнишь то время, когда ты пописала в пруд в первый раз, Марли? — говорит Пол, хохоча, как гиена.

— Нет, — отвечаю я, сквозь стиснутые зубы, не желая разговаривать об этом при Портере.

— Не уверен, что слышал эту историю, — Портер поддакивает Полу.

— Что? Ох, чувак, почему тебя там не было? Мы проводили часы на пруду вместе.

— От того, как вы это говорите, кажется, что вы друг с другом встречаетесь, — добавляю я.

— Мы, — Пол хватает Портера за руку, поднимает ее в воздух и кричит, — У нас гомороман, смиритесь с этим.

— Ладно, приятель, — Портер смеется, выдергивая руку от Пола.

— В любом случае, на Марли был тогда покрытый ромашками купальник.

— Синий? — спрашивает Портер.

— Да, именно он.

— Почему ты это запомнил? — я спрашиваю у Портера. Он только подмигивает мне в ответ, что заставляет меня хотеть засунуть свой язык в его ухо. Я слышала, что мужчинам это нравится... правда?

— Она так хотела пописать, но не хотела делать это в своем купальнике, поэтому она зашла в пруд, где ее нагота была прикрыта водой, сняла свой купальник, держала его над собой и, черт возьми, нассала прямо в пруд.

— Чего? — Портер смеется.

— Угу, она сделала это, отплывала в сторону, писая полжизни и плавая в собственной грязи.

— Я не думаю, что все было именно так! — я защищаю себя. — Я просто хотела убедиться, что не опишу свой купальник.

— Почему ты просто не оттянула его в сторону от промежности? — спрашивает Портер.

— Потому что это бы значило, что я писаю на свою руку, — я поднимаю свою руку вверх, пока все смеются. — Слушайте, я знала, что делала тогда. По крайней мере, я отметила галочкой этот пункт в своем «Листе Желаний».

— Это было в твоём «Листе Желаний», не хочу знать, что еще в этом списке, — Пол издевается надо мной.

— Ах, так ты думаешь, что ты весельчак сегодня? Ладно, — я поворачиваюсь к Портеру и говорю: — Ты слышал историю про шкаф?

Папа смеется рядом и качает головой.

— О, это одна из лучших.

— Ты не посмеешь! — предостерегает меня Пол.

— Что за история со шкафом? — спрашивает Портер с волнением в глазах.

— Она застряла в моем шкафу, конец истории, — быстро отвечает Пол.

Мой папа взрывается от хохота.

— Это не совсем конец истории.

— Пап, тебя убьет то, что ты будешь на моей стороне хоть раз?

— Извини, сынок, но я оставляю это для Марли, рассказать эту историю. Она чертовски хороша.

— Ты не станешь рассказывать эту историю, — Пол указывает пальцем на меня, пока его пьяное тело раскачивается вперед и назад.

Я делаю глоток своего пива и спокойно говорю:

— Я могу либо рассказать историю сейчас, либо подождать до вашего репетиционного ужина, где я расскажу ее перед Саванной и всей ее семьей.

Глаза Пола лезут на лоб.

— Ты не сделаешь этого.

— Ох, еще как, черт возьми, сделаю.

— Ты — Дьявол.

— Рада, что ты наконец-то осознал это, — я поворачиваюсь к Портеру и вхожу в роль.

Прежде чем я продолжу, я просто хочу, чтобы вы знали, что я была надоедливой, младшей сестричкой, которая должна была всегда знать, что делает ее брат. Мне было постоянно необходимо знать, чем он занимается, даже если он не хотел иметь со мной ничего общего. После истории со шкафом, я в первый раз пожалела, что хотела знать, чем Пол был занят. Эмоционально, я была напугана до смерти, но рассказ об этом постепенно излечил мои раны.

— Я была в пятом классе, а вы перешли с Полом в восьмой в то время. Мама ушла за покупками, а папа смотрел игру «Cowboys».

— Вперед «Cowboys», — папа поднимает свою банку корневого пива в мою сторону.

— Мне было скучно и я хотела поиграть с кем-нибудь, поэтому, естественно, я пошла посмотреть, что делает Пол, но когда я постучала в его дверь, то получила отказ, и он сказал мне, чтобы я убиралась. И теперь, Пол был моим дорогим братцем, который никогда не разговаривал со мной подобным образом, поэтому я была немного поражена его ответом.

— Могу представить это, — Портер усмехается. Пол откидывается назад на спинку своего стула, наклоняет бутылку к своему рту, поглощая оставшееся пиво, пока я продолжаю историю.

— Будучи любопытной, которой я и являюсь, я решаю вскрыть его замок, чтобы смогла увидеть, чем он занимается. Я была коварна для своего юного возраста, и схватила одну из своих шпилек из ящика стола, чтобы начать вскрывать замок. Даже не смотря на то, что я собиралась тайком проникнуть туда с помощью своих скрытых способностей, Пол услышал за версту, как я ковыряюсь в замке, и сказал, чтобы я оставила его в покое. Затем придвинул его огромный комод прямо к двери, поэтому, если бы я открыла дверь, я бы не смогла войти.

— Умный ход, мужик, — Портер похлопывает по ноге Пола, но Пол просто игнорирует его.

— На этот раз, я должна была знать, что происходит, раз он противится тому, чтобы я зашла в его комнату. Я подумала, что может он делает рождественский подарок для меня, или может быть он припрятал конфеты, которыми не собирался делиться со мной. Это должно было быть что-то хорошее! Поэтому, я позвала на помощь Берни-Мэна.

— Умно, — говорит Портер.

— Если бы это было спортивное мероприятие, то он бы победил в MVP за его представление, когда он присоединился ко мне.

— Как?

Папа щелкает суставами.

— Небольшая вещь, называемая актерской игрой, мой мальчик.

— Именно так. Итак, я пошла к своему папе и сказала, что Пол что-то делает в своей

комнате, и я хочу увидеть это, и что я должна бесшумно прокрасться. Я попросила его позвать Пола в гостиную, чтобы я незаметно проскользнула в шкаф. Конечно, папа сделал бы все что угодно для меня, поэтому он согласился.

— Ага, спасибо, пап. Вы даже не удосужились подумать о моей личной жизни.

Папа пожимает плечами,

— Эй, я был доволен. Шла игра, и я пил свое корневое пиво, я бы сделал все что угодно.

— Ох, черт, — Портер смеется и закрывает руками лицо. — Кажется, я знаю, к чему это ведет, но пожалуйста, продолжайте.

— Я спланировала все идеально, — говорю я, на самом деле, увлекаясь историей, — Я спряталась в ванной комнате, напротив комнаты Пола, и ждала, когда папа позовет его в гостиную. Было забавно слушать, как Пол боролся с комодом, чтобы выбраться из комнаты. В тот момент, как он ушел, я понеслась вовнутрь и спряталась в его шкафу, оставив щель в двери с дюйм для лучшего обзора, но не будучи обнаруженной. Потом я начала ждать. Из гостиной я услышала, как папа сказал, «Я просто хотел сказать тебе, что люблю тебя». Пол растерялся от папиной выходки и бросился назад в свою комнату.

— Роль всей жизни, — папа смеется. — Я был в ударе.

— Да, отличная работа, пап, — Пол говорит с сарказмом и закатывает глаза. — Достоинно Оскара.

— Так, ты в шкафу и.... — Портер помогает с продолжением рассказа, очевидно ожидая услышать продолжение.

Я придвигаюсь ближе, не в состоянии скрыть смех в голосе.

— Я в шкафу, Пол вернулся обратно в свою комнату, в бешенстве от того, что его прервали. Я наблюдаю, как он закрывает свою дверь, а затем придвигает комод, чтобы заблокировать проход своей надоедливой сестре. Если бы он знал, что я уже была внутри. Я задержала дыхание, когда поняла, что он пришел, собираясь привести свой хитроумный план в действие, чтобы наконец-то выяснить, чем Пол занимался все это время. Я едва дышала, чтобы быть уверенной, что не издаю и звука, потому что не хотела, чтобы меня обнаружили. Я в предвкушении увидеть, чем он занимался, когда понимаю, что он идет в кровать. Сначала, казалось, он собирается вздремнуть, пока....

— О, Господи, — плечи Портера сотрясаются от смеха рядом со мной, глубокий рокот выходит из его груди, — Чувак, ты дрочил перед своей сестрой?

— Нет! — оправдывается Пол.

— Тогда, что ты делал? — Портер смотрит на меня, чтобы я закончила историю

— Он лежал под своим голубым одеялом...

— Тьфу, то, которое он таскал повсюду в доме? Тот клочок, который он взял с собой на начальную подготовку?

— Именно оно.

— Это было мягкое одеяло! — вставляет Пол.

— Итак, он лежал под одеялом и начал... двигать бедрами, — Портер в недоумении поднимает бровь. — Он начал трахать матрас, как будто там была дырка и пытался похоронить свой член в нем.

— Нет, — Портер хлопает в ладоши и смеется, в уголках его глаз появляются морщинки. Боже, он сексуален. — Что ты сделала?

— Ну, во-первых, я действительно не понимала, что происходит. Я была смущена, потому что была всего лишь маленькой девочкой, пока я не осознала, что то, что он делал,

вероятно, было не для моего удовольствия.

— Пуговка, никому это бы не доставило удовольствия.

— Еще раз спасибо, пап, — надулся Пол.

— В тот момент, когда я поняла, что он не делал рождественский подарок для меня или не ел, спрятанные конфеты. Я прекратила смотреть, потому что, честно, мне было действительно некомфортно.

— Тогда, возможно, тебе не стоило туда пробираться. Я был подростком, мне нужно было уединение!

— Ох, черт, — Портер закрывает глаза. — Все, о чем думаю — как Пол делает тебе рождественский подарок... таким способом. Мерзость!

— Еще бы, — я ухмыляюсь, — Так, что вместо того, чтобы смотреть, я просто стояла в шкафу, не очень уверенная в том, что мне делать, только тонкая дверь отделяла меня от петтинга Пола.

— Чувак, почему ты просто не подрочил? Почему ты трахал свой матрас? — спрашивает Портер.

Пол скрещивает руки на груди и смотрит на огонь.

— Мой член был возбужден. Я еще не знал, что можно использовать лосьон. Мне нужно было облегчение, которое не связано с трением, а матрас был мягким и приветливым. Не стоит судить меня.

— Почему мы дружим? — Портер хохочет еще больше, — Как долго ты сидела в шкафу?

— Ну, вот в чем дело. Я просидела там, вероятнее всего, в течение десяти минут, пытаюсь сообразить, что мне делать. Я не знала, что вообще он делал, но это продолжалось очень долго, и, честно, я была голодна, и мои ноги свело судорогой, так что я не могла ими пошевелить. Поэтому, я сделала единственное, что мне поможет выбраться оттуда. Я позвала Пола по имени.

Портер и папа одновременно смеются.

— Я сказала, «Пол, это Марли». Пол, совершенно ничего не замечая за своим занятием по фаршировке матраса, просто проорал мне, чтобы я убиралась прочь. Потом я начала ему объяснять, что не могу по очевидным причинам. Снова, он сказал мне убираться, и тогда я сделала еще одну попытку. Я сказала ему, что я в шкафу.

— Да ладно, — Портер вытирает глаза.

Я киваю.

— Да. Но он все еще не верил мне.

— Чувак... — Портер смотрит на Пола.

— Я был слишком занят, чтобы сориентироваться, откуда шел ее голос.

— Потому что он был такой глупый, у меня был только один выход. Я постучала в дверь шкафа, отчаянно говоря, «Пол, я в шкафу!» Ой, мальчики, вы должны были видеть, как быстро он спрыгнул с кровати и начал орать на меня, чтобы я убиралась к черту из его комнаты. Несмотря на него, я рывком открыла дверь шкафа и изо всех сил старалась сдвинуть комод, чтобы пролезть в щель в двери. Я побежала в свою комнату, захлопнула дверь и вцепилась в своего игрушечного Винни-Пуха, раскачиваясь назад и вперед на кровати.

— Черт, это было великолепно.

Мне нравится наблюдать, как Портер смеется. Это одна из самых сексуальных вещей, которую я когда-либо видела. Он не просто смеется, все его тело смеется. Его плечи слегка

двигаются, его сильные руки обхватили живот, его ямочка вышла посмотреть на мир, это почти соблазнительно, то, как его тело двигается.

— Травма на всю жизнь.

— Поделом тебе, — Пол хватает еще одно пиво и открывает его. — Ты не должна была сидеть в засаде в шкафу своего брата-подростка. Нехорошие вещи ждут тебя в будущем, если ты будешь так делать.

— Когда мама пришла домой в тот день, я заставила ее смотреть со мной «Мулан», чтобы очиститься от взрослой чепухи, которая прокралась в мой мозг.

— Если бы я только знал, что она собиралась сделать, я бы пожалел тебя, сынок.

— Ты лжешь! — Пол показывает пальцем на папу. — В моей голове нет не единого сомнения, что если бы ты преподавал мне урок о прикосновении к себе, ты все равно помог бы ей.

Папа пьет свое корневое пиво и раздумывает об обвинениях Пола секунду, прежде чем ответить:

— Знаешь, ты прав. И знаешь почему? Ты проводил слишком много времени в душе и в спальне, после того, как однажды ты понял, что от легкого дуновения твой член вставал. Тебя надо было спустить с небес на землю кому-то. К счастью, твоя сестра была, той кто сделал это.

— Я не думаю, что это к счастью, — возражаю я.

— С меня хватит, — отзывается Пол, допивая остаток пива.

— Думаю с меня тоже, — папа встает и потягивается, — Портер, позаботишься о костре?

— Конечно, сэр.

Пол и папа идут к трейлеру, и на расстоянии я слышу, как Пол разговаривает с папой об истории со шкафом, объясняя ему причины, по которым он трахал матрас. Из того, что я услышала, он привел несколько убедительных доводов, но так как это все сводилось к тому, что он трахнул матрас, он никогда не загладит свою вину.

— Хорошая история, — говорит Портер, толкая меня своим плечом опять, — Не могу поверить, что не слышал ее прежде.

— Я не рассказывала всем, ну знаешь, чтобы сохранить репутацию Пола и все такое.

— Какая заботливая сестра, а я думал, вы ненавидите друг друга.

Я замолкаю на секунду, уставившись на тлеющие угли в костре.

— Мы ненавидели друг друга, но мы сблизились за последние несколько лет. Он стал человеком, к кому я обращалась, когда у меня были проблемы. Даже не смотря на то, что он был Королевой Драмы иногда, все равно он давал хорошие советы и готов был сделать все что угодно для меня.

Портер понимающе кивает.

— Он знает о выпускном вечере?

Много раз я думала о том, чтобы рассказать Полу о том, что случилось. Это было на кончике моего языка в течение множества разговоров, которые я провела со своим братом, но я никогда не говорила ему ничего, потому что знала, что это разрушит их отношения с Портером, хоть я и не переносила Портера на дух, я не могла так поступить с Полом. Портер стал одной из главных причин, по которым Пол смог пережить кончину мамы.

Мы с папой невероятно близки, и Пол с мамой были тоже. Я думаю из нас всех, он тяжелее всех воспринял ее смерть. Я знаю, что это одна из причин, почему он захотел

поехать в последнее путешествие перед свадьбой. Он хотел почувствовать ее снова рядом, в самый важный период его жизни.

Поэтому, я никогда не говорила об этом Полу. Я смогла разрушить свои отношения с Портером, пойдя с ним на выпускной вечер, и поддаваясь чувствам, но это был мой выбор, не Пола — потерять лучшего друга.

— Нет, — я качаю головой, — Я не хотела разрушить ваши отношения с Полом, это очень важно для вас обоих.

— Ты могла, ты ведь знаешь. Я заслужил это.

— Ты, да, — я небрежно смеюсь. — Но Пол — нет.

Портер понимающе кивает.

— Ну, я полагаю, что тоже должна отправиться в кровать. У тебя есть все, что тебе понадобится в палатке?

— Да, я, пожалуй, пойду.

Мы оба стоим в неловкости. Такое чувство, что я должна обнять его и пожелать спокойной ночи, но мы никогда так не делали, поэтому я воздерживаюсь.

— Ладно, спокойной ночи, — я улыбаюсь и поворачиваюсь к трейлеру, но останавливаюсь, когда Портер хватается мою руки и тянет меня обратно. Он притягивает меня ближе и в итоге обнимает.

Сначала, я не знала, что делать со своими руками, они прижались к его груди, его сильные руки обвились вокруг меня, но когда он положил свою щеку на макушку моей головы, я решаю расслабить свои руки между нами и тоже обнять его.

Мои пальцы скользят по его прекрасно сложенной спине, хлопок его фланелевой рубашки, смешанный с его твердыми мышцами по бокам — прекрасное сочетание. У него чистый древесный аромат, как будто он пользуется каким-то натуральным мылом и втирает его по всему телу — это опьяняет. Мы как будто в кино — я чувствую, как его сердце бьется рядом с моим, напоминая насколько сильно этот мужчина влияет на меня день изо дня.

Именно тогда, когда мне стало комфортно, он отодвинулся и приподнял мой подбородок своими пальцами. Его улыбка заразительна, когда он смотрит на меня.

— Спокойной ночи, Марли.

— Спокойной ночи, — я сглатываю.

Как в тумане, я возвращаюсь к трейлеру, и ныряю в чертову кровать, все время размышляя, что значили эти объятия.

Глава 9

Марли

Знаете, когда люди говорят, что воздух густой, как гороховый суп? Я думала над этим выражением много раз, представляя, как комната на самом деле наполнена гороховым супом. Я представляю себя в горнолыжных очках, в противогазе и с мачете, рассекаю зеленую жижу в воздухе, пока не обрету безопасность. Я люблю драться, я могла бы выжить с правильным оборудованием.

А теперь представьте, что эта гороховая комната в «Тэси», в нашем домике на колесах восьмидесятого года выпуска, горох поступает из двух концов трейлера, пока не встречается по середине и не сталкивается с кислородом, в удушающей атмосфере.

Вот в чем я нахожусь, вот что душит меня во сне и заставляет тяжело дышать ради чистого выживания. Воздух настолько густой, что я даже не вижу, как я карабкаюсь к стене трейлера, где я знаю, есть окно достаточно большое, чтобы я в него высунулась. Я борюсь с замком, умоляя его открыться, надеясь, что это не последние минуты моей жизни на Земле.

Слабый щелчок, окно открывается, подстегивая мою нужду в свежем воздухе. Быстрым движением, я распахиваю окно, высовываю голову наружу и делаю глубокий вдох. Я хватаю ртом воздух, изгоняя отвратительный туман из своих легких.

Знаю, о чем вы подумали. Это из-за хот-догов, они вызывают серьезное газообразование у любого. Не верно!

Живя вдаль от отца и брата, я забыла, что значит делить комнату вместе с ними. Это не из-за газообразования, от которого из моих легких отхаркивается кровь, — да, это преувеличение. Не-а, это что-то другое.

Вы когда-нибудь просыпались настолько рано утром, что могли увидеть слой росы на траве, красивый туман в воздухе? Ну, такое случается и с мужчинами по утрам. Легкий туман поднимается от их спящих тел и заполняет комнату, в которой они отдыхают. Он чертовски влажный — да, я сказала влажный, вызывает отвращение от всего что угодно — и достаточно густой, чтобы задушить Клейдесдаль (шотландская хладнокровная лошадь) во сне.

Вот с чем я имею дело прямо сейчас, но это не из-за одного мужчины, их двое, и сочетание их мужских запахов с утра, которое заставляет меня сбежать из постели, прочь из трейлера.

В первое утро, когда я проснулась в трейлере, я не ощутила этот туман, потому что все окна были раскрыты настежь, вот где я дала маху. Окна должны быть всегда открыты на ночь, когда делишь пятнадцать футов помещения с двумя мужчинами.

— Что ты делаешь? — спрашивает Пол с улицы. Он держит чашку кофе в руках и выглядит готовым к новому дню.

— Твоя вонь заполнила весь трейлер. Пахнет грязными подмышками и пупком.

— Мужской туман? — спрашивает он. Он знает, я постоянно ему об этом говорю.

— Да!

— Поделом тебе! — он раздражается маниакальным смехом, запрокидывая назад голову. — Я специально закрыл все окна, надеясь, что газы не дадут тебе заснуть. Это ты заслужила за то, что рассказала вчера эту дурацкую историю и украла мое пиво. Мы квиты!

— Я могла умереть! — я чувствую, как мои глаза становятся шире от ярости.

— Да ладно тебе. С тобой все в порядке. Вставай. Мы скоро будем собираться. Уже девять.

Девять? Правда? Черт, это поздно для нас.

— Почему ты такой веселый? Разве у тебя не должно быть похмелья?

— Нееее, я сделал несколько прыжков с утра, пока не проблевался в тех кустах, — он указывает на прекрасную композицию из кустарников, — Лучший способ избавиться от похмелья — выпустить все наружу.

Я смотрю на кусты, а затем обратно на Пола.

— Кемпингу невероятно повезло.

Он пожимает плечами.

— Как мне кажется, я помог дикой природе. Я уверен, что это будет приятная маленькая закуска для белок и кроликов.

— Замолкни, — прошу я, заталкивая голову обратно в мужской туман.

Я вылезаю из кровати и обхожу вокруг «Тэси», открывая все окна и размахивая подушкой, пока не убеждаюсь что все проветрено. Мальчики на улице, разговаривают о блинчиках, которые они, видимо, приготовили на завтрак, и о планах на день. Я чувствую запах подгоревшего хлеба и мне интересно, кто ответственный за это. Я хватаю косметичку и иду к задней части трейлера, слишком лениво идти до ванной, которую предлагает кемпинг.

Трейлер становится немного грязноватым, но не настолько, как я ожидала, учитывая тот факт, что я проживаю с тремя мужчинами. Я открываю дверь ванной и близка к тому, чтобы закричать, когда запускаю туда свет.

Щетина разбросана по всему полу и раковине, грязная, старая одежда разбросана на панелях, а туалетное сидение покрыто каплями мочи из-за плохого прицела. Когда я в последний раз заходила в ванную?

Пара папиных белых трусов лежит на смывном бачке, а брызги от зубной пасты покрывают все стены. Свињи!

Я вылетаю из ванны, оставляя дверь трейлера распахнутой. Я знаю, что выгляжу ужасно, только что проснувшись. Я не красотка по утрам. Я никогда не была одной из тех девушек, которые встают с кровати с таким видом, как будто их поцеловал ангел в щеку и благословил их на хороший день. Неа, я выгляжу так, будто стая бобров утащила меня в середине ночи к себе на дамбу и трахнула меня своими зубами.

Мои волосы растрепаны во все стороны, одежда перекошена, а на лице виднеются следы после сна от чертовой кровати, которая пожирала меня всю прошлую ночь.

Все трое мужчин имели приличие прекратить свой разговор и подготовиться, кажется, к еще одной «Особой Красной Точке», — все трое автоматически прикрыли своими руками промежность.

— Кто брился в ванной? — слюна брызжет из моего рта, когда я кричу.

Никогда еще не чувствовала себя настолько привлекательной.

Все трое смотрят друг на друга и указывают на каждого. Папа показывает на Портера. Портер — на Пола, а Пол — на папу, — превосходно!

— Ясно. Чья одежда на полу, и, пап, не ври, я знаю, там твоё нижнее бельё. Что насчет зубной пасты повсюду и следов мочи на сидении унитаза, как будто вы долбили членом по унитазу, чтобы оставить следы на нем?

— У Пола бешеная простата, — указывает папа. Никто не покупается на это.

— Там омерзительно. Вы должны там прибраться!

— Собственно, нас ванная не беспокоит, да парни? — спрашивает Пол, смотря на двух мужчин с самодовольным лицом.

Мои глаза прищуриваются на папу и Портера, которые похоже не осознают всю серьезность проблемы, которая сочтена из туалета.

— Для нас это нормально, — заявляет отец.

Я поворачиваюсь к Портеру, к последнему оставшемуся мужчине. Я замечаю легкий намек на вину в его взгляде, когда он говорит:

— Неа, меня все устраивает.

И вот она, мужская дружба, в которую я не могу проникнуть. Женщины обычно объединяют свои задницы вместе, чтобы построить такое силовое поле, которое мужчины не в состоянии расколоть. Но мужчины, они возводят стены вокруг себя из такого дерьма, что

ни одна женщина не захочет прикоснуться к ним даже десятифутовым дилдо.

— Я знаю, что происходит. Вы трое обсудили это, пока я спала? Спланировали все это, не так ли?

— И мы приготовили блинчики, — Портер предлагает, протягивает алюминиевую тарелку с парой блинчиков.

Как ни в чем не бывало, не обутая и все еще в пижаме, я подхожу к Портеру, который все еще протягивает мне блинчики. Одним сильным ударом, я выбиваю блинчики из его руки и слышу, как они шлепаются на землю, пока я смотрю ему в глаза.

— Я не хочу твои рваные, подгоревшие блины, которые, я уверена, отвратительные на вкус, глютенный удар по печени. Все, что я хочу от вас троих — это, чтобы вы вычистили ванную, потому что я не хочу надевать костюм для химзащиты, чтобы зайти туда.

Могу сказать, что Портер не выглядел так, как будто это отвратительно для него, но после того как Пол ткнул его палкой из-за спины моего отца, напоминая ему на чьей он стороне, и он не уступит.

— Туалет в порядке, — говорит Портер сквозь стиснутые зубы, очевидно натренированный Полом, чтобы говорить эти ужасные вещи.

— Мы мужчины, Марли....

— Сильно сомневаюсь, — я противостою Полу.

Пол поднимает руки, защищаясь.

— Да, я могу кричать, как двенадцатилетняя девчонка с высоким хвостом, которая только что сделала свою первую депиляцию подмышек, когда я вижу паука, и да, я могу быть эмоциональным, когда встречаю своего братишку спустя месяцы разлуки, но это не отменяет того факта, что я рыл себе яму в пустыне, чтобы посрать в нее, когда служил в армии, или тот факт, что я могу днями, даже неделями, обходиться без белья. Туалет в порядке.

— Ладно, — я киваю и разглядываю их, — Я вижу, что так и будет. Отлично. Мы будем жить в грязи. Мне плевать. Мы проведем еще несколько дней вместе, пусть ванная остается, такая как есть. Меня не волнует то, как она выглядит. Если вы извините меня, я должна подготовиться к новому дню.

Не давая возможности Полу получить удовлетворение, втапывая меня в грязь, как ребенку, когда я буду рвать на себе волосы и кричать, как лунатик, я возвращаюсь в трейлер, хлопаю дверь и зарываюсь лицом в подушку, чтобы выпустить свою злость.

Всю свою жизнь, я делила ванную с Полом. Это было пыткой, учитывая то, что Пол был неряхой, а я — нет. В средней школе и немного в старших классах, когда Пол еще жил с нами, я иногда покупала косметические средства, которые вызывали во мне невероятный восторг, учитывая то, что папа не очень любил, когда я пользовалась косметикой. Я проводила так много времени в ванной, тестируя мои новые средства, не важно, что это было: плойка для волос, новый шампунь или даже расческа. Я дорожила этими моментами... и потом появился Пол. Вообще-то, он думал, что его лобковые волосы подойдут для тестирования всего нового, что я покупала.

Щипцы для завивки ресниц, могли сделать его лобковые волосы кудрявее?

Новая бритва, могла обработать его мужские заросли?

Тизер, как много лобковых волос он выдрал без слез?

Восстанавливающий кондиционер, сделал его лобковые волосы мягче?

Плойка для волос, ну, это единственное плохо для него закончилось.

Догадываетесь, что возвращение в те дни, когда я делила ванную с Полом, приводит меня в бешенство, особенно после того, как выглядит ванная трейлера, просто счетчик Пола растет. Когда Пол сказал, что будет война, он не шутил. Он знает все мои слабости.... мое сердце останавливается.

Я бегу в ванную и хватаю свою косметичку, перерывая все, чтобы убедиться, что все на месте. Все мои кисти и тени вроде бы целы, кроме....

Снова, я распахиваю дверь трейлера и несусь к Полу, у которого вкрадчивое выражение лица.

— Чем могу помочь? — спрашивает он, абсолютно точно зная, что я ищу.

— Где моя тушь?

— Ой, ты имеешь в виду эту? — Пол достает мою тушь «Lancome» из своего кармана и машет ей передо мной. Я хочу вырвать ее, но в ужасе от того, где она могла побывать.

— Что ты с ней сделал?

Пол ходит вокруг меня кругами, пока говорит, как чертов трансвестит.

— Видишь ли, на днях я побрил свою мошонку, хотел узнать, как она будет выглядеть без волос.

Пол, вероятно, поговорил об этой истории с моим отцом, заранее, потому что я не могу понять, почему папа просто стоит, скрестив руки на груди, не вставляя свои пять копеек, слушая о том, как его сын побрил яйца.

— Я хотел сделать, что-то особенное для Саванны на нашу свадьбу...

— И это яйца двенадцатилетнего подростка? — спрашиваю я, Портер фыркает в нашу сторону.

Игнорируя мой комментарий, Пол продолжает.

— Через несколько дней, я решил проверить, как поживают мои яйца, поэтому я схватил твою компактную....

— Фу, мерзость! Пол, я же пользовалась ей!

— Да, я знаю. Поэтому меня это и привлекло. Я по-другому взглянул на свои яйца, когда воспользовался ей, как инструментом дантиста. Прекрасная работа, увидел свою порочность и все в таком роде. Саванна выбрала первоклассные чресла, чтобы выйти за них замуж. Моя порочность — это моя фантастическая кожа.

Мое горло сжимается, и тошнота подходит к желудку. Разговоры о порочности не очень то привлекательны.

— Меня сейчас стошнит.

Пол игнорирует меня.

— В любом случае, я подумал, что моим яйцам стоит стать немного мягче и сексуальнее. Поэтому, я взял твою тушь и расчесал ей свои лобковые волосы на яйцах.

— Что ты сделал?

Мое рычание ничего не меняет, пока он продолжает кружить возле меня.

— Я не мог сделать нормальный штрих, тушь была слишком густая, и получалось просто размазывание. Я думаю, что тебе действительно стоит поискать какую-нибудь новую тушь, что-то немного выше классом.

Он протягивает тюбик мне, который я выбиваю у него из рук, и он присоединяется к блинчикам на земле.

— Ты идиот! Это самая лучшая тушь сейчас на рынке! Ты хоть знаешь, сколько она стоит?

— Восемь долларов? — спрашивает он, очевидно наивно думая о сегодняшних ценах на косметические средства.

— Нет, ты дерьмо-на-палочке! Она стоит 36,99 баксов!!!!

— Серьезно? — его удивленное выражение искренне. — За тушь? Подруга, да тебя обокрали. У меня не получилось добиться разделения моих «ресниц» с этой щеточкой, что спасло мою жизнь. Они должны пересмотреть состав для новой формулы или другую щетину.

— Может быть, потому что ты использовал ее для своей морщинистой сумки? — предполагает Портер. Пол подтверждает его мнение, оттопыренной губой и легким кивком.

— Я убью тебя, — я набрасываюсь на Пола, но мой отец останавливает меня и разворачивает к фургону.

— Давайте просто закончим это все. Война окончена. Нам уже пора выезжать, если мы хотим придерживаться графика, и настолько же насколько мне нравится смотреть, как ты пытаешься избить своего брата, нам надо выезжать. Иди и переоденься, чтобы мы могли поехать.

Это говори Берни-Мэн. Он может легко разрулить ситуацию, но когда дело касается отклонения от графика, лучше с ним не связываться, или начнут проявляться его брови. И вам НИКОГДА не стоит хотеть, чтобы они проявились!

Инцидент с тушью на мужских яйцах все еще подбешивал меня, но едкий запах от моего лака для ногтей, который наполнил маленькое пространство трейлера и заставлял кашлять Пола каждые две секунды, заставлял меня почувствовать себя немного лучше.

Не буду врать, что яйца Пола на кисточке моей туши — было ударом под дых, но Портер, переметнувшийся на темную сторону — теперь это ощущалось, как будто слон пернул мне в лицо и сдул мои накладные ресницы. Я думала, что мы разобрались со всем, но как я заметила, он легко принимает другую сторону, так же как и в детстве. Я должна была вспомнить, что он был перебежчиком.

Сейчас, когда мы проезжаем окрестности Нью-Мехико, я краем глаза замечаю, что он то и дело мельком смотрит на меня.

Смотри сколько угодно, приятель, ты переметнулся на темную сторону!

Пол кашляет, больше сухим кашлем в мою сторону.

— Марли, ты нас убьешь!

Я дую на свои ногти, пока рассматриваю наклейки для ногтей, которые собираюсь попробовать.

— Тогда открой окно. Я же говорила тебе, когда соглашалась на это путешествие, что продолжу работать над своим блогом. Сегодня все посвящено ногтям. Я приобрела наклейки для ногтей от Моники Хьюз и собираюсь их протестировать. Посмотри, какие они симпатичные! Смотри, какой маленький хот-дог.

Я взмахиваю наклейками, чтобы услышать ничего, кроме хороших отзывов от мальчиков.

— Ты покрасила ногти, чтобы потом использовать наклейки? — нытье в голосе Пола очень отвратительно. Я действительно иногда удивляюсь, что Саванна нашла в этом полуподростковом-мужчине-девчонке, которого я называю своим братом.

Я кладу руку на стол перед собой и говорю спокойно Полу.

— Я не собираюсь использовать наклейки на непокрытый ноготь. Кто я? Варвар?

— Извини, — Пол поднимет свои руки вверх, — Тогда в чем смысл наклеек?

— В чем смысл? — я стараюсь сдержаться, готовая завалить Пола, — Пол, ты когда-нибудь видел бедняка с неухоженными ногтями?

— Конечно.

— Да ну? — я спрашиваю, повышая голос. — Думаю, что нет. Представь себе, ты обнимаешься с Саванной, она начинает почесывать твою голову ногтями. Приятные ощущения. Как озабоченный кот, ты начинаешь тереться головой об ее руки, пытаешься сделать так, чтобы она почесала тебе там, где больше всего тебе хочется. Теперь, когда она касается этого местечка на твоей голове, что заставляет тебя трясти ногой вверх и вниз, как похотливая собака, она прекращает это делать. Ты поворачиваешься, чтобы посмотреть что происходит, и вот она, рука около рта, грызет свой коготь «трехпалого ленивца», пытаешься вытащить кусочек перхоти, который застрял в нем. А теперь скажи мне, разве не лучше грызть идеально наманикюренный ноготь с милой маленькой наклейкой? Или лучше чтобы она грызла свои гниющие когти с грибком, растущим в них?

Портер и Пол обменялись взглядами полными отвращения.

— Она рисует красивые картинки, — Портер уточняет.

— Я говорю, — я дую на свои руки, — Наклейки — важная вещь. Это небольшое дополнение, которое позволяет людям запомнить эти руки.

— Думаю, я знаю другой способ, как запомнить руки, — смеется Портер, вызывая у меня сердитый взгляд.

— Не плохо, — Пол ударяется кулаком с Портером.

Неандертальцы.

— Сколько нам еще ехать до следующей остановки? — спрашивает Пол. — Я голоден.

— Голоден? Seriously, Пол? Ты знаешь, что означает слово «голоден»? Это значит, что страдаешь и умираешь от голода.

Пол поворачивается на своем сидении, я знаю этот его взгляд.

— Спасибо за урок грамматики, Марли, но когда кто-то использует слово «голоден» в английском языке, это также может рассматриваться, как способ преувеличено выразить свои чувства. Когда ты говоришь, «Мне было так страшно, я чуть не обосралась в штаны», ты действительно наделала себе в штаны? Сомневаюсь, мы используем эти выражения, чтобы рассказать о своих чувствах, так что....

— Ой, заткнись! — обрываю я его, не желая больше слушать его бормотание. Я бросаю в него пачкой Funyuns (марка обжаренных луковых колец). — Пожалуйста, прекрати говорить и съешь это.

— Я не могу съесть их, пока мы не сыграем в игру.

В нашем детстве Funyuns был ходовым продуктом в нашем доме. Без контроля, мы могли съесть пачку Funyuns за считанные секунды. Было что-то в этих круглых, луковых, кукурузных чипсах, что добавляло нашим молодым двигателям оборотов... и нет, не в плохом смысле. Уроды!

Во время наших путешествий, мама заметила, что Funyuns исчезают быстрее, чем крекеры или крендельки из шкафчика, поэтому вместо того, чтобы убедиться, что у нас всегда были Funyuns, она обернула все в игру, где специальной наградой стали они.

— В какую игру? — спрашивает Портер, маленькая складочка появляется на его носу, которую мои губы хотят поцеловать.

— Хочешь ли ты Funyuuns! — кричит папа, явно в восторге от перспективы сыграть в игру, придуманную мамой.

— Хочешь ли ты Funyuuns? Как в нее играть?

— Это что-то вроде, чтобы ты предпочел, но чтобы сделать игру веселее, мама говорила «Хочешь ли ты Funyuuns?» Если мы отвечали, то получали Funyuuns.

— Кажется ничего сложного, — говорит Портер.

Пол и я переглянулись.

Я наклонюсь над столом и серьезно говорю Портеру.

— «Хочешь ли ты Funyuuns?» — не так и легко, Портер. «Хочешь ли ты Funyuuns?» — это раскрыть тебя и вытащить все твои самые темные секреты, которые ты бы не хотел, чтобы кто-то вообще узнал. Вопросы копают глубоко к твоему внутреннему мини-ремню безопасности, они рвутся к вашей невинности, отрывая ее от души и выбрасывая на стол перед нами, чтобы мы увидели и посмеялись над этим. И если ты хочешь получить Funyuun, тебе придется ответить на вопрос, чтобы получить одну.

Усмешка растягивается по моему лицу, когда Портер перекладывает свои ноги. Игра в «Хочешь ли ты Funyuun?» — заставляла Пола и меня рыдать, отвечая на мамины невозможные вопросы, от которых оставался солоноватый, подрагивающий от слез овощной привкус у нас на языках.

— Ты играешь? — спрашиваю я, еще раз подув на свои ногти, чтобы подсушить их.

— Играю, — Портер улыбается мне, его глаза сияют из-под козырька его красной кепки.

— Да! — кулак Пола подлетает в воздух. — Я ведущий, поскольку только у меня в руках упаковка чипсов и никто не хочет содрать свой лак Funyuun. — Пол сморит на меня.

Я пожала плечами.

— Согласна.

— Готовы к первой пробе?

— Что за первая проба? — Портер уже замедляет игру.

Пол, являясь сердобольным лучшим другом, начинает объяснять правила игры.

— Принцип игры в том, что мы по очереди задаем друг другу интересующие нас вопросы, если отвечают — получают Funyuun, если нет — тот, кто спрашивал получает Funyuun. Мы делаем первую пробу, чтобы ощутить всю палитру, желая большего, потому что все кто любит луковые чипсы знают, что не достаточно одной. Поэтому, мы разжигаем аппетит, чтобы поддерживать свою тягу к ним.

— И никаких напитков, — уточняет папа.

— Да, действительно забыл, спасибо, пап. Никаких напитков, чтобы сохранить привкус лука.

— Итак, получится довольно насыщенный аромат здесь, от схватки четверых с луковым дыханием, — смеется Портер.

— Это часть пытки, — добавляю я.

Пол перебирается со своего переднего сидения и садится напротив меня за обеденный стол, в более центральную позицию. Как будто мы были в церкви, мы выполняем ритуал «Хочешь ли ты Funyuun?». Пол показывает каждому индивидуально упаковку, мы дуем на нее, трем название «Funyuun» и потом высовываем языки, чтобы Пол положил на них кольцо. Мы не жуем сразу, просто, как телу Христа, позволяем раствориться на наших языках. Это пытка и хочется больше. В этом смысл игры, заставить людей, отчаявшихся настолько, чтобы

выложить секреты сильно-переработанному кусочку лука.

— Марли, так как ты более опытна, не хотела бы ты начать?

— Думаю да, — я усаживаюсь в свое кресло и наклоняюсь над столом, в предвкушении как сильно мы сможем надавить на Портера. — Я начну с простого. Хотел бы ты Funyun, получить по лицу от дикобраза или положить под свою подмышку кактус и с силой прижать руку?

По порядку, Пол отвечает кактус, папа отвечает дикобраз, утверждая, что борода спасет его от удара, и Портер отвечает кактус, когда трет свои подмышки.

— Я под впечатлением, Мальчики. Давай мне пачку, Пол. Мои ногти высохли.

Обычно, человек, который задает вопрос, награждает тех, кто ответил Funyun. Это моя любимая часть, потому что я пытаюсь засунуть Funyun Полу в рот, как можно сильнее.

Он недоверчиво протягивает упаковку.

— Будь милой.

Буду поначалу, думаю я, пока аккуратно кладу Funyun в его рот и моего папы. Когда доходит очередь до Портера, я нервно хватаю кольцо и кладу его на его вытянутый язык, стараясь не пускать слюни на то, как его глаза искрятся из-за меня.

— Моя очередь, — Пол вырывает пачку у меня. — Хотели бы вы Funyun, иметь голову размером с теннисный мяч или голову размером с мяч для упражнений?

Спереди мы слышим, как папа посмеивается про себя.

— С теннисный мяч, по крайней мере, я составлю хорошую компанию Битлджусу со сморщенной головой.

— С теннисный мяч, — следующий отвечает Портер тоже со смехом.

— С теннисный мяч, — соглашаюсь я с папой и Портером. — Думаю, моя шея устанет от огромной головы.

— Это значит, что твоя шея сейчас устает? — спрашивает Пол с ухмылкой.

— Ты идиот, — отвечаю я. Не самый мой лучший ответ, но он сделал свое дело.

Чипсы прошли еще одни круг.

Папа откашливается и выбирает меня, чтобы я раздавала чипсы пока он за рулем.

— Хотели бы вы Funyun, срать в штаны при всех один раз в год на протяжении всей вашей жизни или наедине с собой каждый день в течение жизни?

Я закатываю глаза.

— Постоянно вопросы с дерьмом, да ладно тебе, пап.

— Я их придумываю. Итак, кто насрет в штаны на публике?

Мы все стонем и отвечаем, Пол предпочитает срать в одиночестве, Портер и я делаем выбор одного публичного случая, не желая вычищать дерьмо из штанов каждый день.

— Портер, мальчик мой, ты следующий, — зовет папа.

Нервничая, Портер поправляет кепку на голове и хватается пачку с чипсами. Он смотрит по кругу и спрашивает.

— Хотели бы вы Funyun, заняться сексом с Кэрротом Топом или со Странным Элом? *(прим. перев. — Скотт «Кэррот Топ» Томпсон — амер. актер и комик, известный своими ярко-рыжими волосами, шутками с использованием реквизита и самоуничижительным юмором, «Странный Эл» Янкович — популярный амер. музыкант, известный своими пародиями на популярные америк. песни)*

— Фу, гадость, — жалуясь я, пока Портер трясет пачкой у меня перед лицом.

Прежде чем я успеваю ответить, Пол говорит.

— Странный Эл конечно.

Мог ли он ответить быстрее? Портер поднимает свои брови на своего друга, затем трясет головой и смеется. Его смех создает вибрации в моем теле, согревая меня внутри и практически направляя мои бедра к его ногам, так что я могла бы завалить его к чертовой матери. Спасибо тому, что у меня есть немного самоконтроля.

К сожалению, я отвечаю также — Странный Эл, как и мой папа. По некоторым причинам, мне кажется, что он меньший из двух кудрявых зол. Папа утверждает, что рыжая промежность будет сильно отвлекать от того, чтобы сделать все по-быстрому, вся картинка, которую он обрисовывает, слишком оскорбительна, чтобы ее повторять, поэтому я пощажу вас.

Портер дал Funyun сначала папе, потом Полу, и потом остановился на мне. Он становится на колени, оказываясь на уровне моих глаз, и подмигивает мне, прежде чем сказать соблазнительно-сексуальным голосом.

— Открой рот, Шарик.

Клянусь вам, мой язык трепещет, когда выскальзывается из моего рта, желая, чтобы на него положили луковое колечко. Я не уверена из-за чего это было, или от моей одержимости луком, или от предвкушения руки Портера так близко к моему рту. Странно подумать, но руки у моего рта никогда не было моей странной навязчивой идеей или что-то в этом роде... Просто нахождение так близко к нему, заставило мое тело хотеть набрать оборотов, как у Тасманского Дьявола, и выйти из-под контроля, кружась по спирали по всей «Тэси», предпочтительно ударив Пола по яйцам в процессе.

Он нежно кладет мне Funyun в рот, а затем быстро встает, так чтоб потрясти пачкой перед моим лицом.

Схватив упаковку и в полном шоке от интимного момента, я спрашиваю.

— Хотели бы вы Funyun, чтобы ваши пальцы были острыми, как ножи, или чтобы острым был член?

В унисон, мальчики все ответили «Пальцы», даже давая ответу двойной смысл. Это был довольно наивный вопрос, слишком легкий, потому что, если честно, я все еще думала о том, как близко находилось тело Портера от меня, и то, как он подмигнул, пока его палец очень нежно касался моего языка...

— Марли! Funyun! — орет Пол, указывая на его широко открытую пасть, от чего я вздрогнула, возвращаясь из мыслей о Портере.

Нехотя, я кладу одну на язык Пола, протягиваю одну папе, и потом поворачиваюсь к Портеру, который расслабился в своем кресле, его рукава закатаны, ноги немного вытянуты, а руки лежат на бедрах. Он выглядит обычно, соблазнительно, но также...мило. Я хочу зарыться своим носом в его грудь и потереться лицом вдоль его ключицы, наслаждаясь ощущением кости, которая соединяет его мускулистые руки с телом. Я хочу поклоняться этой косточке всеми сумасшедшими способами.

— Ты собираешься дать мне Funyun или будешь продолжать пялиться на меня и пускать слюни? — ухмылка на его лице стирает все сексуальные мысли о нем, о которых я только что думала, заменяя их желанием сжать щипцами его яйца.

Я засовываю чипсы ему в рот, пока он смеется. Я сажусь обратно на сидение, раздраженная его высказыванием — я не пускала слюни!

Мы играем еще несколько раундов, пачка Funyun быстро испаряется, и выясняем факты о друг друге, которые ни один из нас не должен был знать. Как, например, мой отец

станцевал бы сам приватный танец, чем получить его от Адольфа Гитлера. Или, как Пол будет лизать яйца Джастина Бибера в течение часа, вместо того чтобы засунуть палец в задницу. Или, как Портер лучше переспит с Меган Фокс, учитывая тот факт, что мы наградили ее членом и волосатыми яйцам, вместо секса с Бетси Гарбл из нашей средней школы — у нее были усы, бородавка на носу, страшная конструкция из брекетов, и все это в зрелом возрасте двенадцатилетней, бедной девочки.

Мы подъезжаем к кафе «Мидпойнт» в Адриане, штат Техас, на полпути нашего маршрута по «Шоссе 66», и папа паркует «Тэси». Мы поворачиваемся к Портеру, который должен был следующим задавать вопрос. У него огромная ухмылка на лице, как будто он собирается нас всех озадачить. Не сомневаюсь, он так и сделает. Нет ничего, на что я не смогу ответить, и, очевидно, Полу тоже не стыдно, заявив всему миру, что он может представить, как хорошенько вылизывает яйца Биберу.

— На все, — Портер подбрасывает упаковку и лови руками, немного сквозило самодовольством и высокомерием от него. — Хотели бы вы Funyun... — он делает паузу, для более драматичного момента.

Если бы я не была так взволнована искусственными ароматизаторами, то заорала бы на него, чтобы он продолжал, к чертовой матери, но ожидание добавляет напряженности игре. Я чувствую, как мой рот наполняется слюной, в ожидании быть награжденным вкусным лакомством, после ответа на вопрос. Я никогда не превращалась в собаку настолько, как прямо сейчас. Если бы я смогла, то стала бы вылизывать языком свою промежность, заставляя всех чувствовать себя некомфортно от моих громких хлюпающих звуков, вы знаете, о каком собачьем-вылизывающем-свое-барахло хлюпанию я говорю, каждая собака издает такой звук.

— Давай уже! — говорит с нетерпением Пол, дергая ногами вверх и вниз.

Портер повторяет.

— Хотели бы вы Funyun, заняться сексом с родным братом, но никто не узнает об этом, или заставить людей в это поверить, когда на самом деле вы не занимались с ним сексом?

На трейлер обрушивается молчание, желчь поднимается к горлу, когда я смотрю на Пола — вкус лука меня больше не привлекает. Я собираюсь сказать Портеру, что он отвратителен, когда Пол прерывает меня.

— Я бы хотел, чтобы люди знали.

Затем он открывает рот и указывает на него, демонстрируя отсутствие угрызения совести или унижения от ответа на вопрос.

Папа признает поражение и выходит из машины, пока я сижу на месте и смотрю на упаковку Funyun, обдумывая вопрос.

Не-а. Желчь снова подступает к горлу. С меня хватит.

— Ты победил, — говорю я, вскидывая руки вверх, и направляюсь к магазину «Мидпойнт» у дороги, со своим Полароидом. Портер вываливает всю пачку себе в рот в знак победы. Обычно, такая потеря была для меня разрушительной, но от мысли находится достаточно близко к Полу согласно этому вопросу, заставляя мои соски треснуть пополам и развалиться на части. Я бы предпочла проигрыш, вместо ответа на этот вопрос, в любой день.

Присаживаюсь бочком к папе, обнимаю его рукой и говорю:

— Полпути пройдено. Сделаешь селфи со мной?

— Уверена, что хочешь фото со стариком? Может, хочешь с тобой, лежащей на отметке

половины пройденного пути?

— Нет, я хочу с тобой, лежащего рядом со мной.

— Это займет сутки, чтобы я лег и поднялся с земли.

— Хватит ныть и иди сюда, — я тяну папу за руку и заставляю его присесть, как раз когда Портер направляется к нам.

— Могу я сфотографировать вас?

— Было бы здорово.

Я передаю ему камеру, игнорируя дрожь, которая пробегает по моей руке, когда он касается ее. Он наблюдает, как мы устраиваемся в позу, и я вижу удовлетворенный вид на его лице, когда он делает снимок.

— Скажите сыр! — говорит папа, как и всегда.

Глава 10

Портер

После того, как мы пообедали в кафе «Мидпойнт» и сделали несколько снимков в культовом ресторане со старыми сувенирами «Шоссе 66», мы вернулись обратно к путешествию. Пол почувствовал тошноту после всех луковых чипсов и добавленному поверх всего обеду, поэтому он решил вздремнуть на кровати своего отца. Берни переключился на Битлз, и начал отрываться, используя свои пальцы, как барабанные палочки, а руль, как барабаны, демонстрируя свой идеальный, белый неправильный прикус. Его пение в стиле Пола Маккарти, делает представление законченным. Моя любимая часть, когда он поет с британским акцентом, берет высокие ноты, как человек, который пытается оттянуть свои яйца от кишечника. Берни-Мэн хорошо исполняет музыку, чертовски хорошо.

Теперь Марли. Она закончила красить ногти, приклеив наклейки, про которые она рассказывала, как их легко использовать. Не стану врать, последние полчаса я наблюдал за ее высунутым изо рта язычке, когда она концентрировалась на работе. Это было очаровательно, восхитительно. Я не идиот, я замечаю, как она на меня смотрит, как ее тело реагирует на меня. Очевидно, что между нами есть сексуальное напряжение, которое никто из нас не может отрицать, но буду ли я что-то предпринимать? Нет. Она сестра Пола, Марли, девушка, которая всегда будет вне зоны моей досягаемости. Она слишком хороша для меня, она далеко пойдет, и я знаю, что если поддамся искушению, то только удержу ее. Но я никогда не хотел ее удерживать. Она невероятно усердно работает, чтобы сделать свой блог узнаваемым для продавцов косметики и компаний, которые заплатят ей за рекламу на ее сайте, и отправят ей продукцию для тестирования и дальнейшего описания. Она делает лучше для себя, я не хочу мешать ей. Стать хотя бы ее другом, даже если я и буду им, она всегда будет в моей жизни.

Отправиться в поездку с кланом МакМэннов было благословением. Я чувствовал себя потерянным последнее время, не уверенным в том, куда приведет меня жизнь с новой авантюрой, в которую я собираюсь окунуться. Только Берни и Пол знают об этом, и это путешествие только напоминает мне, что если я провалюсь, то у меня хотя бы будет семья, которая поможет мне подняться обратно.

Я ненароком смотрю в телефон, чтобы увидеть не получил ли я какие-либо сообщения от инвесторов, с которыми я встречался в Калифорнии.

Вы когда-нибудь ожидали услышать новости от кого-нибудь, которые могли укрепить или разрушить ваши планы на будущее? Знаете это острое чувство, которое грохочет в вашем кишечнике, скручивая и выворачивая ваши внутренности, пока ты выкладываешь коричневую крепость из дерьма для маленьких жителей туалета? Да, я живу с этим ощущением с тех пор, как уехал из Калифорнии. Мне становится легче от этой постоянной боли только тогда, когда Марли случайно бросает на меня взгляд, слегка задевает меня или смотрит на меня своими проникновенными голубыми глазами.

Я хочу сказать, что Пол действует на меня также, но наша мужская дружба не заходит так далеко, несмотря на то, что может чувствовать Пол.

Я не стремился к большему в своей жизни, я смирился с тем, что мне досталось, не потому что я хотел этого, а потому что так было правильно сделать, поэтому это в первый раз, когда я положил свою душу на кон. Ожидание услышать от чего зависит мое будущее — очень нервирует, порой подташнивает и становится прямо страшно. Я никогда никому не скажу об этом, особенно Марли, потому что она самая храбрая из всех кого я знаю, получила шанс на будущее и взяла его за рога, обладая своими решениями и делая что-то для себя. По сравнению с Марли, я трус, одинокий, бедный мальчик с фермы, у которого есть единственный шанс сделать что-то для себя. Мне остается только молиться, чтобы все получилось.

Наша следующая остановка — Ранчо Кадиллаков, мое самое ожидаемое место для посещения на маршруте «Шоссе 66». Ранее Пол дал нам пренебрежительное описание ранчо, которое технически не соответствует своему названию. Это открытое арт-пространство в Амарилло, штат Техас, в середине «ранчо», в котором два архитектора вернулись в прошлое и представили нам вариации Кадиллаков, погрузив их в землю, так что их задняя часть торчала в воздухе. Туристам разрешено наносить краску на машины, добавляя собственное граффити, как часть искусства. Каждый раз люди, которые следят за достопримечательностью, наносят новый слой краски на машины, чтобы туристы смогли снова их расписать. Берни купил несколько баллончиков краски для нас. Я готов внести свой вклад в традицию.

Песня «Help» группы Битлз эхом разносится из динамиков, и смотрю, как Берни барабанит своими пальцами, и гадаю, как, черт возьми, он так сильно барабанит и все еще ничего себе не сломал. Его голос слышится сквозь песню, и он заканчивает на высокой ноте, как раз когда паркуется на Ранчо Кадиллаков.

Пространство похоже на пастбище с металлическим ограждением, только известно что вы не найдете здесь скот, только десять разноцветных машин, торчащих прямо в воздухе. Не дожидаясь никого, я выхожу из трейлера и вытягиваюсь всем своим длинным телом. Небо кристально голубое, нет ни облачка. Солнце палит прямо на нас, но в сентябрьском воздухе, это не так жарко, как вы могли бы предположить. Мы одни на ранчо, что дает нам превосходный шанс побыть идиотами, и никто этого не увидит.

— Какой прекрасный день, — говорит Марли, выходя следом за мной.

— Ага, — я улыбаюсь ее великолепному личику. — Ты закончила со своими ногтями?

— Угу, все готово, — она протягивает свои пальчики ко мне, чтобы я посмотрел. На безымянном пальце каждой руки маленькая наклейка хот-дога поверх лака. Остальные ногти красные. Я никогда не понимал, для чего красят ноготь на безымянном пальце в другой цвет, но не буду врать, это очень сексуально по некоторым причинам. Марли была права, это незабываемые руки.

— Эй, — зовет Берни, привлекая наше внимание. — Я подожду в трейлере, пока Пол не почувствует себя немного лучше, идите, повеселитесь.

Берни бросает нам банки с краской. Мне — голубую, Марли — розовую.

— Ты ведь придешь, да? — спрашивает Марли.

— Да, я приду чуть позже. Иди с Портером и нарисуйте что-нибудь.

— Ладно.

Вместе, мы направляемся через ворота прямо к машинам, чьи багажники висят в воздухе. Они оформлены целой палитрой цветов, начиная с ярко-розового до кислотно-оранжевого и ярко-голубого. Люди провозгласили свою любовь к друг другу или просто оставили свой след на ностальгической американской классике.

— Они красивые, правда?

— Я тоже так подумал, — отвечаю я, — Эту остановку я ждал больше всего.

— Я тоже, — она шлепает по моей руке и ведет меня к первой машине.

Я осматриваю всю структуру, и гадаю, как она выглядела в свой расцвет. Очень трудно представить со всеми этими замысловатыми «татуировками».

Марли пробегает своей рукой по разрисованной стороне и читает некоторые записи.

— Маме бы это понравилось. Она вся была в искусстве со своими акварельными красками. Она, наверное, сошла бы с ума, делая снимки прямо сейчас.

— Ну, тогда, давай почтим ее память, — я выхватываю Полароид у Марли и обнимаю ее своей рукой, притягивая ближе. Я поворачиваю камеру, так чтобы мы могли сделать селфи и мне остается только надеяться, что наши лица попадут на снимок, — Скажи сыр, Шарик.

Марли смотрит на меня и смеется от того, что я использовал фразу Берни. Я делаю снимок в нужное время, чтобы запечатлеть момент на пленке. Фотография выскакивает, и я хватаю ее прежде, чем успеваает Марли. Я оставляю ее себе.

— Я скучаю по твоей маме, — честно говорю я, думая о любимой маме МакМэннов. — Как ты думаешь, что бы она сейчас делала?

Марли высвобождается из моей хватки и идет к следующей машине, в то время как говорит мне.

— Прямо сейчас? Наверное, хлопотать над Полом и его «больным животиком», — Марли делает руками кавычки в воздухе, — Когда она закончит с этим, то сделает миллион снимков всего и напишет что-нибудь на машинах, например о том, как много ее семья значит для нее. Я вижу, как она занимает весь капот, блокируя каждого, кто писал ранее, поэтому ее надпись будет выделяться из всех остальных.

Я смеюсь в подтверждение. Я мог бы представить, как мама МакМэннов делает это.

— Не сомневаюсь, что она сможет претендовать на свою собственную машину, — я замираю на секунду, потом говорю, — Она бы гордилась тобой, Марли.

Она бросает в мою сторону взгляд с милым и полным любви выражением на лице.

— Я надеюсь на это.

— Так бы и было. Ты реализовала себя в чем-то. Ты сменила свои бедные, грязные пороссячи ботинки на пару каблуков и тушь, ты превратилась в ценный актив для индустрии красоты.

— Кажется, ты мне льстишь.

Могу сказать, что мои комплементы ее смущают, от чего она краснеет и отшучивается, отказываясь принимать их.

— Я серьезно, Марли, — я хватаю ее за подбородок своими большим и указательным

пальцами так, чтобы она посмотрела мне в глаза. — Ты должна гордиться собой. Только сильная женщина может осуществить то, что ты сделала. Твоя решительность... сексуальна.

Какого хрена я сейчас сказал? Слова, которые вылетают из моего рта, я бы предпочел держать при себе, глубоко в темном уголке, к которому буду иметь доступ только я. Но нахождение так близко к Марли, пробуждает все чувства, которые я так долго скрывал. Именно поэтому, я держался подальше от нее все это время, чтобы избавиться себя от какой-нибудь сказанной глупости... что я сейчас и сделал.

Ее ясные голубые глаза исследуют меня, завораживая меня, как полного придурка, к чему я не готов. Я никогда не был сентиментальным парнем, но сейчас, мое сердцебиение учащается, мои губы страстно желают поцеловать ее, и мои пальцы чешутся от желания обнять за талию и исследовать ее под рубашкой. Я хочу ее больше, чем когда-либо хотел чего-то в своей жизни.

— Почему ты так смотришь на меня? — спрашивает она, смущаясь.

Я откашливаюсь, пытаюсь оторвать свои глаза от ее блестящих губ.

— Как я на тебя смотрю?

— Как будто хочешь сожрать меня, — ее голос хрипнет от каждого слова, что она произносит, сильная волна наслаждения ударяет по моему члену. У меня охрененные неприятности.

Я останавливаюсь на мгновение, и потом честно отвечаю.

— Потому что, может быть, я хочу. Но знаю, что не могу. Все слишком сложно между нами, — я трясусь баллончиком с краской, набираясь достаточно смелости, чтобы оторваться от нее. — Давай сделаем нашу надпись.

У нее потрясенное выражение на лице от моего отступления, но я хватаю ее руку, переплетая наши пальцы друг с другом, и веду ее к самой первой линии автомобилей. Я беру свою голубую краску, сильно трясусь, и затем распыляю над всеми надписями, закрашивая их голубым, также как я думаю, сделала бы мама МакМэннов. Я держу ее руку все время, пока не чувствую, что полотно достаточно очищено для работы.

— Давай, Шарик.

Она морщит свой маленький носик-пуговкой и спрашивает.

— Что мне написать?

Я сжимаю губы, обдумывая ее вопрос. Небо чистое, а солнце светит прямо на нас, и я не могу не думать о новой главе, которую я начинаю, и о дружбе, которую я пытаюсь восстановить с Марли.

— Мне нравится думать, что люди приезжают сюда не только для того, чтобы раскрасить кучу старых машин, но и сделать заявление для всех путешествующих по штатам о своей жизни в данный момент времени. Это возможность выразить себя, способом, который позволит выделиться на фоне всех рисунков на этих старых автомобилях. Какая у тебя история, Марли?

Основа, которую я нарисовал начала высыхать, пока Марли взяла время обдумать, что она хочет написать. Мне нравится, что она задумалась, потому что это не просто забавный арт-проект, для нее это что-то значит.

Пока она думает над тем, что написать, я разглядываю, что другие написали. Здесь много сердец с инициалами, подтверждающих любовь к другой душе. Есть и не очень оригинальные люди, которые написали, что были здесь когда-то. Здесь есть несколько цитат и много дат с именами людей, которые сюда приезжали. Часть меня хочет тайно написать

наши с Марли инициалы, зная, что она навсегда в моем сердце, но я не делаю этого, не смотря на то, что порыв очень силен.

— Думаю, я знаю, что хочу, — Марли врывается в мои размышления.

— Тогда давай сделаем это, Шарик. Давай посмотрим, как хороша ты в граффити.

Улыбаясь, она встряхивает свой баллончик и начинает распылять краску. Боковым зрением, я вижу, как Пол и Берни выходят из трейлера, в их руках также баллончики с краской. Мое время наедине с Марли подошло к концу, но я не могу не почувствовать, что мне грустно от этого. Мне нравится быть искренним с ней, прикасаться к ней в интимные моменты, чего бы я никогда не сделал при ее отце или Поле.

— Чувствуешь себя лучше? — я спрашиваю Пола, который хромает в нашу сторону.

— Кажется, да, — говорит он монотонным голосом.

— Твой желудок так сильно болит, да?

— Да. У меня есть не большие проблемы с больным животом.

Берни закатывает глаза и наблюдает за Марли, которая все еще пишет, используя свое время по полной.

— Тогда какого черта ты хромаешь?

Пол выпрямляется и держится за живот.

— Это облегчает боль в животе.

Я хлопаю Пола по плечу.

— Чувак, как ты прошел через армию и выжил, останется для меня навсегда загадкой.

— Что ты ешь, Пуговка? — спрашивает Берни.

Марли отходит и открывает обзор на свою работу.

— Портер сказал, что я должна написать что-то значимое, что-то, что сделает заявление, поэтому я так и сделала.

Надпись, сделанная ее девчачьим почерком, адресована ее маме.

Мам, мы насладимся «Шоссе 66» ради тебя.

Идеально. Я бы не смог придумать ничего лучше. Марли делает не большой шаг назад и фотографирует свое сообщение. Мы все вместе стоим там, Берни окружен своими детьми, пока у них есть короткий момент для воспоминаний. Я чувствую себя немного не к месту, пока Марли не хватает меня за руку и тянет в их семейные объятия. Ее рука обнимает мою талию, крепко удерживая меня.

Мысль проносится в моей голове и я спрашиваю.

— Могу я кое-что добавить?

— Конечно, — отвечает она, протягивая мне баллончик с розовой краской.

В углу, немного в стороне от записи, я пишу свою особую заметку. Когда я заканчиваю, я встаю и читаю.

— Хот-доги для Евы.

Марли фыркает, когда Берни начинает смеяться и хлопать в ладоши. Пол хихикает, но потом хватается за живот из-за боли, гребаный пидор, клянусь.

— Как же я забыла про хот-доги, когда мы перевозносим их все?

Марли замирает на мгновение, а затем поворачивается к отцу.

— Сфотографируешь меня рядом с машиной? Мне хотелось бы сделать фотографию с мамой.

Берни берет камеру и ждет, когда она встанет в позу. Благодаря солнечному дню, обычно грязная земля возле машин высохла и потрескалась от Техасского климата, поэтому

Марли садится, скрещивая ноги, и наклоняется к машине, яркая улыбка на ее лице.

Великолепная — слишком неподходящее слово, чтобы описать Марли в этот момент. Она прелестна, головокружительна, всепоглощающая с неспособностью даже скрыть свою радость.

— Что-нибудь написал? — спрашивает Пол, оглядываясь вокруг. — Это классное место. Думаю, я напишу имя Саванны в сердце и сделаю снимок, чтобы отправить ей его. Это хорошо, что я отправлю ей одну фотографию. Уверен, она соскучилась по моему лицу. Тебе не кажется это романтичным? Написать ее имя в сердце?

— Ага, очень романтично, — с невозмутимым видом отвечаю я.

Пол напишет имя Саванны в сердце. Должен признать, он верен традициям.

Пока Марли и ее папа фотографируют и обсуждают, что должен написать Берни на машине, я направился напрямик к самой дальней машине. Я сажусь на корточки и смотрю вверх, пытаюсь найти достаточно свободного места для своей записи.

Наконец-то я нахожу участок рядом с задним колесом, я встряхиваю баллончик и пишу то, что у меня на уме, потому что я смогу сохранить этот отрезок в моей жизни, запомнить навсегда те чувства, которые рвутся из меня.

Моя рука расписывает машину моей душой, и когда я делаю шаг назад, я наблюдаю за своими истинными чувствами, которые я не могу озвучить, только написать.

Я принадлежу ей.

Для собственной памяти, я вытаскиваю свой телефон из кармана и разворачиваю камеру так, что я могу снять себя и то, что мое сердце так отчаянно пытается сказать. Я делаю снимок и убираю телефон в карман, быстро убираясь прочь от моего кровоточащего сердца, чтобы встретиться с МакМэннами.

Пол рисует огромное сердце вокруг имени Саванны, а Марли наблюдает, как Берни пишет фамилию своей семьи с датой, классическая надпись. Несомненно, это будет моя любимая достопримечательность, которую мы посетили по многим причинам. Увидеть ту часть Марли, которую я не видел с тех пор, как умерла ее мама, за интимный момент наедине с ней, и «разговор» со своим мозгом, высказав то, что лежало тяжким грузом на моем сердце столько, сколько я себя помню.

Ее отец говорит ей что-то и я вижу, как ее голова откидывается назад и невероятно громкий смех выходит из ее идеальных, сладких губ. Ее глаза сияют от веселья, и она слегка толкает отца. Она очаровала меня навсегда, с того момента, как я ее впервые увидел, в те года когда она следовала за мной и Полом по пятам, в ее выпускной вечер, когда от нее у меня действительно перехватило дух. Я всегда буду принадлежать ей, неважно, где будет проходить ее жизнь без меня.

— Хорошая идея с халапеньо на гриле, — говорит Берни с полным ртом еды.

— Спасибо. Я подумал, поскольку мы уже ели хот-доги на обед в Техасе, то мы могли бы разнообразить нашу курицу с помощью халапеньо.

— Я не знала, что ты умеешь так готовить, — говорит Марли, поедая свои поджаренные овощи. Теперь я понимаю, как она поддерживает свое невероятное тело в форме, она питается здоровой пищей, ну, кроме луковых чипсов и первоклассной выпивки. Она уже съела всю свою пачку, и я замечаю, что она изредка ворует горсти покорна из пачки Пола, пока он спит.

Я пожимаю плечами.

— Я подумал, что хочу научиться, с тех пор, как я стал жить самостоятельно.

— Я думала, что ты работаешь на ферме, — Марли говорит в смятении, — папа не оставил тебя в доме?

— Он все еще живет в хижине рядом с домом, и работает над кое-чем...

— Эй, вы закончили? — я прерываю Берни, посылая ему злобный взгляд, чтобы он захлопнул свой рот. Я не хотел, чтобы Марли узнала о моих последних стремлениях, особенно, если это не сработает. Я был бы очень смущен, если бы все провалилось, и Марли об этом бы знала.

— Ох, да, — Берни шире раскрывает глаза, когда я губами говорю, чтобы он ничего не говорил. Он немедленно понимает и откашливается. — Извини, в смысле, он не живет больше в доме некоторое время. Полагаю, он хотел немного уединения со всеми теми женщинами, которых он приводит к себе.

— Ох, серьезно? — Марли спрашивает, раздраженным голосом.

Я застонал от комментария Берни. Я обожаю этого мужчину, даже больше, чем собственного отца, но его словесный понос не сделает для меня ничего хорошего сейчас.

— Чувак, ты открыл счет для задниц и мне не сказал ничего?

Я положил тарелки, которые собирался выкинуть, и повернулся к клану МакМэнном, которые уставились на меня, в ожидании ответа.

Для Пола, я говорю:

— Мужик, я реально думаю, что могу сказать тебе прекратить говорить так, потому что ты говоришь, как полный олень. И ответом на твой вопрос будет — нет, я не делал этого. Я делаю все свои дела ночью, без ночных посетителей.

По определенным причинам, последнее признание я адресовал Марли. Даже не смотря на то, что я знаю, что ничего между мной и Марли не произойдет, я не хочу, чтобы она подумала, что я какой-то «мужчина-шлюха», слоняющийся по улицам Джеймстауна.

Искра вылетает из огня и падает прямо на Пола, который кричит и вжимается в свое кресло от огня, отвлекая внимание от меня, к счастью.

— Сынок, меня беспокоит то, что ты кричишь громче, чем Марли.

— Знаешь, я испугался огненной вспышки. Помнишь, когда я был в начальной школе, и мы остановились в кемпинге в Еллоустоне? Мы построили тот гигантский костер, который, казалось, доставал до верхушек деревьев, помнишь? Ну, тогда были такие же обстоятельства, когда вспыхнули дрова, отправляя горящие угли мне на колени... — он шепчет последнюю часть. — Чуть не спалили мой член.

— Ты так драматизируешь, — осуждает Марли и направляется к трейлеру, но быстро возвращается, что-то держа в руке, с хитрым выражением на лице. Она отодвигает свое кресло от огня и двигает его так, что оно частично стояло позади Пола.

Я пытаюсь заставить ее посмотреть на меня, но она полностью сосредоточена на Поле.

— Я помню, как ты мне рассказывал о своей горячей промежности, — говорю я Полу — я бы тоже сошел с ума. Ни один мужчина не хочет, чтобы его член был в огне.

— Верное утверждение, — кивает Берни. — Я бы чувствовал себя потеряннным без моего пениса.

— Пап! Не говори про свой член, — стонет Марли.

— Что? Я — мужчина, у меня есть член. Может я и использую его, чтобы помочиться, и не должен быть проигнорирован, только потому, что он старше остальных вокруг. В

расцвете сил, ваша мама называла его «молот», потому что он мог вколотить ее в кровать в экстазе.

— Что только что произошло? — Пол прижимает свои руки к ушам. — Не рассказывай, как вколачивался в маму, Господи, пап!

— Почему нет? Я мог бы дать тебе несколько советов для Саванны, — Берни растягивает имя Саванны с южным акцентом. — Я смог порадовать вашу маму и подарил ей двух детей, и технически это твой мальчишник. Не хочешь получить советы для жениха о первой брачной ночи на мальчишнике?

— Может быть в пятидесятых, — говорит Пол. — Сейчас все парни пьют и смотрят стриптиз.

— Ну, по крайней мере, у нас есть пиво, — рассуждает Берни. — Знаете, я столкнулся с одной вертихвосткой рядом с ванными комнатами, она курила сигареты и пила пиво. Она была похожа немного на скелет, но казалось, подойдет для приятного времяпрепровождения. Она сказала, что живет в кемпинге напротив главного здания, и, возможно, могла бы принести нам бесплатный лед. Если мы ее подцепим, мы можем устроить действительно крутую вечеринку здесь. Мы могли бы сделать снежные конусы.

— Пап, она имела в виду замороженный лед или лед с наркотиками? — спрашивает Марли.

— Замороженный лед, конечно.... — Берни замирает с газировкой на полпути к рту. — Я полагаю. Теперь, когда я думаю об этом, она была действительно дерганной. Святой Франклин Делано Рузвельт, ты думаешь, она предложила мне наркотики?

— Скорее всего, пап. Видишь, что происходит, когда ты разговариваешь с незнакомцами? Тебе предлагают наркотики. Пора спуститься с небес на землю, — говорит Пол, поднося свое пиво к губам.

Позади него, я вижу, как Марли поднимает руку и одним быстрым движением бросает что-то под ноги Пола.

Россыпь громких хлопков эхом раздается по нашему лагерю, заставляя Пола подлететь со своего кресла.

В замедленной съемке, я наблюдаю, как Пол проливает свое пиво на рубашку, прежде чем оно падает на землю. Его руки машут над его головой, когда Марли бросает другую горсть чего-то ему под ноги, заставляя его двигаться еще больше, в этот момент девчачий крик вылетает из его рта, который вы могли ожидать услышать только от десятилетней девочки, одетой в блески. Он носится по кругу, пытаясь убраться подальше от громких хлопающих звуков, которые, как я могу предположить, он считает огнем.

Он танцует так забавно, его растопыренные в пальцах руки возле ушей смешны, пока он не спотыкается об камень, отделяющий костровую яму, и в полном ужасе приземляется задницей прямо в горящие угли в нашем маленьком костре. Вы помните, как просыпаясь по утрам в субботу, захватив с собой большую чашку с кашей, вы сидели напротив телевизора, чтобы посмотреть утренние мультики? *«Том и Джерри»* всегда были классикой для меня, и сейчас только один эпизод всплывает у меня в голове, где у Тома загорелся хвост от вафельницы. Его незамедлительной реакцией было пулей оторваться от земли и зависнуть в воздухе, растопырив руки и ноги с чистым ужасом на лице.

Точно также сделал Пол. Клянусь, его задница коснулась углей на миллисекунду, после того как он пулей оторвался от земли, подпрыгивая в воздухе и бегая на месте, все это сопровождалось криками и все время держась за свой обгоревший зад.

Как только его ноги коснулись земли, они понесли его по лагерю, руки лежат на заднице, вены проступили не его шее, и яд брызжет из его глаз. Я никогда не был настолько напуган и развеселен в одно время.

Я смотрю на Марли, которая прикрывает обеими руками свой рот от шока. Под сидением Пола валяются обертки от хлопучек, которые, как я понимаю, Марли бросала ему под ноги, чтобы напугать. Спорю, что она не ожидала такого результата.

— Моя задница! Моя задница! — Пол кричит, по-прежнему бегая по кругу, маленькая дорожка дыма тянется за ним.

— Кажется, у тебя горят штаны, сынок, — Берни говорит, как ни в чем не бывало.

Незамедлительно, Пол останавливается, падает и начинает крутиться, только он не смотрит, что делает, и, к сожалению, катится на перекасти-поле, запуская шипы в свои штаны.

Если бы он не был бы таким нервным, то я бы смог помочь ему, но мужик отказывается успокаиваться и вместо того, чтобы подняться с земли, он орет, как резаный, в своих обугленных штанах, застрявших в огромном перекасти-поле.

— Кто-то должен ему помочь, — говорит Берни нам с Марли.

Быстро, с хитростью, Марли поднимает свой палец к носу и говорит.

— Ни за что.

Следуя протоколу, я делаю также, оставив для Берни задачу нянчиться с Полом. Я могу сказать, что у мужика будет длинная ночь.

Вздыхнув, Берни встает из своего кресла и указывает своей банкой с содовой на Марли.

— Ты должна убраться, и не говори мне ничего об этом. Я видел, что ты сделала.

Полная энергии, Марли принимает его наказание и начинает прибираться, пока Берни преследует Пола, с просьбами притормозить, чтобы он смог проверить серьезность ожога.

Я вижу, как Марли быстро убирает хлопучки вокруг кресла Пола, чтобы скрыть улики, и затем заняться остальным беспорядком у нашего гриля. Она молчалива, но по ухмылке на ее лице могу сказать, что она повеселилась.

— Если он узнает, что это была ты, то тебе придется поцеловать на прощание каждый предмет твоей косметички. Пол, вероятно, надругается над ней.

Марли кивает и бросает взгляд на меня, ее голова слегка наклонена в сторону.

— Знаешь, это того стоило.

Я собираюсь ответить, когда слышу вой Пола.

— Портер, ты нужен мне. Принеси детскую присыпку и «Неоспорин».

Голос Пола раздается за моей спиной, поэтому я поворачиваюсь и вижу, как он ковыляет к ванным с Берни. Похоже, что мои «нежелательные обязанности с Полом» не были полностью отвержены.

Следуя инструкциям, я беру все необходимые вещи и бегу к ванным, где я вижу Пола, прислонившегося руками к стене со спущенными штанами, его друг перекасти-поле лежит в стороне.

— Просто скажи мне прямо, как все выглядит? Мне нужна пересадка кожи? Портер, ты поделишься своей кожей со мной?

Берни смотрит на меня безразличным взглядом, пока поднимает рубашку Пола, чтобы мы могли оценить повреждения.

— Аааааа, осторожней! — Пол сжимается и дергается.

Не буду лгать, я был немного напуган, когда увидел степень обугливания задницы Пола.

Он, может быть, и был Королевой Драмы, но сидение на костре с тлеющими углями не может оставить хороший след. Там были некоторые серьезные повреждения. Я откручиваю крышку присыпки и подношу к заднице Пола, готовый обсыпать его одним нажатием, если потребуется.

Мы с Берни стоим сзади, ожидая, что что-то выскочит из-под рубашки Пола, когда Берни приподнимает ее кончиками пальцев.

Я игнорирую аномально волосатые ноги Пола, сосредоточившись на явно подгоревшем заде. Первое, что я увидел, как его задница сильно сжимает ягодицы, и они красные. Появляется нервозность, потому что я знаю, что это не будет приятно.

— О, Господи, как она выглядит? Моя кожа облезла? Такое ощущение, что она расплавилась. Где ближайшая больница? Портер, ты не ответил по поводу пересадки кожи.

— Братан, давай начнем с того, как она выглядит, ладно?

— Давай покончим с этим, скажи мне, как она выглядит.

Я киваю Берни и держу присыпку наготове, как будто это огнетушитель, готовый погасить подгоревшую задницу.

Берни поднимает остатки рубашки Пола и увиденное застает нас обоих врасплох. Мы сделали шаг назад, переглянувшись, и затем приблизились, чтобы получше разглядеть.

— Я знаю, что все плохо. Ох, черт, я не могу жениться с расплавленной задницей. Саванна не захочет половину человека. Она всегда говорит, что мои яйца ей нравятся больше всего, поэтому она так много с ними играет, но захочет ли она поиграть с ними, зная, что морщины на моей мошонке напоминают морщины на моей производительнице какашек? — Пол замирает и потом практически орет. — О, БОЖЕ!!! Огонь расплавил мою жопу? Если мне придется срать через трубочку, то я лучше скинусь с обрыва прямо сейчас. Никто не захочет носить на ремне мешок для дерьма. Да, прекрасная тема для разговора, но только на несколько мгновений. Пожалуйста, скажите мне, мое очко не затянуло от поджаривания? Я пытаюсь пернуть, но ощущение что оно заткнуто. Оно заткнуто?

— Заткнись, к чертовой матери! — ору я на Пола. — Блин, мужик. Все не так плохо, твое очко не расплавлено, всего лишь немного покраснело, но не пытайся пернуть, потому что если ты случайно обосрешь нас, то у тебя появится намного больше проблем, чем у твоей задницы.

Это правда, мы с Берни исследовали зад Пола, который... черт, не очень привлекателен, особенно вблизи. Почему там есть достаточно широкая полоска волос переходящая в ирокез в его трещине, выше моего понимания, но там нет ни ожога, ни даже шрама. Его зад только немного поцарапан перекасти-полем и покраснел от огня. Я смотрю вниз на его брюки-парашюты и вижу, что они подгорели, но не насквозь. Из какого материала они сделаны?

— Я не обгорел? Моя задница в порядке?

— Да, придурок, — говорит Берни. — Твоя задница в порядке, но спасибо за яркие образы, которые ты поселил в моей голове. Надевай свои штаны и садись на лед. Я иду спать.

— Эй, может твой друг-скелет подкинет нам немного того льда сейчас. — я шучу. — Похоже, твоя непрекращающаяся излишняя откровенность станет платой нашему другу, Полу.

Берни хихикает и уходит вместе со мной, когда Пол зовет меня через свое плечо. Его руки все еще на стене, для поддержки тела.

— Портер, не мог бы ты... присыпать мой зад за меня?

Берни хрюкает и уходит прочь, очевидно, не желая стать частью этого разговора.

— Пожалуйста, Портер? Она очень чувствительна.

— Почему бы тебе не насыпать немного на землю и сесть туда? — предполагаю я, не желая прикасаться к его заду.

— Пол грязный. Пожалуйста, Портер.

Я провожу руками по лицу от раздражения, потом беру присыпку и высыпаю немного себе на руку. Я удерживаю руку у его зады и смотрю в его глаза смертельным взглядом.

— Клянусь твоим концом, если ты когда-нибудь проболтаешься кому-то о том, что я собираюсь сделать, я лично проконтролирую, чтобы твое очко действительно заварили, и ты будешь срать через трубочку остаток своей жизни. Ты понял?

Пол кивает, соглашаясь, и подсовывает мне свой зад.

Я крепко зажмуриваю глаза, не желая запомнить даже частичку этого прекрасного воспоминания о нашем путешествии по «Шоссе 66», и поглаживаю аккуратно по заднице Пола, распространяя присыпку по всей площади его покрасневших ягодиц.

— О, да, приятное ощущение... — Пол стонет, сжимая свои ягодицы под моими руками. Странную пульсацию я ощущаю под своими ладонями, и это чувство должно быть навсегда выжжено из моего черепа.

— Сделано, — я быстро отдергиваю свои руки и мою их в раковине, пытаюсь содрать ощущение задницы Пола на них.

Марли в больших неприятностях. Месть будет жестокой, и после того, как я нанес присыпку на зад ее брата, не составит проблемы убедиться, что Марли будет страдать также, как и я.

Глава 11

Марли

Когда я покупала хлопушки, чтобы испугать Пола, я абсолютно не ожидала от него, что он в первую очередь приземлится задницей в костер, затем начнет бегать по кругу в кемпинге, крича о своем оплавленном очке, но он так сделал, и знаете что? Я бы повторила это снова.

Я пошла спать прошлой ночью, под нытье Пола об его ободранной заднице, и как ему некомфортно спать, но по словам моего отца, у него не было даже волдыря после сидения на костре в течении одной секунды. Он только подпалил свои штаны, и у него немного покраснела попа, но ничего сильно травмированного. Как всегда в стиле Пола, он преувеличивал.

Мы проснулись этим утром — окна открыты, слава Господи, — от звуков копошения Пола на улице со своей удочкой, он кряхтел и пыхтел. Я смутно припоминаю, как мальчишки говорили, что собираются на пруд, который находится на территории лагеря, чтобы немного порыбачить, но я не была уверена, что это вообще произойдет. Но от звуков, которые издавал Пол снаружи, это случится.

— Эй, Пуговка, — папа говорит, стоя рядом с моей кроватью. — Думаю, лучше тебе остаться здесь, пока мы, мужчины, пойдем немного порыбачить. Думаю, Полу необходимо немного время с парнями.

— Ты наказываешь меня за прошлую ночь?

— Нет... — он останавливается. — Вообще-то нет. Я просто подумал, что для него будет неплохо провести время только с мужиками. Предполагается, что это также его мальчишник, и я чувствую, что ему необходимо хорошее, расслабляющее утро на лодке... без сестры.

— Отлично. Будет время поспать подольше. У тебя неконтролируемый храп все эти дни, — я поворачиваюсь на бок и засовываю руку под одеяло.

— Ты будешь киснуть весь день? Мы обнаружим еще одну «Особую Красную Точку» позже?

— Продолжайте так это называть и точно получите, — я смотрю через плечо на папу, который выглядит немного сожалеющим о своем решении. — Все нормально, идите и повеселитесь, но если вы думаете, что я вычищу туалет, пока вас не будет, то вы сильно заблуждаетесь. То помещение отвратительно.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — говорит папа с улыбкой, когда выходит из трейлера.

Даже на расстоянии, я слышу глубокий голос Портера, который издали, сотрясает меня и возбуждает. Вчера, все о чем я думала, это Портер на «Ранчо Кадиллаков» и то, как он пристально смотрел в мои глаза, как он мягко со мной разговаривал, и нежном моменте, который мы разделили. Все было на повторе в моих мечтах, но вместо того, как он уходил, он наконец-то меня поцеловал.

Ммм... интересно, какие его губы сейчас на вкус. Я только один раз его поцеловала, но этого не было достаточно и прежде чем что-то действительно разгорелось между нами, он уехал. Я бы все отдала, чтобы почувствовать его губы на своих снова.

Мне кажется, если бы он когда-нибудь, на всякий случай, меня поцеловал, то я была бы одной из тех идиотов, чья задняя часть поднимается в воздух, а ноги ударяются друг об друга, отправляя любящее сердце в небо. Я бы не сыграла бы это хорошо, на данный момент я бы его растерзала. Я, вероятно, душила бы его языком, и весь чувственный момент, что я создала для него, был бы быстро разрушен, когда он блеванул бы мне на лицо от вмешательства моего языка. Нечего сказать в сексуальный момент, кроме хорошей шутки в лицо.

Я пытаюсь держать глаза закрытыми, чтобы насладиться моментом, но это не срабатывает, потому что я хочу писать и уже проснулась. Дурацкий Пол и его рыбалка. Я открыла глаза и уставилась в потолок «Тэси». Когда я только отправлялась в это путешествие, я не думала, что Портер тоже поедет, но вот он здесь, и я хочу его еще больше. Кажется, как будто мне недостаточно времени рядом с ним, и после вчерашнего, после того, как он нежно со мной разговаривал, я сделаю все что угодно, чтобы снова остаться с ним наедине.

Но нет, он на рыбалке с мой придурком-братом Полом, который использует свою предстоящую свадьбу, чтобы сделать все по своему. Бесит!

И я не могу ничего сказать. Во-первых, Портер хочет быть просто друзьями — фу, тоже мне, худшая вещь, которую ты можешь сказать девушке, которая хочет трахнуть твое лицо — и во-вторых, у Пола случится микроинсульт, если он узнает, что у меня есть чувства к Портеру.

Расстроенная, я откидываю одеяло в сторону, надеваю пару папиных ботинок и делаю глубокий вдох, прежде чем зайти в ванную. Я поднимаю сидение унитаза, зависаю задницей над ним и писаю, как можно быстрее, потому что я слишком ленива, чтобы воспользоваться

общественными туалетами в лагере. После этого, я мою в раковине руки и там же чищу свои зубы. Я расплетаю свои слабые косы и прохожусь по ним спреем с морской водой, создавая милые легкие волны.

Когда я заканчиваю с волосами, я решаю не краситься, потому что опять же, я слишком ленива, и лезу в свою сумку за сменной одеждой. «Тэси» стала зоной бедствия по утрам с расправленной чертовой кроватью и с нашими сумками разбросанными ночью по полу. К тому же, щетина и грязное белье засоряют ванную. Это отвратительно, какими грязным могут быть мужчины, и их это не волнует, но, черта с два, я буду убирать эту богом забытую ванную. Они развели беспорядок, они его и уберут, даже если там достаточно щетины в раковине, чтобы покрыть целиком пони.

Поиски моей сумки — это катастрофа в беспорядке вокруг моей кровати. Думая, что нашла ремешок от своей сумки, я потянула за него, но вместо моей, на другом конце оказалась сумка Портера. Не совсем то, что я искала, но теперь она в моей руке и так случилось, что она немного приоткрыта, ничего же страшного, если я поваляю немного дурака, правда?

Она немного расстегнута, показывая одну из его фланелевых рубашек. Случайно моя рука ударяет по молнии, которая открывает сумку еще больше.

— Ох, силы небесные, как это произошло? — говорю я в никуда, оглядываясь по сторонам.

Рядом ни души, поэтому я лезу дальше.

И когда я говорю, что лезу дальше, это значит, я ныряю с головой в клетчатую пропасть. Моя голова падает в сумку, зарываясь лицом в его горный запах, моя щека трется о мягкий хлопок его рубашки. Если Бог спустит Небеса на землю, то это будет эта сумка. Без сомнения, я выставлю эту сумку напоказ и буду брать с людей по пять долларов за одно погружение головой, да я разбогатею.

Высунув голову из сумки, я снова оглядываюсь по сторонам и, когда убеждаюсь, что горизонт чист, хватаю одну из его рубашек. Она в красную, белую и синюю клетку, типично, по-американски. Не раздумывая, я стягиваю свои штаны и футболку и натягиваю его рубашку, так я могу почувствовать ее телом. Я застегиваю несколько пуговиц и потом делаю реверанс в ней. Портер намного выше и шире меня, это заметно по тому, как его обтягивающие рубашки такие большие и свободные для меня.

Не спотыкаясь, я верчусь по «Тэси», периодически останавливаясь, чтобы понюхать рубашку и насладиться тканью. Либо Портер знает, где купить самые мягкие рубашки на планете, либо он использует охрененный кондиционер для белья, потому что ощущение рубашки на моих сосках невероятное, сто процентов мне сегодня ночью это будет сниться.

Желая большего, я ныряю рукой обратно в его сумку, роюсь там, пока не сталкиваюсь с чем-то твердым. В замешательстве, я достаю это из сумки, чтобы увидеть флакон одеколона. Портер пользуется одеколоном? Я снимаю колпачок и сильно вдыхаю.

Видите это, приступ боли в моих ногах немедленно подтверждающий возбуждение? Да, точно, только что кончила от запаха.

Я знала, что естественный запах Портера не похож на кучу горячих мужчин-моделей с секвойей между ног, но черт, он может дать девушке передохнуть? Эта хрень так чертовски хорошо пахнет.

Даже не раздумывая, я распыляю в воздух и захожу под брызги, позволяя мини каплям Портера накрыть меня, как дождем. Просто на удачу, я распыляю еще раз, бросаю на свою

кровать бутылку, и хожу под брызгами, прижимая руки к сердцу и закрыв глаза, представляя, что это Портер падает на меня.

Я продолжаю крутиться по «Тэси», удивляясь пузырю-Портера, который я для себя создала. Я так поглощена представлением, как Портер прижимает меня крепче, что не слышу, как начинает хрустеть гравий под тяжелой ногой, или как широко распахивается дверь в «Тэси», когда Портер заходит в трейлер.

Я на середине своего кручения, когда встречаюсь с ним взглядом. Дверь захлопывается, и огромная улыбка растягивается на лице Портера. Он делает это снова, и улыбка, которая некогда украшала его лицо, исчезает, а на ее место приходит сжатая челюсть и глаза темного оттенка ночного неба.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, хватаясь рукой за шею, пока пялится на меня.

На удивление, на нем нет его красной кепки, вместо этого его волосы уложены беспорядочно в сторону, он в джинсовая рубашке, которая сильно обтягивает его грудь. Она заправлена в серые джинсы со старым светло-коричневым поясом, обернутым вокруг его талии. Он одет в ботинки, и я не могу, но хочу пробежаться руками по всему его телу, только из-за того, как сексуально он выглядит.

— Эмм... танцую? — говорю я, звучит больше как вопрос, чем утверждение.

Мой мозг перестает трахать Портера глазами, в тот момент, когда я понимаю, что одета в его рубашку, распыляю его одеколон повсюду в «Тэси» и танцую. Не самое лучшее мое представление, из тех, что были.

Портер бросает рубашку, которую держал в руках, в сторону и идет прямо ко мне. Мгновенно, я сплываю и отхожу к кухонному островку. Трейлер не самое большое место в мире, но когда здесь только Портер и я, он кажется еще меньше, учитывая огромную жизненную позицию и сексуальную раскрепощенность Портера.

— На тебе моя рубашка? — спрашивает он, подходя ближе, так что между нами меньше полуметра.

Я смотрю вниз на его рубашку и держусь за подол секунду.

— Ой, это твоя? Извини, я подумала, что это Пола.

— Правда? — он делает еще шаг ближе, наши ноги теперь соприкасаются, тот же коварный взгляд в его глазах. — И ты брызгалась моим одеколоном?

Я задираю нос и делаю глубокий вдох.

— Хм, это твой одеколон? Приятный запах, думаю немного женственный.

Его тело теперь в дюйме от меня, его глаза прожигают меня.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что он не пахнет по-женски. А теперь скажи, что ты делаешь в моей рубашке? — его голос грубый, почти натянутый, как будто ему больно.

У меня пропал дар речи. Ни одного остроумного комментария не приходит мне в голову, все, о чем я могу думать, это Портер, стоящий в дюйме от меня, обжигающий меня своим пристальным взглядом. Легкое гудение проносится по моим венам и завязывает желудок узлом, когда Портер сокращает между нами расстояние и поднимает руку над мной, упираясь в шкафчик.

Чувствую головокружение и пытаюсь обвинить в этом мои повороты, которые я делала раньше, но глубоко в душе я знаю, что это от близости с Портером и его пьянящего взгляда.

— Я удивлен, — говорит он хриплым голосом, — Никаких возражений? Не похоже на тебя, Марли.

Его другая рука, которая была в кармане, касается подола рубашки. Медленно, как будто

пытая нас обоих, он проникает своей рукой под рубашку, пока она не захватывает мое бедро, и его большой палец пробегает по всей длине моей тазовой кости.

Я напрягаюсь у кухонного островка, не уверенная точно в том, что мне делать, не уверенная точно в том, почему он трогает меня. По его глазам видно, что он хочет меня, но потому как сжата его челюсть, могу сказать, что он борется с самим собой. Мне интересно, кто победит.

Портер приподнимает ресницы, делает глубокий вдох и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты очень красивая.

Снова я теряю дар речи, когда он наклоняется вперед, его губы практически касаются моих. Он собирается меня поцеловать? Прямо сейчас, я бы все отдала, чтобы ощутить его губы на моих.

— О чем ты думаешь, Марли?

Я делаю глубокий вдох, прежде чем ответить, пытаюсь успокоить свое сердце.

— Мне интересно, ты собираешься меня поцеловать? — отвечаю я честно, изучая его глубокие, карие глаза.

Он закрывает свои глаза, опуская голову.

— Я не могу...

Мое сердце падает на пол, отказ поселяется в нем, и неловкость начинает ползти по моему позвоночнику. Именно тогда, когда я собираюсь его оттолкнуть за то, что раздражил до невероятно огромных размеров, его палец пробегает по моей коже и его рука продолжает движение дальше по моему боку. Дрожь обдает мое тело от его теплого прикосновения, и мне интересно просто узнать, о чем он думает, что твориться в этой симпатичной голове.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я, возвращая ему его же вопрос.

Постепенно, его глаза встречаются с моими, его зрачки заметно расширены.

— О том, как я хочу тебя, но не могу быть с тобой. О том, как хочу узнать, каково это ощущать тебя под собой, — его рука продвигается еще немного по моему боку, поднимая рубашку, наполовину обнажая меня. — О том, как мы живем в двух разных мирах, но я отчаянно хочу стать частью твоего.

Мой мозг лихорадочно обдумывает его признание. О чем он говорит? Портер так не говорит, он не позволит истекать кровью своему сердцу на всеобщем обозрении.

— О чем ты говоришь...?

Он трясет головой, прерывая мое предложение грубым рычанием. Его рука сжимает мой бок жестче, его сдержанность исчезает. Я вижу отчаяние в его глазах.

— Я не буду тебя целовать, — он повторяет сам себе. — Я не собираюсь блять делать то, что хотел годами. Если только...

Моя грудь быстро поднимается и опадает, голос застревает в горле, но я в состоянии пропищать.

— Если только, что?

Ограничения быстро рушатся, руки не на том месте, где предполагается, когда дело касается друзей, и только тонкая фланелевая рубашка разделяет мое обнаженное тело с его одетым.

Портер упирается своим лбом в мой, его нос касается моего, его руки продвигаются еще немного выше...

— Скажи мне, чтобы я оставил тебя в покое, Марли. Скажи мне, чтобы я ушел и вернулся к твоему брату.

Все мое тело дрожит, пальцы покалывает, а желание между нами нарастает быстрым темпом. Слова, которые он так отчаянно хочет услышать, самая последняя вещь, которая должна быть озвучена. У меня так много других вещей, которые я хочу сказать ему.

Поцелуй меня.

Прикоснись ко мне.

Сведи меня с ума.

Люби меня.

Зная то, что я хочу, я трясую головой в отрицании, наши носы трутся друг о друга.

— Я не хочу.

Портер издает низкое рычание, его рука скользит выше еще на дюйм, так что его большой палец нажимает на низ моей груди. Удовольствие вспыхивает внутри меня, мои бедра отчаянно трутся об него, мое тело полно решимости почувствовать его.

— Поцелуй меня, Портер.

— Я не могу, — говорит он громче.

Я делаю крохотный вдох, не желая прерывать его прикосновения.

— Почему нет?

— Потому что, — его большой палец поглаживает мою грудь, и я плавлюсь от его прикосновения. — Я не смогу остановиться, если сделаю это.

— Тогда не останавливайся, — я жду в предвкушении, когда его глаза изучают меня, ищут ответы. Я думаю, что он собирается уйти, когда его рука, которая держалась за шкафчик над нами, отпускается и хватается за мой затылок, притягивая мои губы к нему.

Его терпение лопается, и он прижимает меня к островку, его губы исследуют мои, наши тела требуют того же самого. Мои руки хватаются за его рубашку, притягивая его ближе. Он запускает свои пальцы мне в волосы, массируя мою голову, когда его язык проникает в мой рот.

Блаженство окутывает меня, когда его борода трется о мягкую кожу моего лица, и его палец кружит в опасной близости от моего соска, который напрягся в ожидании прикосновения.

В тот момент, когда я подумала, что он наконец-то коснется меня там, где я этого хотела, он отстраняется, вызывая отчаянный стон, который вырывается из моего рта, шокирующий нас обоих. Он улыбается возле моих губ, и удивляет меня, когда достает руку из-под моей рубашки, но потом находит пуговицы на ней. Ловким движением, он расстегивает пуговицы, которые я беспорядочно застегнула, пока целует мои губы. Рука, которая зарылась в моих волосах, опускается к моей талии, и одним движением, он поднимает и усаживает меня на столешницу, в тот момент, когда расстегивает последнюю.

Отстраняясь, он смотрит вниз на меня, изучая зазор в расстегнутой рубашке. Он видит мое декольте и красные трусики-стринги, надетые на меня. Оценивая, он трет своей рукой по бороде, и затем прижимается обеими руками к моим плечам. Постепенно он запускает руки под ткань и стягивает ее вниз, мои глаза прикованы к моей груди. Ткань мучительно медленно спускается вниз, пока моя грудь не отрывается прохладному, утреннему воздуху.

Глаза Портера прожигают мою душу, когда он обнажает мою грудь. Когда я проснулась этим утром, я никогда бы не подумала, что буду сидеть на кухонном островке несколько минут спустя, Портер будет между моих ног, пляясь на мою грудь, но чудеса случаются, потому что — вот она я, получаю фантастическое трение бороды от мужчины моей мечты.

— Ты такая охрененно красивая, — бормочет он, прежде чем его руки пробегаются по

моим бокам и наконец-то захватывают мою грудь.

Моя голова откидывается назад, когда он захватывает мои соски. Мою обнаженную шею Портер целует и посасывает до самого подбородка. Я опускаю голову так, что наши губы встречаются. Он требователен, его язык беспощаден, а его руки сжимают мою грудь, пока я не начинаю чувствовать надвигающийся оргазм, который зарождается внизу моего живота.

Мне хочется трогать его, поэтому я кладу руки ему на затылок, где они играют с его волосами, притягивая его ближе к моим губам.

Он целует меня в губы, отстраняется, и начинает прокладывать дорожку головой от моей шеи до груди, где он поглаживает мой сосок своим языком. Вспышки удовольствия проходят сквозь меня, открывая для моих нервных окончаний новый уровень эйфории.

Когда я думаю, что он собирается раскинуть лагерь возле моей груди, он опускает голову ниже, целуя мой живот, рядом с моей талией.

Он не спрашивает, он просто берет и раздвигает мои ноги. Оттягивая мои стринги в сторону, он открывает мой разгоряченный центр и опускает свою голову, располагаясь прямо перед ним. Одним движением языка, он начинает трахать меня своим ртом. Громкий стон вырывается из меня, и я хватаюсь за его голову, недоумевая, какого черта, я позволила этому случиться.

Я смотрю вниз, где Портер смотрит на меня, методично поглаживая меня своим ртом, и я знаю, что он обладает мной. Он принадлежит мне, и я сделаю все, абсолютно все, чтобы сделать его счастливым.

Его борода трется об мои ноги, но мне плевать, это ощущается хорошо, все, что он делает ощущается хорошо.

Я чувствую, как оргазм начинает подниматься от кончиков моих пальцев, вверх по ногам, пока он не достигает места между моими бедрами. Мой желудок опадает, руки немеют, а голова запрокидывается назад, когда каждая капля чувств моего тела сосредотачивается на одном центральном месте. Я откидываюсь, и достигаю апогея наслаждения.

Разрывающее чистое, горячее удовольствие проносится через меня, когда я выкрикиваю имя Портера, не в состоянии прекратить стоны, вырывающиеся из моего рта, когда я оставляю свой оргазм на языке Портера.

Когда дрожь немного ослабевает, Портер отстраняется, вытирает свою бороду, и встает с огромной улыбкой на лице. Он сжимает мои бедра и наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня, в тот момент, когда я слышу голос Пола вдалеке, выкрикивающий имя Портера.

— Черт, черт, черт, — я спешно оглядываюсь, пытаюсь найти рубашку, которую смогу натянуть, чтобы мой брат не увидел меня голой, сидящей с широко расставленными ногами с его лучшим другом.

— Блять, — бормочет Портер, отпуская мою талию, и находит рубашку на полу. Он бросает ее мне, и смотрит на свою промежность.

Святая мать всех стояков. Портер напряжен и давит на молнию своих джинс.

— О, Боже мой, у тебя стояк, — говорю я, выкладывая все, что творится у меня в голове.

— Да, такое случается, когда я держу охрененно сексуальную женщину в своих объятиях, — он трет свой затылок, в поисках способа побега.

— Портер, где тебя черти носят? Я думал, ты принесешь пончики на лодку. Я просил не покрывать один пудрой.

— Господи, — Портер трясет своей головой, пока я спешно одеваюсь, игнорируя пульсацию между ног.

— Тебе нужно убрать эту штуку, — я указываю на эрекцию Портера.

— Штуку? — спрашивает он, приподняв брови.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Пол не должен увидеть твой член, весь такой раздутый и гордый, как павлин.

Портер смеется.

— Не называй его павлином.

— В холодильнике есть апельсиновый сок? Я хочу немного сока.

Пол должно быть уже в нескольких шагах, все еще треплет своим языком, чтобы все его услышали.

— Иди в ванную, — я спрыгиваю с тумбочки и толкаю его назад, пытаюсь распрямить волосы в тоже время. — Не говори ни слова. Будь тихим.

— Но там отвратительно.

— Просто отправляйся туда, — я кричу шепотом.

В тот момент, когда я захлопываю дверь в ванную, Пол открывает дверь «Тэси». Он поднимается по лестнице и останавливается, когда видит меня, накручивающую свои волосы, прислонившуюся к стене трейлера, в беспорядочно застегнутой рубашке, и я могу предположить, с виноватым видом на лице. Он осматривает трейлер и пинает сумку Портера ногой.

— Что ты делаешь? — он озадачен, это видно по тому, как он задает вопрос, его голова практически запрокинута набок, как у собаки.

— Тусуюсь, — говорю я, как можно обычнее.

— Почему ты голая?

— Я не голая! — я визжу, но потом напоминаю себе сохранять спокойствие. Более спокойным голосом я говорю. — На мне есть одежда.

Пол осматривает мой внешний вид и хмурится.

— Похоже, это рубашка Портера, и чем здесь пахнет? — он принюхивается.

Пожалуйста, не говори, что сексом, пожалуйста, с любовью ко всем святым людям во вселенной, не говори, что сексом.

— Это одеколон Портера! Где он?

Вы слышали это? От этого моя челюсть отвисла от шока.

Просыпается рев отрицания, вместо того чтобы забиться в углу, когда я пробегаюсь пальцами по губам, как Багз Банни, когда я вру.

Жизненный урок — ложь во благо, когда дело касается подобной ситуации. Когда лучший друг твоего брата только что вылизал твой клитор с полной оральной стимуляцией, а сейчас скрывается в зараженной щетиной и обосанной ванне, чтобы не тыкать в лицо своим десятифутовым шестом в своих штанах, это тот момент, когда нужно врать. Врать ради своей сумасшедшей задницы.

— О чем ты говоришь? Портер с тобой на рыбалке. Я распылила одеколон Портера над твоим постельным бельем, ну знаешь, чтобы совершить другую шалость. Я хотела посмотреть, есть ли что-то большее в вашей дружбе, чем кажется на первый взгляд. В основном, я хотела увидеть, возбудишься ли ты от запаха ночью. Но упс, ты поймал меня, ох черт. Мы квиты, — я хватаю коробку с пончиками со стола и протягиваю ее Полу. — Пончики?

Пол смотрит на пончики, но не ведется.

— Тогда где Портер?

Я пожимаю плечами.

— Ты меня достал. Проверишь ванную? Может он срет.

Пол морщит нос.

— Я знал, что он пердит, пока мы сидим с приманкой на крючках. Я лучше пропущу это. Но, если ты его увидишь, скажи ему, что я взял пончики, — он хватает коробку из моей руки, одним быстрым движением. — Почему на тебе его рубашка?

Я смотрю вниз на нее, затем делаю поклон.

— Я собиралась внести некоторые незначительные изменения в шутку, так чтобы, когда он ее надел, то не влез бы в нее. Ну, знаешь, сбить немного эгоистической спеси. Так легче изменить, когда она на мне.

Все оценки — пять за ложь.

— Ох, ну хорошо, — Пол кивает, — У нас есть апельсиновый сок?

— Нет, думаю, в коттедже есть.

— Ладно, спасибо, сестренка. Скрестим пальцы, чтобы наловить рыбы сегодня на ужин.

Я подняла свои перекрещенные пальцы для Пола, когда он выходил из трейлера, и направился прямо к коттеджу. Когда он скрывается из виду, я несусь к ванной и распахиваю дверь, вдохнув впервые после появления Пола.

Портер выходит оттуда, эрекция под контролем, но глаза все еще наполнены желанием. Он прижимает меня к шкафчикам и шепчет.

— Эгоистичный? — его пальцы берут меня за подбородок, чтобы я посмотрела ему в глаза

Я пожимаю плечами, не зная как еще реагировать, когда он в сантиметрах от меня, закрывая меня своим большим, и к тому же сексуальным ростом.

Он облизывает свои губы, те же губы, которые находились в самой уединенной моей области несколько минут назад. Он наклоняется вперед и оставляет легкий поцелуй на моих губах.

— Только, чтобы ты знала, твой вкус, охренеть какой, невероятный, как взбитые сливки с клубникой, — говорит он серьезным голосом.

Он кусает меня за нижнюю губу и оттягивает ее. Клянусь вам, со всей честью скаутов, моя вагина трепетала. Без шуток, она дрожала от признания Портера.

— Я должен идти. Повеселись, изменяя мою рубашку, — он подмигнул и направился к двери.

Я не могу не сделать, как все девчонки и зову его.

— Что только что произошло здесь?

Он отвечает через плечо.

— Дьявольский обмен душами и игра в запретное. Не обращай внимание, Марли, просто знай, ты лучше, чем я когда-либо представлял.

С этим он выходит из «Тэси» и хлопает дверью. Чертовски запугавшись, я смотрю в окно, чтобы увидеть Портера, стоящего возле костра, с одной рукой на бедре, а другой, пробегающей по волосам. Его спина напряжена, и я могу сказать, даже не смотря ему в глаза, что он сожалеет о том, что мы только что сделали.

Если это не удар под дых, то я не знаю, что это.

Глава 12

Портер

— Почему у тебя такая идиотская улыбка на лице? — спрашивает Пол с пассажирского сидения. — Ты действительно так взволнован встречей с «Синим Китом»?

— Что? — я поворачиваюсь к Полу, который выглядит раздраженным. — Ах, да, «Синий Кит», супер взволнован.

Честно говоря, мне дважды насрать на «Синего Кита», который согласно Полу и его лекции по истории, которую он прочитал нам час назад о том, что «Синий Кит» самая значимая достопримечательность на «Шоссе 66», из-за его размеров и важности для туристов, путешествующих в душных машинах весь день. Привязанный к пруду Дэвиса в Катuze, Оклахома, «Синий Кит» стал использоваться, как место для купания и развлечения туристов всех возрастов.

Неа, «Кит» — последняя вещь, которая в моей голове сейчас. Все, о чем я могу сейчас думать — это леггинсы и обтягивающий топ Марли, которые она надела, после того как сняла мою рубашку. Ну, это и тот факт, что несколько часов назад у меня во рту была ее грудь, а ее руки играли с моими волосами, притягивая меня ближе.

Когда Пол попросил принести меня пончики, я даже не ожидал, что Марли проснулась, но в тот момент, когда я увидел ее в своей рубашке, кружащуюся и разбрызгивающую мой одеколон, мое зрение потемнело, и все на чем я мог сосредоточиться — это как не растерзать Марли у стены трейлера.

Я никогда не хотел пересекать линию, которую мы установили, линию дружбы, но я сорвался, потерял контроль, и взял то, что я так отчаянно желал годами, и черт, она не обошлась одним гребанным поцелуем. Вероятно, лучшее, что когда-либо было в моей жизни, удовольствие, утонувшее в моем рту.

Хотя я и был потерян в ее прикосновениях, в маленьком мяуканье, которое вылетало из ее превосходных губ, когда она кончила, я не мог быть счастливее, пока не вмешался Пол. Он как будто инстинктивно проверяет меня издали, напоминая мне главную причину, почему я не должен вступать в связь с Марли. Она сестра моего лучшего друга. Она также дочь человека, на которого я работаю, и девушка, которую я однажды уничтожил.

— Мне нравятся синие киты. Они большие и неприлично толстые, — говорит Марли с боку, вырывая меня из размышлений и возвращая к ее длинным ногам, которые очень медленно трутся друг о друга, как будто она сверчок стрекочущий мелодию увеличивающую члены.

Пол откашливается и присоединяется к разговору.

— Вы знали, что в среднем член синего кита девять футов в длину (прим. 274 см.) и двенадцать дюймов в диаметре (прим. 30 см.). Его яйца весят сто пятьдесят фунтов. (прим. 60 кг.) Это, как иметь двух взрослых человек у себя между ног. Попробуйте скатать их в своих штанах, — Пол тычет пальцем в воздух и продолжает. — Так же не стоит делать минет синему киту в ближайшее время, если вы не готовы проглотить тридцать пять литров его спермы. Семязвержение — самая страшная вещь у китов, вы можете утонуть в его сперме. Но зато, какой способ умереть. «Здесь покоится Портер. Скончался от удущья спермой кита».

— Чувак, какого хрена с тобой творится? — веселье проскальзывает в моем голосе.

— Скажи мне честно, если член размером с осину будет щекотать твой подбородок, ты будешь против?

— Не уверен, что смогу справиться с осиновым членом, — встречает Берни.

Марли сидит на своем месте, с язвительным выражением на лице.

— Пап, разве ты был бы способен справиться вообще с каким-либо членом?

— Я справляюсь со своим.

— Сама начала это, — Марли передергивает.

— Что еще интересного в половой жизни китов, — Пол продолжает, — Даже не смотря на то, что девяти футовый член, похож на пушку, который каждый полноценный мужчина был бы горд засунуть в свои штаны, он крошечный в сравнении с реальным размером китовой вагины.

— Стоит ли спрашивать...?

— Вагина кита сто футов в длину (почти 30 м.). Ученые даже шутят, что потребуется GPS для передвижения по массивным складкам. Но что действительно интересно, что все думают, что киты стеснительная порода, ну знаете, с их изящным выныриванием и кокетливым движением плавника, но на самом деле самки китов — шлюхи.

— Почему ты продолжаешь говорить? — спрашивает Марли.

Игнорируя ее, Пол садится на колени и поворачивается лицом к нам с Марли.

— Я смотрел документальный фильм на Netflix о половой жизни китов, и выяснилось, что самки китов, так же известные как «коровы» в научной терминологии, не путайте с теми, которые можно найти на ферме...

— Ага, потому что я постоянно вижу самок китов прыгающих по ферме в поисках кукурузы, угрожая уничтожить урожай, если к ним не будут относиться, как к коровам, — с невозмутимым лицом говорит Марли.

Непринужденно, Пол посылает свою сестру на три буквы и продолжает.

— Как я говорил, коров обходим стороной. У них может быть проникновение множеством членов в день.

— Члены китов или другие, например человеческие или еще чьи-нибудь? — спрашиваю я. — Просто хочу уточнить.

— Член кита, ты больной ублюдок. Какой человек будет способен, во-первых задержать свое дыхание достаточно надолго, чтобы поймать вагину кита, и потом, во-вторых человеческий пенис занимающийся сексом с вагиной кита будет похож на то, как макаронина пытается проткнуть кратер метеорита. Просто ничего не выйдет. Там будет нулевое удовольствие от совокупления.

Берни паркует трейлер и поворачивается к нам лицом.

— Насколько бы ни был забавным разговор, но мы на месте.

Мы выглядываем в окно, чтобы увидеть огромного синего кита, сделанного из высушенного бетона, установленного в середине мутного пруда. Рот кита раскрыт и есть горка, подвешенная сбоку, которая использовалась многими туристами, посещающими это популярное развлечение. Сейчас, кажется, что от одного взгляда на него можно подхватить стафилококковую инфекцию.

Каким бы ностальгическим не был кит, он потерял свое очарование, спасибо лекции Пола о сексуальной жизни китов. Все что я вижу — картинки гигантского члена кита и его счастливой улыбки, подтверждающей недавнее... «совокупление».

— Ох, это лучше, чем я представлял, — говорит Пол с восторгом, выпрыгивает из

машины и бегом направляется к нему.

Берни и Марли следуют за Полом, пока я плетусь позади. Марли держит папу за руку, а в другой ее руке камера, и ее идеальная маленькая попка покачивается из стороны в сторону с каждым шагом. Я уверен, она добавляет дополнительное покачивание для меня. Мои подозрения подтверждаются, когда она оглядывается на меня и подмигивает.

Чертова лисица!

Пол подбегает к киту и начинает изучать строение огромной фигуры. Берни и Пол обсуждают конструкцию, которая сохранила такую большую достопримечательность на многие годы.

Мы не единственные кто приехал к «Синему Киту» сегодня. Несколько машин припарковано рядом с «Тэси», семья с несколькими маленьким детьми и пожилой леди. По другую сторону пруда маленькие столики, которые практически похожи, что они позаимствованы из *Русалочки* с их подводной тематикой. Я сажусь за один из них и рассматриваю пейзаж. Я пытаюсь представить, как здесь было, когда люди были одеты в старомодные купальники и веселились на хвосте кита, как «в старые добрые времена».

— Хочешь сфотографироваться рядом с китом? — спрашивает Марли, когда садится рядом со мной.

Это первый раз, когда она разговаривает непосредственно со мной, с тех пор как я покинул трейлер. Ее голос мягкий и нежный, и все что я хочу — это подпортить ее нежную чистоту.

— Думаю, что справлюсь. Пол немного уничтожил китов для меня.

— Ты тоже видишь только их члены?

— Достаточно много, — я киваю.

Она ударяется об меня плечом.

— Наслаждался видом моих ног в этой поездке? Я могла бы поклясться, что на моих ногах выросли соски, потому как ты на них пялился.

— И все же, ты продолжала двигать ими вперед и назад в соблазнительном темпе, зная, что я наблюдаю все время.

Она пожимает плечами.

— Нужно поддерживать интерес.

Я ударяю своей ногой по ее.

— С тобой интерес не иссякнет.

— Скууууучно, — завершает она, ударяя меня по яйцам.

— Эй, это было очень искренне.

Она собирается ответить мне, когда пожилая дама подходит к нам.

Вы когда-нибудь искали сумасшедшую старушку в Гугл-картинках? Попробуйте. Вы наверняка найдете картинку дамы, стоящей перед нами. В ней всего то, четыре фута роста (прим. 122 см), благодаря сгорбившейся спине. На ней надет кардиган, вероятно из 1900-х годов, а ее волосы разделены маленькими резинками, заставляя их торчать во все стороны. На ней очки, нет, не правда, это не очки, это защитные очки, которые делают ее глаза в пять раз больше. А теперь ее серьги, или я должен сказать остатки былой роскоши. Висюльки в ее ушах перемотаны лентой, связанной на мочках ушей.

Честно говоря, я в ужасе. Я бы не удивился, если бы она повернулась, а на ее спине висела бы куча кошек.

— Разве вы не миленькая парочка? — говорит она, присаживаясь рядом со мной. Я не

собираюсь ее исправлять, потому что она выглядит безумной, и боюсь, старушка сможет воткнуть мне нож в горло. — Какой прекрасный день, не находите?

Я смотрю вверх на пасмурные облака, которые раскинулись над нами.

— Да, действительно хороший, — я пытаюсь скрыть сарказм в своем голосе, но Марли замечает это и щипает меня в бок. Я злобно на нее смотрю, пока тру свой бок. Она в ответ изображает невинность. Эти большие глаза и пухлые губы делают ее далеко не такой, по крайней мере, я пытаюсь убедить себя в этом.

— Первый раз в Катuze?

Марли наклоняется так, чтобы было видно леди.

— Да мы путешествуем по «Матери всех дорог», на пути в Чикаго.

— О, какая божественная идея. Вы наслаждаетесь друг другом?

— Да. Это было забавное путешествие до сих пор. Особенно мы провели хорошо время этим утром.

Я поперхнулся собственной слюной от признания Марли. Она хлопает по моей спине, пытаюсь помочь.

— Ох, и чем же вы занимались?

— Немного насладились... рыбалкой. Ну, точнее Портер насладился.

То, что она говорит о рыбалке, имеет сексуальный подтекст, что пролетает мимо ушей старушки, но не мимо меня. Я снова погружаюсь в тот момент, вспоминая ее вкус на моем языке.

— О, я люблю рыбачить. Верьте или нет, но на этом пруду нельзя рыбачить.

— Серьезно? — спрашиваю я, благодарный за смену темы. Назад к киту.

— Ох, да, после сексуального безумия, которое здесь произошло.

Бабуля ковыряется в носу, когда делает паузу, ожидая нашей реакции. Она достает козявку и смахивает ее в сторону, как будто мы не сидим рядом с ней. Быть пожилым человеком выгодно. Их не заботит никто и ничто. Черт, если бы я сейчас поковырялся в носу и выбросил козявку, то, абсолютно уверен, получил бы от Марли подзатыльник, за свое отвратительное поведение. Но у этой леди, это почти... мило.

Она фыркает и сопли ракетными снарядами влетают из ее носа. Забудьте, это ужасно, кто бы это не делал. Сопли не могут быть милыми в любом возрасте.

— Сексуальное безумство? — Марли подбадривает. Я бы мог обойтись без бабулиной истории, которую она собирается рассказать, но, похоже, что все-таки услышу.

— Мой Алан и я часто приезжали на пруд в семидесятые, когда он начал становиться действительно популярным местом. Не стану врать вам двоим, марихуана потреблялась тогда также как и воздух. Если из твоего рта не торчал косячок, то ты не прожил жизни. Но только потому, что я курила, как пыхтящая женская задница в порнофильмах, это не означает, что вы двое можете курить. Вы поняли меня? — она указывает на нас своим пальцем, со смертоносным взглядом.

Я вскидываю руки в знак защиты.

— Даже не думайте об этом. Не в моих принципах.

— Хорошо, — она сует палец в нос снова и копается там, когда я могу думать только о ее креме для зубных протезов, поскольку ее челюсть в одном чихе от того чтобы вывалиться из ее рта и ударится об стол. Когда она возвращается к разговору, то говорит в нос, благодаря пальцу в ноздре.

— Мы были такими накуренными тогда. Достаточно сильно, что однажды я увидела

черного президента. Я думала, что у меня галлюцинации, но я практически предсказала будущее. К сожалению, человек, которого я увидела, был Гари Колман, а не Барак Обама, но это не имеет никакого значения.

— Мы все были такими накуренными тогда и оргии были обычным делом. Прыжки нагишом с «Синего Кита» поздно ночью были популярным среди местных жителей. Мы играли в игру — чей член у меня во рту, — и называли ее «болваном». Хорошее было время.

Я поворачиваюсь к Марли с отвращением и произношу:

— Чей член у меня во рту?

Марли фыркает, прикрывая нос.

— Женщины залетали направо и налево. Любовное семя прорастало повсюду и мы называли их в честь популярных фильмов, потому что, скажем честно, мы были под кайфом и не могли придумать ничего лучше. У нас было много Ханов Соло, несколько Чуисов, немало Лионелей Ричи, поскольку он был нашим Богом Любви тогда. Пруд стал сексуальной кроватью из спермы и жидкостей, от чего он стал таким густым, что было трудно плавать.

Да, к вам тоже подкатывает рвотный рефлекс?

Она продолжает, играя со своей перемотанной лентой сережкой.

— Думаю, что было несколько родов в этом пруду. Не было надежного способа, чтобы очистить пруд от плавающих плацент, ну, если вы не используете сачок для ловли рыбы. После четвертой плаценте, которая была найдена высохшей на берегу, мы осели на дно. Никто не хотел купаться в пруду полном спермы и других жидкостей.

— Не могу винить их в этом, — добавляю я, подавляя желчь, подступающую к горлу.

Она вздыхает и смотрит на пруд.

— И все же мне кажется, что я не смогу забыть о многократных проникновениях в меня на этом озере. Одни из лучших дней в моей жизни.

Что действительно можно ответить на подобное? Я не могу проронить ни слова и смущен. Все о чем я могу думать, как член кита исследует эту пожилую даму, пока ее переплетенные лентой сережки, подпрыгивают в экстазе. Если она хотела напугать меня на всю оставшуюся жизнь, то она проделала фан-хренительно-тастическую работу над этим.

— И посмотрите на вас двоих, широко распахнутые глаза и искаженные лица. Не переживайте, думаю все жидкости вычистили отсюда на сегодняшний день, поэтому если вы приехали сюда для прыжков нагишом, почувствуйте себя спокойно, но в качестве совета, используйте презерватив. Пытаться плавать с мужской жидкостью, вытекающей из вас, только испортит все впечатление.

— Эмм, спасибо за совет, — говорит Марли.

— В любое время, милая, — она гладит стол, а затем смотрит на свои часы. — Ох, Господи Боже, врем идти готовить ужин для монахинь в храме. Вы можете подумать, что их не волнует, что еда будет подана вовремя, но эти пингвинихи становятся ужасно злыми, если их еда не будет подана, когда они закончат петтинг, сложив руки и выставляя их на стол. Вы двое проведите приятно время в своем путешествии, — она щипает меня за щеку и встает прямо пред моим лицом, ее челюсть шатается у нее во рту. — Какой сильный мужчина. Я бы выбрала тебя, чтобы ты меня проткнул на пруду в прежние времена. Просто имей в виду, если ты когда-нибудь вернешься сюда, то тебе придется взяться за старую кошелку у обочины.

Я с трудом сглатываю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ага.

Она салютует нам и уходит, запрыгивая в ржавый зелено-оранжевый автобус Volkswagen, и убирается прочь.

Я таращусь на Кита, Берни и Пол все еще говорят о том, что нужно перечитать чертежи, чтобы кит стоял выше.

Не смотря на Марли, я говорю:

— Абсолютно уверен, что мой член съезжился и сожрал самого себя.

— Да, моя вагина зашила себя наглухо.

— Рад, что мы на одной волне.

Она наклоняет голову на мое плечо, и инстинктивно, моя голова располагается на ней. Она держит свой Полароид перед нами и делает снимок. Когда белая пленка выскакивает, я терпеливо жду, чтобы увидеть, что получилось.

Как я и думал, мы выйдем довольными и счастливыми, как будто созданы друг для друга. Если бы это действительно было так.

Глава 13

Марли

— Где конфеты? Все, что я вижу это Smartfood Popcorn. Пожалуйста, скажите, что вы купили конфеты, — жалуется Пол, перерывая продуктовые пакеты, полные снэков для просмотра фильмов. — Клянусь Богом, если вы не купили конфеты, то я разнесу здесь все!

— Эй, псих, успокойся нахрен. Конфеты в другой сумке, у Портера.

Мы остановились на заправке по пути к кинотеатру на открытом воздухе на «Шоссе 66». Пол спал в то время, как мы скупили пол продуктового магазина, но он дал нам строгие указания, прежде чем вздремнуть, что нужны лакричные конфеты Red Vines, а не Twizzlers.

Я верю, что его точные слова о Twizzlers были эквивалентны маленькому члену. Никто не любит их, но смогут стерпеть, потому что иногда мы просто не разборчивы. Почему мой брат решил сравнить Twizzlers с маленьким членом — иногда я нахожу, что это сильно беспокоит меня, и, честно говоря, я не хочу думать об этом.

— Вы купили Red Vines? — он ныряет головой в пакет, яростно разбрасывая конфеты вокруг.

— Да, Пол. Мы купили Red Vines. Охлади свой гребаный пыл, — говорю я.

— Я не собираюсь сидеть на крыше «Тэси». Мне не совсем комфортно на высоте.

— Ты был в армии, — уточняет Портер.

С победной улыбкой и покачиванием кулака, Пол держит Red Vines в воздухе.

— Даааа! И я знаю, что служил в Армии, но именно поэтому я сидел за компьютером, вместо передовой линии.

Папа облакачивается на обеденный стол и смотрит на меня печальным взглядом.

— Я тоже не хочу сидеть на крыше, Пуговка. Не думаю, что моя задница, будет в состоянии забраться туда.

— Чего? Да ладно тебе! Мы всегда забирались на крышу, чтобы смотреть салют и шоу. Мама была бы разочарована тобой.

Угу, я вытянула карточку «Мама». Мы в самом конце нашего пребывания в Оклахоме, и приехали в знаменитый кинотеатр на открытом воздухе, который работал на «Шоссе 66»

годами. Это традиция — сидеть на крыше машины, и было бы кощунством не следовать ей.

— Портер присоединится к тебе, — говорит Пол, как ни в чем не бывало, поглаживая свои Red Vines.

Я смотрю на Портера, ерзающего на своем сидении. Сидеть на крыше, только я и Портер, да, я могу это сделать.

Но стараясь быть невозмутимой, я говорю:

— Это будет по-другому.

Я добавляю немного хныканья к своему голосу, чтобы казалось, что я действительно разочарована, но на самом деле, я не смогла бы выбрать лучший сценарий. Ну, это не совсем правда, если бы я могла, то выбрала бы другой фильм для просмотра, но это будет или «Терминатор» или «В поисках Немо». Мне нравятся хорошие Диснеевские фильмы, но у троих мужчин, с которыми я делю трейлер, было другое мнение.

Именно поэтому, мы припарковались перед экраном с «Терминатором», пока рекламный блок скачет по белой стене, перед главным представлением. Немного прохладно, поэтому мы ждем до последней минуты, чтобы сесть на улице.

— Ты хочешь сказать, что я недостаточно хорош, чтобы сидеть с тобой на крыше? — шутит Портер.

Я поддаюсь ему снова и качаю головой.

— Даже близко.

Мой комментарий был шуточным, но от боли, которая появилась в его глазах, могу сказать, что он воспринял ее в серьез.

— Фильм начинается, — верещит Пол. — Пап, я возьму садовые стулья. У меня есть Red Vines, захвати напитки и одеяла. Портер, Марли, вы сами по себе.

Снующий повсюду, как белка в поисках своего гребаного ореха, Пол хватает все вещи и выскакивает из трейлера, устанавливая стулья перед «Тэси».

Папа открывает один из шкафчиков и достает оттуда гору одеял.

— Вы собираетесь брать что-нибудь для тепла?

— Да, я возьму несколько. Также я взяла попкорн, поскольку он кажется оскорбительным для Пола.

Папа смеется и поворачивается к Портеру.

— Убедись, чтобы она не свалилась с крыши. Я не учитывал посещение больницы в нашем расписании.

— Так значит, столкнуть ее с крыши, плохая идея?

Папа обдумывает это секунду.

— Если она будет заслуживать этого, то дай ей пинка.

— Пап!

Смеясь, он целует меня в голову и уходит, чтобы присоединиться к Полу.

Поскольку мы вернемся поздно в кемпинг, то все переоделись в удобную одежду, чтобы было комфортно смотреть фильм. Пол надел свои нелепые пижамные шорты со смайликами, которые заканчиваются, едва достигая его лодыжек — он выглядит, как полнейший мудака. Папа ходит в клетчатых штанах и в своей любимой американской фланелевой куртке. И теперь Портер.

Вы когда-нибудь считали треники привлекательными? Как, О, милый Иисус, позволь протянуть руку к этому привлекательному, мягкому хлопку? Да, и я тоже, поэтому так было до того, как Портер переоделся в темно-синие спортивные штаны Abercrombie & Fitch и

серую футболку «хенли». Я была немного шокирована, когда увидела название бренда на Портере, поскольку он не тот, человек, который гоняется за ним, но черт, я не жалею, потому что штаны обтягивают его задницу, спущены достаточно низко, чтобы я заметила резинку его боксеров, когда он наклоняется. А футболка, м-да, мне кажется, он разрисовал ее в ванной. Я не знала, что Портер имел отношение к искусству и ремеслу...

— Готова, Шарик?

В его руках сложены одеяла и лакомства, волосы скрыты под красной кепкой, и он ждет только меня.

— Готова, — пишу я под его пристальным взглядом.

Фильм уже начался, поэтому нам надо вскарабкаться по боку «Тэси», и только свет от фильма освещает нам дорогу. Я иду первой, убедившись, что открываю прекрасный вид на свою задницу для Портера, и раскладываю одеяло и несколько подушек на крыше, не хочу сидеть на холодной поверхности. Портер следует достаточно близко позади с другими одеялами и садится рядом со мной, разбрасывая лакомства перед нами.

— Как все должно быть? Мы должны сидеть здесь так?

Я сдерживаю смех, когда он садится, скрещивая ноги, колени на уровне глаз, очевидно, он не такой гибкий, несмотря на йогу, которой, как он утверждает, занимается каждое утро.

— Мы ложимся лицом к экрану и используем подушки для поддержки головы. Ты что никогда не смотрел фильмы раньше?

— Тебе не обязательно быть всегда такой острячкой. Ты можешь ранить чувства людей, ты знаешь это? — он слегка сентиментален, но по некоторым причинам, мне кажется, что он не шутит.

— Эй, я, что обидела тебя, когда сказала, что не хочу смотреть фильм с тобой?

— Прекрати, я же не девчонка.

Не обращая на меня внимания, он поправляет свою подушку, бросает еду рядом с ней и ложится на живот. Мышцы на его спине напряглись от движений, его зад упругий и узкий, и я сдерживаю себя, чтобы не сорвать с него штаны и укусить его за задницу.

Странный комментарий, я знаю. Я не пожирательница задниц или что-то в этом роде. Анус — не то чем я балуюсь, но уверена, что некоторые люди, ныряя в черную дыру, наслаждаются этим, но я воздерживаюсь. Просто мне кажется, что мне не хочется удерживать свой рот близко с чем-то, что выделяет переработанный, скользкий мясной сэндвич и кукурузу.

Но если бы мне пришлось укусить за ягодицу, как будто она свежая булочка из духовки, я бы шелкнула по ней, лизнула и укусила бы ее, черт подери!

— Ты собираешься ложиться или будешь продолжать пялиться на мою задницу весь вечер?

Я отрываю от него взгляд и раздраженно фыркаю.

— Я не пялилась на твою задницу, я... — а что я делала? Просто обожаю, когда мой мозг отключается в такие моменты, как этот, от чего я кажусь полной идиоткой. — Эмм... почему ты надел спортивные штаны Abercrombie?

Неплохо.

Он небрежно пожимает плечами.

— Одна девчонка подарила мне их.

Хм, одна девчонка. Как будто этот ответ ничего не значит. Знаю, что технически это не

должно меня волновать, но КТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЭТА ДЕВЧОНКА?

Я сжимаю зубы и пытаюсь не позволить моему внутреннему зверю вырваться наружу.

— Одна девчонка, хм? Это... мило.

Я плюхаюсь на живот и прижимаю подушку к груди. Портер хихикает рядом со мной и накрывает нас одеялом.

— Остынь, Брут. Саванна подарила мне их на день рождения. Меня не волнует одежда модных брендов, но черт, они удобные.

Глупая Саванна! Я должна была знать. Она преклоняется перед Holister и балуется Abercrombie, каждый раз, когда выпадает возможность.

— Какая разница, мне плевать, — даже я себе не верю.

— Ты такая упрямая, ты знаешь это? — Портер обнимает своей рукой мои плечи и притягивает меня ближе к своему боку... к его теплому, твердому боку.

Фильм не так интересен для меня сейчас, как Портер, который прижимается к моему бедру и смотрит на меня своими темными, карими глазами. Желая видеть его больше, я хватаюсь за козырек его кепки и разворачиваю его к затылку, теперь она надета задом-наперед. Его глаза мерцают под вспышками сцен из фильма и сдерживаю удовлетворенный вздох, который пытается вырваться из меня.

— Я не упрямая.

— Да ну? — он опускает голову, отчего я переворачиваюсь на спину, а Портер нависает надо мной. — Собираюсь оспорить это заявление. Ты определенно самая упрямая женщина, которую я когда-либо встречал.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — я снова играю с его кепкой и спрашиваю, — Почему ты всегда носишь эту кепку? Сколько себя помню, ты всегда носил ее. Сейчас она идет тебе больше, чем когда ты был моложе.

Он смотрит на меня задумчиво.

— Ты не помнишь кто мне подарил эту кепку?

Я трясую головой.

— Нет, кто тебе ее подарил?

Ненадолго взглянув на небо, он говорит:

— Твоя мама. Она подарила мне ее в тот день, когда я познакомился с вашей семьей. Она сказала мне, что увидела ее в магазине и подумала, что мне потребуется кепка для игр на улице с Полом. Какое-то время она была мне велика, но я вырос.

Слезы в моих глазах от его сентиментальности. Он кусает свои губы, пока смотрит на меня, и мне интересно, собирается ли он меня поцеловать также, как и я отчаянно хочу его поцеловать. Я знаю, что здесь повсюду люди и папа с Полом прямо под нами, но я не хочу ничего больше, чем раствориться в Портере.

Его объятия согревают меня, его улыбка заставляет каждое нервное окончание моего тела покалывать, а то, как он рассматривает меня, завязывает мой желудок в узел, интересно, просто интересно, воплотит ли он каждую мою фантазию.

Портер нежно убирает прядь волос за мое ухо, которая вырвалась от легкого, ночного ветерка. На заднем плане идет боевик, но все на чем я могу сосредоточиться, это на мужчине, который держит меня.

— Ты пахнешь клубникой. От этого мне хочется прижиматься к твоей заднице весь день.

— Я бы не возражала, — честно отвечаю я.

Он облизывает свои губы, и я думаю — вот оно, он собирается меня поцеловать, но он даже не приближается, он остается на своем месте, мучая меня.

— В чем ты сомневаешься? — спрашиваю я, не понимая, почему мы до сих пор не целуемся.

Язык Портера, находящийся у меня в горле, кажется хорошей идеей сейчас, но только если он присоединится.

Он не отвечает мне, просто поглаживает большим пальцем мою нижнюю губу. Я хочу втянуть его палец в свой рот, я хочу сделать грязные вещи с это фалангой. Насладится им, как будто он мой сабмиссив — связать его, гладить его, облизывать его и покусывать до тех пор, пока он не сможет больше терпеть «пальчиковые» пытки.

— Помнишь, как я приходил на ужин по пятницам? Ты делала сэндвичи с говядиной достаточно, чтобы прокормить армию.

— Помню, — отвечаю я, озадаченная его воспоминаниями.

— Однажды я пришел, когда ты их готовила. Грохотала музыка, и ты крутилась в одной из папиных рубашек с деревянной ложкой в руке и с волосами, собранными на макушке. На тебе были пижамные штаны с теми гигантскими резиновыми утками.

Меня передергивает от того, какой ужасный вкус был у меня в то время.

Портер нежно разглаживает своей рукой морщинку между моих бровей.

— Я наблюдал за тобой не меньше пяти минут, очарованный тем, как тебя ничего не заботило в мире. Если бы ты увидела меня, уверен, ты бы продолжила танцевать. Ты была такой свободной, весь мир был у твоих ног. Ты только начинала поиски себя. Я завидовал тебе.

— Потому что я танцевала с деревянной ложкой?

— Нет, — смеется он. — Потому что ты могла делать все, что хотела.

— Ты тоже мог, — отвечаю я. — Ты не должен был оставаться в Джеймстауне.

Он отрицательно трясет головой, пока смотрит на экран, заметно мучение в его глазах.

— Нет, я не мог уехать. Мой отец, хоть и был алкоголиком, но нуждался во мне. Я не мог просто оставить его, и у меня также не было хороших оценок для поступления в колледж. У меня не было вариантов, как у тебя. Я научился работать на ферме и застрял там.

— Ты мог пойти с Полом в армию.

— Нет, я должен был заботиться о своем отце.

— Но почему? Он хреново относился к тебе всю твою жизнь. Почему тебе было нужно заботиться о нем?

— Потому что он был болен, Марли, — Портер повышает голос, и я уже сожалею, что подняла эту тему. — Неважно, как он относился ко мне, пока я рос, я просто не мог оставить его умирать в одиночестве.

Портер отстраняется, подкладывает подушку под грудь и упирается подбородком на свои руки, пока изучает экран перед собой. Свет отражается на его чертах, и я думаю о том, как вернуть момент, который мы только что потеряли, тот, в котором он смотрел в мои глаза, как будто я могла избавить его от всех проблем.

Портер был прав, когда назвал меня упрямой. Принести извинения и признать, что я облажалась, тяжелее для меня, чем для остальных, потому что я провела всю свою жизнь с Полом, это всем известно. Я исследовала и изучала вещи только для того, чтобы могла сказать, что я была права. Признаться, что была не права — нелегкий подвиг для меня. Сейчас, рядом с Портером, это также тяжело. Я с трудом сглатываю и касаюсь его спины,

нежно вырисовывая пальцами круги на его лопатке.

— Извини меня, Портер. Я не хотела расстроить тебя. Я думаю, мне просто повезло с любящими родителями. Не могу представить, как все должно быть не справедливо для тебя. Мне кажется, я была бы злая в твоей ситуации, точнее злая на своего отца.

— Да, можно и так сказать, — его голос грубый, больше не любящий или заботливый.

Я не знаю, как к нему теперь подобраться, он замкнулся, очевидно, больше не хочет говорить. У меня встает комок в горле, когда я понимаю, что разрушила наш вечер. Вместо того, чтобы попытаться поговорить с ним снова, я хватаю свою подушку и тоже ложусь на нее, пытаюсь сконцентрироваться на фильме, но это бесполезно. Я сейчас абсолютно расстроена нашим с Портером разговором. Я пробегаюсь по каждой ошибке в голове, пытаюсь подумать, как бы я справилась с этим по-другому, надеюсь, я бы справилась по-другому.

Наблюдать за тем, как Арнольд Шварценеггер вырывает маленькое сердце из груди панка, не так приятно, как я думала, и я знаю это, потому что чувствую напряжение, которое растет между мной и Портером.

Мне хочется плакать, напряжение осязаемо, но я не такая девушка. Я не плачу из-за мужчин, особенно из-за тех, с которыми выросла. Вообще-то, это ложь, я плакала несколько дней после того, как Портер унизил меня. Но это был единственный раз, все остальные мужчины, с которыми я связывалась, никогда так эмоционально не опустошали меня, как Портер. Честно говоря, ни у одного даже близко не получалось, даже, когда они бросали меня. Это было, как еще одни отношения спущенные в унитаз, с Портером было по-другому, я всегда хотела сделать его счастливым.

О Господи, я чувствую, как мое горло начинает сдавливать, а глаза начинают гореть. Этого не случится. Я не стану реветь из-за дурацкого разговора, который у нас был. Я хотела бы свалить всю вину на «Особую Красную Точку», но сейчас даже близко не тот момент месяца.

Еда! Еда предотвратит мои рыдания. Люди не могут есть и плакать одновременно. Даже не смотря на то, что мой желудок завязан узлом, я заставлю себя поесть, чтобы не разреветься. Это единственный способ.

Из того, что лежит перед нами, я хватаю попкорн, разрываю пачку и начинаю пихать горсти себе в рот. Я делаю это двумя руками, горсть за горстью запикиваю себе в рот, молясь о том, чтобы не задохнуться от зернышка, которые летают рядом со мной. Портер смотрит на меня, как я впикиваю больше попкорна себе в рот. Он приподнимает бровь от моих бурундучьих щек, полных попкорна. Его карие глаза обжигают меня, и этого достаточно, чтобы идея с попкорном провалилась, и мои глаза наполнились влагой.

Заметив, что из моих глаз сейчас хлынут слезы, Портер поворачивается на бок, поддерживая себя одной рукой, и говорит:

— Ты в порядке? Что случилось?

Полным ртом попкорна я отвечаю:

— Извини. Я не хотела тебя расстроить.

Всхлип вырывается из моего тела, заставляя сильно выдохнуть, направляя попкорн из моего рта, через губы прямо на лицо Портера.

Я сжимаю лицо от унижения, когда вижу наполовину пережеванный попкорн, скатывающийся с лица Портера, а зерна застряли в его бороде.

Я быстро сглатываю и хватаю салфетку, чтобы почистить его.

— Боже, мне так жаль, — я быстро вытираю его лицо, униженная, желая швырнуть свое тело в экран кинотеатра.

Он лежит секунду ошеломленный, а затем начинает смеяться. Его хохот заразителен, и вскоре, я замечаю, что тоже присоединилась к нему, наслаждаясь тем, как его смех разжигает искру в моем теле.

Когда мы очистили его от всех зернышек, мы продолжаем хихикать, пока не очищаем одеяло от пережеванного попкорна. Он приподнимает мой подбородок и заставляет посмотреть на себя.

— Никогда не жалею ни о чем, Шарик. Это просто больная тема для меня. Хотел бы я сделать что-то большее в жизни? Да, но это было невозможно для меня. В конце концов, у меня есть твоя семья, на которую я могу положиться.

— Мне все еще жаль. Я не хотела тебя расстраивать.

Он растирает большим пальцем мое заплаканное лицо.

— Не плачь из-за таких вещей, как я, Марли. Я не достоин твоих слез.

Я опешила. Он не достоин моих слез? Разве он не понял? Он единственный — кто достоин моих слез, единственный — о ком я переживала. Как он не видит этого?

— Портер, ты единственный, кто заслуживает, чтобы из-за него плакали.

Его взгляд теплеет, а руки обхватывают мое лицо. Именно так, как я хотела, когда мы только поднялись на крышу, Портер притягивает меня ближе и прижимается своими губами к моим. Своими сильными руками он хватается мое тело и перекладывает так, что он оказывается надо мной, удерживая мое лицо. Его пальцы пробегают по моим волосам, пока его губы заняты моими. Его борода трется об мою нежную кожу, но я приветствую это грубое жжение, я жажду его.

Нуждаясь в том, чтобы коснуться его, я нахожу край его рубашки и слегка вытягиваю его, чтобы я могла коснуться его кожи. Он вздрагивает от моих холодных пальцев, но быстро возвращается к поцелуям, когда начинает привыкать к моим прикосновениям. Его язык пробегает по моим губам, прося входа. Я даю ему то, что он хочет, открывая рот, и его губы сильнее впиваются в мои, наши языки танцуют друг с другом, согревая наши тела.

Через его спортивные штаны я чувствую его возбуждение, его потребность во мне. Я никогда бы не подумала, что окажусь в такой ситуации, как эта, с Портером, но вот она я, и это разбивает меня на миллион кусочков, растворяет меня в его душе и соединяет в одно целое.

Когда Портер целует меня, его руки нежно гладят мое лицо и волосы, я чувствую, как будто дышу в первый раз, испытывая трепет от поступления кислорода. Моя грудь вздымается от каждого поцелуя, мои легкие горят от потребности, желая большего. Я никогда не хочу отпускать его.

Мои руки блуждают вниз к его талии, где я сталкиваюсь с краем его боксеров. Чувствуя себя игриво, я проникаю под резинку и играю с его идеальной задницей. Он стонет мне в рот, когда мои пальцы спускаются чуть ниже.

Прежде чем я успеваю достигнуть низа его задницы, чтобы обхватить ее, он отстраняется. Его кепка едва держится на голове, он тяжело дышит, а его глаза полны желания.

— Мы не можем делать это, когда твой отец и брат прямо под нами.

Разочарование обрушивается на меня, когда я понимаю, что он прав. Мы посреди кинотеатра на открытом воздухе. Наш трейлер может и припаркован в конце, но мы по-

прежнему окружены людьми, людьми такими, как мой брат и отец, которые, вероятно, оторвут Портеру голову, а потом вырвут его член, чтобы заменить его на его же голову.

Но я хочу его. Я дам ему еще больше, принимая его растрёпанный вид и очевидное возбуждение. Я хочу видеть, что я делаю с ним, я хочу видеть, как я доставлю ему удовольствие тем способом, о котором я всегда мечтала. Поэтому, я скольжу к передней части трейлера, чтобы посмотреть, что папа и Пол делают.

Втихаря, я выглядываю сверху и вижу, что мой папа отключился в кресле, голова откинута назад и рот открыт, храпит, как ураган. И, как отец, так и сын, голова Пола прижата к плечу моего отца, и он тоже спит.

— Что ты делаешь? — спрашивает Портер, пытаюсь собраться.

Я ползу обратно к нему и прижимаю руку к его груди, отчего он вынужден лечь.

— Марли, не здесь.

Я прикладываю палец к его губам, чтобы он замолчал.

— Пол и папа храпят в унисон внизу.

— Еще...

Не слушая его, я седлаю его ноги и наблюдаю, как его глаза расширяются. Его кепка лежит в стороне, и я напоминаю себе, не забыть ее, когда мы закончим, я не прощу его, если он потеряет ее, потому что это важная вещь в его гардеробе.

Очень быстро оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не смотрит на нас, я наклоняюсь и запускаю руки под его рубашку, толкая ее вверх, опускаясь своим телом на него. Его мышцы напрягаются от моих прикосновений, от каждого нажатия моих пальцев, я чувствую, как он дрожит подо мной.

Начиная с его шеи, я прокладываю дорожку из поцелуев по подбородку, оставляя легкий поцелуй на его бороде, пока не достигаю его губ. Мой язык скользит в его рот, и я наслаждаюсь ощущением его рук, скользящих вниз по моей спине до задницы, которую он с легкостью обхватывает.

Между нами сильное притяжение, наши руки обезумели, когда мы исследуем тела друг друга, запоминая каждый контур и изгиб, понимая, что мы выросли и наши тела изменились. Портер, худенький мальчик с фермы, теперь крепкий, сильный мужчина, который, как мне кажется, может поднять десять бревен одновременно, если вы его попросите. И я, со всеми изгибами и гибким, благодаря йоге, телом, над которым я так утомительно работала.

— Я не могу тобой насытиться, — признается он, пока я целую его губы.

— Хорошо, — улыбаюсь я, опускаясь ниже.

Моментально он понимает, что я задумала и сжимает мои плечи, чтобы остановить.

— Что же ты делаешь?

— Беру то, что хочу.

Я выскальзываю из его объятий и целую его обнаженную грудь, облизывая его соски несколько раз, мне нравится это, потому что его тело напрягается, затем я пробегаюсь ртом вниз по его очерченному прессу до пояса его боксеров и спортивных штанов. Я смотрю на него, его веки тяжелеют, его грудь стремительно опадает вверх и вниз, а руки угрожающе сжимают одеяло под нами.

Прежде чем сделать следующий шаг, я согреваю руки, дуя на них, а затем хватаю пояс его одежды и тяну вниз, обнажая его эрекцию.

Давайте на секундочку остановимся. Я знаю, вы хотите пристрелить меня, не так ли? Я просто думаю, нам нужна секунда для разговора о пенисах.

Я не девственница, и это очевидно из-за того, что я практически набросилась на Портера, и я имела дело с несколькими членами. Я видела маленькие, настолько крошечные, которые пытались протиснуться в ваше особое местечко. И я видела большие члены, те, о которых думаешь — они действительно являются придатком или они для того, чтобы уничтожить ваши чресла в кровати.

Но этот пенис, тот, который принадлежит Портеру, другой. Не в плохом смысле, а в самом лучшем из возможных. Он большой, объемный и немного изогнут, что я знаю, будет только выгодно для меня в конце концов. Несомненно, лучший член, который я когда-либо видела.

— Пялиться не вежливо, — дразнит Портер.

— Верно, — я смотрю на него и улыбаюсь. — Полагаю, это немного изменит нашу дружбу.

Он хихикает и наклоняет голову в сторону, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Уверен, что мы изменили нашу дружбу в тот момент, когда я перекусил тобой этим утром.

— Портер, — я начинаю шипеть от его пошлости. — Боже, не говори так.

В его груди грохочет, когда он смеется, от чего он становится еще сексуальнее.

— Извини, малышка.

И тут, я таю, превращаясь в жидкую лужицу одержимости Портером Смитом. Я думаю, это из-за его глаз, может быть, из-за его тела, или дурацких ямочек, которые пробиваются через его бороду, которые попутно завоевали меня, хорошенько потрудились надо мной, превращая в чистую, безудержную страсть. Это мог бы быть его горделивый пенис, но неа, это был он, назвавший меня «малышкой», ласковое обращение, которое никогда не производило на меня впечатление до этого момента.

С переполненным чувствами сердцем я опускаю голову вниз и целую его живот, прокладывая свой путь к его члену. Я пробегаюсь языком по его красивому «V» сбоку, в то время как мои руки движутся прямо к основанию его члена, где я сильно его сжимаю. Он практически подпрыгивает над трейлером и стонет. Его рука накрывает его глаз, прикрывая себя от наслаждения, которое он знает, что получит. Желая попробовать его, я целую кончик его члена и наблюдаю, как он подрагивает подо мной. Я загипнотизирована, одержима, я хочу увидеть, как он выглядит, когда кончает, поэтому я накрываю своим ртом его член и начинаю сосать его.

— Бляяаять, — он едва шепчет.

Гордость овладевает мной, когда я понимаю, что могу заставить такого мужчину, как Портер, умирать от удовольствия. Если бы он стоял, то без сомнения, я бы могла заставить его упасть на колени.

Поспешно спускаясь вниз по его телу, чтобы у меня было больше места, я начинаю брать его глубже ближе к своему горлу. Не судите меня, но у меня никогда не было рвотного рефлекса, поэтому взять его глубже не очень волнует меня, но чертовски уверена, волнует Портера.

— Господи Боже, Марли, — говорит он, глядя на меня вниз, восхищение распространяется по его лицу.

Не удосужившись дать ему время, чтобы приспособиться, я беру его еще глубже, пока мой язык не ударяется об его яйца, которые я захватываю тоже, чтобы прижать их ближе. С каждым движением, я чувствую, как его бедра поднимаются, желая большего. Я сжимаю его

немного сильнее, но не настолько сильно, чтобы заставить его плакать, просто даю ему немного давления. Я работаю ртом вверх и вниз, периодически облизывая его яйца несколько секунд, прежде чем отступить, оставляя его задыхающимся и требующим большего.

Его ноги двигаются подо мной, а его руки находят мои волосы, удерживая пряди нежно, когда смотрит на меня сверху вниз. Я надавливаю сильнее своими губами, убеждаясь, что не поцарапаю его зубами. Я сосу сильнее и беру его глубже, поглаживая языком по нижней стороне члена. И этого достаточно, он тянет меня вверх и хватается за член, поглаживая его один раз, второй, третий, пока не кончает.

Вид мужчины, занимающегося мастурбацией, никогда по-настоящему меня не заводил, но сейчас, наблюдая за телом Портера, которое сотрясается от каждой волны наслаждения, проходящей через него, и низкий стон, срывающийся с его губ, заставляют меня практически задыхаться.

— Черт, — он роняет свою голову и смотрит на меня. — Блять, Марли. Ты не должна знать, как это делать.

Я должна была бы оскорбиться, если бы не его глупое, пост-фелляционное (после минета) выражение на лице.

Да, я сказала «пост-фелляционное». Разбираюсь в этом.

— Но это было чертовски горячо, — добавляет он, притягивая меня к своей груди, где сжимает мой затылок и безжалостно целует, пока я не отстраняюсь от него, его штаны, к сожалению, подтянуты вверх, а его руки исследуют дорогу вниз к моей талии.

— Что ты делаешь? — шучу я, точно зная, что он задумал, и здесь не нужно ходить вокруг да около, я готова для него.

— Я хочу потрогать тебя, — шепчет он мне в ухо, его руки путешествуют под моим поясом, пока его пальцы не касаются моей лобковой кости.

Черт, он просто трогает меня, а я уже хочу кончить.

Для легкого доступа, потому что у меня отсутствует чувство собственного достоинства рядом с Портером, я раздвигаю свои ноги. Медленно его пальцы опускаются к местечку между моих бедер и скользят внутрь меня. После одного глубокого вдоха, я выдыхаю и растворяюсь на крыше трейлера, рядом с Портером, который играет с моим телом, как будто это его собственный инструмент.

С его губами на моих и его пальцами, доводящими меня до края, я прижимаюсь к нему сильнее, понимая, что я делаю с собой. Теперь не получится оправиться от Портера Смита. Я просто молюсь, что смогу удержать его в этот раз.

Глава 14

Портер

— Люди не мочатся на других людей, — говорит Берни из-за руля «Тэси».

Сейчас мы держим путь через Миссури, после быстрой ночевки в кемпинге и продолжительного просмотра «Терминатора». Очень жаль, что я не увидел даже отрывка фильма, ну, никого ни Пола или Берни это не волновало.

Я провел весь фильм, восхваляя тело Марли, впитывая каждый ее дюйм, делал то, что мог, что не требовало презерватива и кровати, там, где Марли заслуживала, чтобы с ней

занимались любовью. Ее всхлипы и приглушенные крики по-прежнему раздавались у меня в ушах этим утром.

Что я ненавижу сейчас, — что не могу стереть эту чертову улыбку на моем лице, из-за того что был с ней всю ночь, пока не вынужден был идти спать в свою палатку, а Марли необходимо было идти спать в трейлер к своим отцу и брату. Я отчаянно надеюсь, что смогу держать ее в своих объятиях всю ночь, вдыхая клубничный аромат ее волос.

Марли спорит со своим отцом со своего места.

— Пап, я серьезно! Люди подают объявление, чтобы помочиться на других людей на «Крэйгслист» (*Крейгслист — газета электронных объявлений*). Это сексуальные штучки.

Берни фыркает.

— Как представлю мать Франклина Пирса писающую, что здесь может быть сексуального? Моча должна поступать в Джона С. Краппера (*John C. Crapper — игра слов «john» и «crapper» — толчок, сортир*), а не на тело идиота, которому нравится теплые ощущения от этого. Что не так с людьми?

Берни и его тирады — классика.

— Вообще-то, пап, это легальный фетиш, — говорит Пол, чавкая пончиками, очевидно, не переживая о том, что наберет лишний вес перед свадьбой во время поездки. — Он называется Урофилия.

— Этого не может быть, — насмехается Берни.

— Может, — кусочки пончика вылетают изо рта Пола на его бороду, когда он говорит. — Урофилия — когда ты возбуждаешься от того, что мочишься на кого-то, или наоборот на тебя. Также это известно, как принимать «золотой душ», в уличной терминологии. Люди также могут возбуждаться просто от одного запаха мочи.

Берни трясет головой.

— Видите, что происходит, когда позволяешь своим детям смотреть музыкальные каналы, они развивают пристрастие быть описанным.

Ничего не могу поделать, смешок врывается из меня, прежде чем я успеваю сдержать его. Берни быстро смотрит поверх своего плеча, чтобы показать мне злые брови, мгновенно отключив мой смех.

— Пап, музыкальные каналы не развращали наше поколение, — высказывает Марли.

— Черт возьми, это не так. Мне не следовало никогда позволять, вам дети, смотреть концерты по заявкам.

Пол качает своей рукой в воздухе.

— Черт, я забыл про *Total Request Live* (прим. перев. — *Total Request Live, или TLR — телепрограмма на канале MTV, которая демонстрировала популярные клипы*) с Карсоном Дэйли. Этот мужик был моим Богом в те времена.

— Это унижительно, — Марли грубит Полу.

Пол спокойно показывает ей средний палец и поворачивается к своему отцу.

— TRL не имеет ничего общего с людьми, которые хотят, чтобы на них помочились. Это стремление исходит из тех времен, когда ты был подростком. Просто сейчас об этом больше разговаривают, с тех пор как секс перестал быть запретной темой. Существует большое количество фетишей. Ты был бы удивлен.

— Ох, да? И, например, какие?

Худшая ошибка, которую мог совершить Берни, проверить знания Пола в подобном дерьме. Никогда не делайте это, если вы не готовы выслушать безумную тираду из ответов, а

это именно то, что Пол собирается сделать.

Откашлявшись, Пол говорит:

— Вопрос, который ты должен был задать, папа, это от чего люди не возбуждаются. Если тебя так беспокоят люди, которые писают друг на друга, то тогда ты возненавидишь Копрофилию.

— Это еще что? — спрашивает Берни.

— Те, кто увлекаются Копрофилией, возбуждаются, когда видят какашки. Можешь себе представить, у тебя понос, ты подтираешься, а потом у тебя встает, когда ты смываешь? Прямо на твое собственное дерьмо?

— Мне кажется, я знала одного парня, у которого было что-то подобное, — Марли вступает в разговор. — Это или он просто действительно был помешан на хождении поспать. Он мог провести целый час в ванной, засоряя унитаз, а потом он выходил оттуда с гигантской улыбкой на лице. Затем он мог продолжить говорить о цвете, толщине и текстуре его дерьма. Он был отвратителен.

— Ты с ним встречалась? — я вообще-то немного потрясен, когда задаю этот вопрос.

— Это неважно, — она вжимается в свое сидение, скрывая свое смущение.

Эй, девушки постоянно совершают ошибки в колледже, не стоит ее винить, за исключением того, что я считаю это отвратительным, что я и делаю.

Пол прерывает меня, прежде чем я могу углубиться в «дерьмового любовника».

— Еще есть Геронтофилия. Это, когда ты возбуждаешься от седовласого старика в доме престарелых. Литофилия — когда тебя возбуждают камни, спорим, эти люди не торопятся. Пубефилия, ну это говорит само за себя, но если тебе интересно, это люди, которые дергают за волосы на лобке.

— Нет ничего плохо в кустиках, — встречает Берни. — У вашей мамы был действительно милый.

Марли и Пол одновременно закрывают свои уши и кричат на отца, вызывая у него хихиканье. Очко в пользу Берни-Мэна.

— Пап, не говори ничего про мамины лобковые волосы! Ее больше нет, она не может защитить себя, — Марли трясет.

— Чтоб ты знала, если бы она была бы здесь, то наверняка высказала бы это вам всем, и это не значит, что вы не вылезали из ее промежности раньше. Вы оттуда появились.

Марли садится обратно на свое место.

— Это так волнительно. Может, перейдем от разговора о кустах.

Знаю из первых рук, — это не игра слов, ну, или может быть, игра слов — Марли имеет свое мнение насчет демонстрации небольшой растительности внизу. Не-а, она любит нежную и чертовски гладкую кожу. Мой рот наполняется слюной, когда мой мозг напоминает мне о прошлой ночи на крыше трейлера. Я не хочу ничего больше, чем схватить ее за руки и утащить в конец трейлера, задернуть шторку и провести лишнюю минуту вместе с ней.

— Ворарефилия — когда кто-то возбуждается, от поедания частей тела другого человека. Мужики, держите подальше свои члены от девушки с такой проблемой. Господь знает, она сожрет вашу сосиску целиком. У Марли, я думаю, Ксилофилия. Это когда ты возбуждаешься от древесины.

С вкрадчивой ухмылкой она говорит:

— Угу, я возбуждаюсь от древесины.

— Колотые дрова, мерзко, — кричит Пол. — Помнишь те времена, когда ты лазила на дерево?

— Это был вызов! — она кричит. — Ты не можешь иметь это против меня, если собираешься нагло дразнить меня этим. Если мы играем в эту игру, тогда я абсолютно уверена, что мы должны рассказать всем о том, как ты лизал яйца кота в амбаре.

Пол практически подпрыгивает в своем кресле, так что разворачивается к Марли лицом и указывает пальцем на нее.

— Я никогда не отказывался от спора, и ты знаешь об этом.

Марли скрещивает руки, приподнимая свое декольте, чем открывает для меня прекрасный вид из ее рубашки с глубоким вырезом.

— Да, я знаю это, поэтому я вызвала тебя облизать яйца кота, зная, что ты сделаешь все, что я бы не попросила тебя.

— Пофиг, ты идиотка.

— Хорош, приятель, — я хлопаю Пола по спине, пока он садится.

— Люди также возбуждаются, падая с лестницы, — продолжает Пол. — Также они возбуждаются, когда рядом расщелины или впадины. Это называется Часмофилия.

— Ну, тогда у меня должно быть это, — говорю я, — Потому что, я люблю расщелины и впадины, — я шевелю своими бровями.

Пол громко смеется, а Марли закатывает глаза, говорит мне одними губами «свинья».

Вибрация телефона у моей ноги останавливает меня от поддразнивания ее. Я вытягиваю телефон из кармана и вижу, что это код Калифорнии. Желая немного уединиться, я иду в конец трейлера и отвечаю на звонок.

— Алло?

— Я разговариваю с мистером Смитом?

— Это я, чем могу вам помочь?

Пол и Марли оба смотрят на меня, подслушивая мой разговор, поэтому я поворачиваюсь к ним спиной. В «Тэси» не так уж и много места для уединения, особенно после того, как Пол превратил ванную в бесконечную дыру из своей собственной щетины.

— Это Алекс из «Педерсон Групп». Вам удобно разговаривать?

Мой желудок падает, а на коже выступает пот. Этого звонка я боялся, но ожидание закончилось, и я не готов к этому. Это скребет меня изнутри, я не готов к отказу.

— Да, сейчас подходящее время, — я сжал затылок и зажмурил глаза, представляя, что они собираются сказать.

— Замечательно. Я хотел позвонить вам, чтобы поблагодарить, что вы приехали и встретились с нами. Это было здорово, наконец-то, познакомиться в живую.

Почему это звучит, больше похожим на отмазку?

— Ох, без проблем. Я тоже рад, что смогли встретиться.

Алекс откашливается, и я подготавливаю себя, попытаться не выдать эмоции в голосе, когда я снова ему отвечу. Я стараюсь не думать о том, как этот один единственный шанс, который у меня есть, может изменить мою жизнь, одна оливковая ветвь, протянутая на моем пути.

— У нас были продолжительные дискуссии о названии и самом продукте и мы не смогли прийти к определенному решению.

Эмммм... ладно. Что надо ответить на это?

— Нескольким членам правления действительно понравилась идея «Мыла для

Мужчин». У него великолепный запах, оно не оставляет пленку на коже, благодаря козьему молоку, которое вы добавляете в него, и фирменное оформление прямо в точку. Мы просто не уверены в его возможности продажи в массах и как оно поведет себя в отношении других продуктов для мужчин.

— Я понимаю это, — я стараюсь говорить низким голосом, чтобы никто, особенно Марли, не смогли услышать меня.

— Из-за того, что мы никак не можем определиться, мы приняли решение отправить ваши образцы к некоторым из наших испытуемых, чтобы они могли протестировать продукт. Честно говоря, я в восторге от продукта. Я использовал его всего неделю, и вы были правы, запах долго держится, даже когда я работаю, и меня не сушит кусок мыла. Я хочу заполучить ваш бренд и расширить его, создать единую гигиеническую продукцию для мужчин, — я имею в виду настоящих мужчин, как лесорубы. Я думаю, что это направление, на которое до сих пор никто не осмеливался. Мы просто хотим убедиться, как широко это будет принято между мужчинами и женщинами. Мы хотим быть уверенными, как это будет работать для среднестатистического мужчины, и как женщины будут стремиться к этому.

— Я полностью это понимаю. Я взволнован узнать, что они скажут об этом, — это ложь. Меня тошнит от мысли, что еще кто-то будет судить мою продукцию.

Изготовление мыла, вероятно, не то, чем вы представляли, я занимаюсь на ферме, особенно имея бороду, мускулы и клетчатые рубашки, правильно? Я не подхожу под описание обычного мыловара, но занялся этим, когда начал искать информацию о том, что еще можно сделать с козьим молоком, когда оно у тебя в избытке и не достаточно востребовано. Я наткнулся на изготовление мыла из козьего молока, поэтому решил попробовать сделать это. Я провел множество часов, изучая различные эфирные масла и отдушки, которые могли бы сохранять аромат мыла дольше, и были бы мужественными одновременно. Было несколько хороших партий и несколько действительно ужасных. К счастью только я и Берни тестировали их все это время. Одна из плохих партий пахла спаржей и фиалками. Это было не очень привлекательно.

После продолжительной практики и поисков идеального сочетания масел с запахами карамельного дерева, черного янтаря, черного галстука и мой секретный, щепотка кофе, все вместе превратило продукт в «Мыло для Мужчин», натуральное, органическое мыло для настоящих мужчин.

Я сохранил свое новое начинание при себе, ну, кроме того, что рассказал Берни, поскольку использовал молоко от его коз, и отправился на фермерский рынок продавать мыло, чтобы посмотреть интересно оно для кого-то еще, кроме нас с Берни. Когда я понял, что я торговал каждые входные летом, я принял решение сделать следующий шаг и связаться с инвестиционными группами. Педерсон были одни единственные, кто ответил мне. Один единственный шанс воплотить эту затею во что-то прибыльное.

Две недели назад, они пригласили меня приехать в Калифорнию. Так как это совпало с желанием Пола уехать из Калифорнии, я рассказал им о своем замысле. Он использует его дома, и теперь Саванна абсолютно точно его любит. Именно поэтому она отправилась за покупками для меня, в качестве благодарности.

Когда я встретился с инвесторами в Калифорнии, я был напуган, и чтобы облегчить мои опасения, они подарили мне тур по одной их самых популярных ферм, которая занималась разведением коз. После тура я представил свое мыло и подробно рассказал обо всех деталях положительного влияния использования козьего молока. Я думал, что сделал хорошую

работу, представляя бренд, который я создал, и убедил группу о положительных качествах «Мыла для Мужчин», но вероятно этого было не достаточно, поскольку они не могли принять решение.

Я никогда так не выкладывался и это пугает. Я хочу чего-то большего для себя, большего для Берни, и большего для фермы, это наш шанс. Я не хочу кончить, как мой отец, потратив жизнь впустую.

— Мы собираемся поставлять образцы, а у тестируемых будет неделя, чтобы сообщить свое мнение. Мы ответим тебе в скором времени. Я понимаю, что это не совсем то, что ты хотел услышать, Портер, но все еще есть большая надежда. Я за тебя, мужик. Мне нравится продвигать только ту продукцию, с которой я тщательно ознакомился, и с помощью этой мое имя поднимется, если я смогу сделать это.

— Это очень много для меня значит, спасибо, Алекс.

— Конечно, мы будем на связи. Держись, брат.

— Всего хорошего, — я завершаю звонок и таращусь на телефон секунду, прежде чем повернуться к глазам, которые я чувствую, как прожигают меня.

Сделав глубокий вдох и успокоив свое сердцебиение, я поворачиваюсь к первому Полу, его глаза полны волнения.

— Ты разговаривал сейчас с Группой?

Столько много нужно держать в секрете. Прежде чем Пол сможет еще что-то сказать, я киваю и говорю:

— Я не хочу вдаваться в подробности прямо сейчас.

Я смотрю на него закрытой-рот взглядом и, к счастью, он понимает, что я в него метаю. Я хочу думать, что это из-за всех лет, что мы провели вместе, но вместо этого, я знаю, что это из-за низкого рычания, которое вылетает из моего горла. Рычание, которое довольно четко дает Полу понять, что если он еще раз заговорит про мой телефонный разговор, я отгрызу его нос, как бешеный енот.

— Про какую группу вы говорите? — спрашивает Марли.

Я сажусь обратно на свое место и убираю в карман телефон.

— Ничего особенного, — я откашливаюсь, — Так, на чем мы остановились? Фетиш ног?

Я игнорирую недовольный взгляд Марли и слушаю Пола, рассказывающего о других способах, от которых люди возбуждаются. В общем, все что я вынес из этого разговора — что люди большие убудки. Я отключаюсь от него и смотрю в окно, изучая пейзаж Миссури.

Забавно, как быстро пейзаж меняется от одного штата к другому. Пустынная местность занимает территорию Калифорнии, Аризоны, Нью-Мехико, и частично Техаса. Потом все сменяется на луга с огромными энерго-созданиями ветряными мельницами. А сейчас мы в Миссури, деревья появляются на обочине дороги, такое ощущение, что я не видел их некоторое время. Чем дальше на север, тем больше зелени появляется. Очаровательно.

Мне хотелось бы верить, что я думаю о природе, но честно, мое сердце готово разорваться от переживаний. Я представлял себе этот звонок множество ночей и совсем не ожидал, что он закончится так. Мое будущее лежит в руках нескольких тестирующих продукцию. Что если она им не понравится? Что если они посмеются над идеей? Может, «Педерсон Групп» жалеют меня, прежде чем разрушить мои надежды? Хотелось бы верить, что я достаточно сильный мужчина, чтобы справиться с подобным давлением, но это не так.

Я работал так чертовски усердно, чтобы еще одна дверь захлопнулась перед моим носом. Я в одном «нет» от отказа от своей цели и в оседании, тем, кем мой отец всегда считал, я должен быть, одиноким рабочим с фермы.

— И еще есть Формикофилия, которая просто отвратительна. В основном люди возбуждаются от вида насекомых. Я не могу себе представить стояк от паука, — голос Пола меркнет на заднем фоне, пока мой мозг работает со скоростью мили в секунду. Единственный звук, проникающий в мои негативные мысли, — это яркое хихиканье женщины, от которой я никак не могу оторвать взгляд.

Марли смеется.

— Все потому что ты будешь сильно занят криками, как девчонка с блеском для губ, у которой только что начались месячные, не говоря уже о беготне по кругу, как будто кто-то засунул фейерверк тебе между ягодиц.

— У нее веские доводы, сынок, — Берни пожимает плечо Пола, когда они все шутят про несуществующего паука, который, как думал Пол, застрял у него в волосах, когда мы в первый раз приехали в Деревню Вигвамов всего-то несколько дней назад.

— Пауки залезают в уши! Мои крики были обоснованы.

Я трясу головой и наслаждаюсь подшучиванием семьи МакМэннов. Если испытуемым не понравится мое мыло, это не будет концом света — в конце концов, я постараюсь убедить себя в этом. У меня все еще будет семья, частью которой я могу... быть, если не испорчу все нахрен своей неспособностью держаться подальше от Марли.

— Итак, расскажи нам, что они сказали, — Берни и Пол говорят, склонившись над сменной для разговора, пока Марли берет для нас салфетки.

Я оцениваю на каком она расстоянии от нас и быстро поворачиваюсь к Берни и Полу.

— Им понравился продукт, но они не могут определиться. Они отправили продукцию нескольким испытуемым, чтобы узнать, что они о ней думают. Их мнение даст инвесторам общее представление того, как они думают, продукция будет работать в общем торговом круговороте.

— Это хорошие новости, — подбадривает Берни.

— Это нормальные новости, — я пытаюсь успокоить их. Я уже вижу, как он взволнован, как не может усидеть на месте, чтобы не начать танцевать от радости. — Я на полпути к этому. Мы должны узнать, что испытуемые скажут.

Пол сжимает мое плечо.

— Им понравится. Саванна очень разборчива, когда дело касается выбора продуктов, которые она использует. Она бы не стала тебе лгать, Портер. Она любит «Мыло для Мужчин». Она не позволит мне пользоваться чем-то другим.

— Ты и не должен хотеть пользоваться чем-то другим, — шучу я.

— Серьезно, это хорошие новости. Когда они узнают результаты испытуемых?

— Через неделю.

Пол и Берни кивают.

— Это хорошо, сынок. Верь в свою продукцию. Это хороший бренд и прекрасная задумка. С правильно поддержкой ты сможешь действительно превратить это в широко известную торговую марку. Я верю в тебя.

— Спасибо, Берни. Я ценю это, но если мы сможем по-прежнему сохранить это все

между нами, это будет превосходно. Я действительно не хочу, чтобы кто-то знал, на случай того если все провалится, — я поворачиваюсь к Полу и говорю, — Ты можешь попросить Саванну не рассказывать об этом никому, пожалуйста? Я не хочу пока никому раскрывать секрет.

Когда я говорю никому, я в основном имею в виду Марли. Она последний человек, которому я хочу рассказать, особенно учитывая то, что она бьюти-блоггер. Она вероятнее всего разорвет на кусочки «Мыло для Мужчин». Я видел несколько ее постов, она может быть невероятно жестокой.

— Без проблем, наши рты на замке.

— Спасибо, чувак.

— Я бы хотела спросить, кому нужны салфетки, — говорит Марли, раздавая каждому из нас ворох салфеток, — Но зная вас животных, они потребуются всем. Помните, что ваши бороды не предназначены для хранения закусок. Я отказываюсь наблюдать, как вы выковыриваете двух дневные пережеванные огурцы из своей бороды снова, Пол.

— Ты все лишаешь радости, — он фыркает.

Марли садится рядом со мной у бетонной стены, разглядывая Ворота Запада (или, Арка) в Сент-Луисе, Миссури. Мы уже сделали все наши снимки, нашли продавца хот-догов, и теперь поедаем их под Аркой, как миссис МакМэнн планировала.

— Она намного выше, чем я представляла, — подмечает Марли.

— Согласен, — отвечает Берни, нервно крутя фотографию миссис МакМэнн на своей стороне. Возвращаясь к заправке в Синклере, Оклахома, Берни нашел там недорогую рамку для фото «Шоссе 66» и сразу же влюбился в нее. Когда мы вернулись в трейлер, он схватил фотографию миссис МакМэнн и поместил в рамку. Теперь фоторамка делает фотографии сама с собой. Это так мило. Странно для других людей, но идеально для нашей группы.

— Ну, это самый высокий памятник на западном полушарии, поэтому он должен быть высоким, чтобы соответствовать своему званию, — сообщает нам Пол. — Что интересно — пришлось использовать архитектуру цепной линии, чтобы поддерживать арку из стали. Идея памятника возникла в 1930-х годах, но не была до конца завершена до 1960х годов, из-за всех препятствий, которые включали в себя городские правила. Рад, что они построили ее, потому что она действительно красивая.

Берни и Пол говорят об изгибе арки и конструкторских чертежах, над которыми архитекторы поработали, оставив меня и Марли опять наедине.

— Так, о чем был тот звонок в трейлере?

Я знал, что она не сможет отпустить. Она слишком любопытная, чтобы это произошло.

— Ничего важного. Я расскажу тебе, если это станет чем-то значимым.

Ее лицо так мило морщится, когда она пытается разгадать мой скрытый код.

— Это другая женщина? Клянусь крошечными яйцами Тора, если ты встречаешься с кем-то, я вытащу кишки через твою жопу.

Непроизвольно мои ягодицы сжимаются вместе, защищая кишечник от одного упоминания расправы над ним.

— Приятно знать, что у тебя не возникнет проблем с моим расчленением.

— Если ты когда-нибудь используешь меня, чтобы обмануть кого-то, я с легкостью расчленю тебя.

Я смеюсь.

— Ну, тогда не о чем беспокоиться, я не такой мужчина, но спасибо за оказанное

доверие.

— Откуда мне знать какой ты мужчина? Ты не говоришь об этом много, Портер. Я знаю мальчика, которым ты был, но на самом деле не знаю кем ты являешься сейчас.

Она была права на сто процентов. Я не раскрываюсь достаточно и на это есть причина, я не хочу, чтобы меня ранили, особенно Марли. Она может с легкостью уничтожить меня, это обстоятельство, которое я не хочу, чтобы сбывалось.

— Не так много и изменилось, — вру я, отлично зная, что у меня сейчас больше амбиций сделать что-то для себя, чем было раньше. Я видел, что жизнь может предложить тем, кто старается сделать больше, чем от них ожидают, и я хочу стать одним из таких людей.

— Не совсем откровенный разговор, правда? Не удивлена этому. В прошлом, когда ты больше предпочитал провернуть какую-нибудь шалость со мной или Полом, или играть в видео игры с Полом. Первый раз, когда ты действительно открылся, был, когда ты писал те письма.

Эти письма стали единственной причиной, по которой я не скатился на тот же путь, что и мой отец. Пол был в армии, я вернулся со стажировки с другим фермером, и понял, какой моя жизнь могла бы действительно быть. Я был подавлен и зол на себя, потому что не желал большего. Марли писала мне каждый день, и я писал ей в ответ. Я рассказал ей о глупых вещах, ни о чем сильно серьезном, но читать ее ответы, видеть ее энергичный почерк о ее собственной позиции помогло мне, это вдохновляло меня продолжать двигаться дальше.

— Иногда легче рассказать о чем-то на бумаге, чем рассказать это вслух.

Не говоря ни слова, она кивает головой в согласии, а затем еще один раз кусает свой хот-дог.

— Не самый лучший хот-дог, который я когда-либо ела, — она меняет тему. — Мою маму бы не впечатлило.

— Мама МакМэнн определенно не была бы впечатлена этим мусором.

— Вот что ты получаешь, когда ищешь продавца, который готовит их целый день. Ты получаешь то, за что заплатил, и мы получили хот-дог за доллар двадцать пять центов. К счастью, я думаю, моя пищеварительная система окончательно смирилась и приспособливается к дерьму, которое я в нее запихиваю.

— Здорово, я рад, что у нас больше не будет засоренных унитазов.

Марли смотрит на меня рассержено.

Смеясь, я отвечаю:

— Все еще слишком чувствительна к разговору об этом?

— Немного.

Остаток дня прошел лежа на спинах, разглядыванием Арки и наслаждением сиянием серебристой стали и голубым небом, в то время, как я периодически касался своей рукой руку Марли.

Глава 15

Марли

— Итак, завтра большой день для нас. Мы наконец-то завершим наше путешествие по «Шоссе 66» и попробуем мать всех хот-догов, — говорит папа, когда костер только что

погас и больше не стреляет пламенем. — Это лучшее, что произойдет за весь наш прекрасный отдых.

— Говоря о хорошем отдыхе, я подумала о том, что посплю сегодня под звездами. Ничего страшного? — спрашиваю я, надеясь провести ночь не на чертовой кровати, а рядом с Портером.

— Ты просто собираешься спать на улице?

— Нет, в смысле, если Портер позволит мне, я бы хотела спать в его палатке. Там достаточно много пространства для двоих, и верх расстегивается, таким образом можно наблюдать за звездами через сетку. Я думаю, это будет весело, прежде чем мы достигнем Города Больших Огней.

— Мне не нравится идея, что ты будешь спать в палатке одна, — отвечает папа. — К тому же, я сомневаюсь, что Портер снова захочет спать на чертовой кровати.

— Я не возражаю, — нежно говорит Портер.

— По-прежнему, это не означает, что я хочу, чтобы ты спала одна на улице. Хоть мы и находимся в одном из лучших кемпингов в стране, это не означает, что здесь нет убийц, психопатов и уродов, желающих разрезать твою палатку и воспользоваться тобой.

Я пытаюсь не позволить разочарованию взять надо мной верх.

— Ну, может быть, кто-то сможет спать вместе со мной.

Пол тут же трясет своей головой.

— Ни за что, я провел большую часть ночей на земле. Я остаюсь на своем матрасе.

— Пуговка, я бы мог, но ты знаешь, что моя спина не в порядке.

— Эх, — я притворяюсь, а затем поворачиваюсь к Портеру. — Ты не против поспать со мной?

— Я не знаю. Я не хочу, чтобы ты пускала слюни рядом со мной.

— Она пускает слюни. Ты должен видеть ее подушку по утрам. Можно подумать, что она описала ее.

Скрипя зубами, я говорю:

— Спасибо, Пол.

— В любое время, сестренка. Портер, ты действительно хочешь играть в няньку сегодня?

Нянька? Это предупреждение для всех, кто не обратил внимание, если Пол использует это слово еще раз ко мне и Портеру, я засуну свою ногу так глубоко в его задницу, что его миндалины научатся завязывать шнурки на моих ботинках.

— А? Я не возражаю поиграть в няньку.

У меня отвисает челюсть, ярость начинает закипать во мне, а мои руки начинают сжиматься по бокам, готовая пропахать кулаками все лицо Портера. Он не просто сказал, что не против поиграть в няньку. Лучшее значение, которое могло бы быть: я люблю зависать с Марли, я не против разделить с ней палатку. Он заплатит за этот комментарий.

— Тогда все улажено. Марли убедись, что у вас достаточно одеял, для поддержания тепла.

— Хорошо, — я говорю своему папе, когда проношусь мимо мужчин и направляюсь в «Тэси», чтобы захватить свои постельные принадлежности. Я понимаю, что Портер должен был подыграть Полу и папе, но все по-прежнему, мне не нужно, чтобы он относился ко мне, как будто я его младшая сестра или неудобство, с которым приходится иметь дело. Я мирилась с таким его отношением, с тех пор как я себя помню.

Пока мальчики заканчивают свою подготовку ко сну и заботятся о костре, я располагаюсь в палатке. Здесь нет матраса, но это не имеет значения. Я раскладываю скрученное толстое одеяло, потом кладу остальные одеяла и подушки. Я расстегиваю верх палатки, так чтобы было видно звезды, и укладываюсь под своим одеялом.

Неподалеку я могу слышать, как Пол и папа заходят в «Тэси» и говорят о том, что им не надо больше открывать окна, поскольку меня там не будет, что просто... прекрасно. Завтра утром в трейлере будет невероятно приятно находиться, проезжая через Иллинойс, с выделившимися ночными запахами Пола. Меня подташнивает от одной мысли об этом.

Палатка шуршит и расстегивается снаружи. Портер ныряет в нее, одетый в другую пару спортивных штанов и черную рубашку «хенли», ну, мне кажется, что она черная. Не могу сказать под лунным небом.

— Тепло? — кивает он на кучу одеял, под которыми я лежу.

— Не хочу рисковать.

— Ладно.

Он забирается в свой спальный мешок и смотрит в небо. Боковым зрением я замечаю, что он вытягивает свои руки и укладывает их под своей головой, немного приподнявшись. Я знаю, что если бы он не был в спальном мешке, то я могла бы увидеть его живот и ту его слюно-пускающую V.

Мы лежим в тишине, наблюдая за звездами, иногда падающие звезды пересекают небо. Изначально мой план был провести немного больше времени с Портером наедине, но после его маленького комментария, я не собираюсь на него накидываться. Я просто не понимаю, почему он не пытается прямо сейчас задушить меня своими губами. Разве он не должен хотеть этого? Я больше не соблазнительна?

Да, я веду сейчас себя, как настоящая девушка, но знаете что? Мне плевать, угадайте почему? Если вы посмотрите в мои штаны и под мою футболку, вы можете обнаружить вагину и пару сисек, делающих из меня все-таки девушку, и еще я имею дело со своей маткой, которая совершает самоубийство каждый месяц, у меня должны быть девчачьи моменты. И сейчас один из них.

— Я тебе больше не интересна? Не волнуйся, я знаю, что это звучит отчаянно и раздражающе, но я знаю, что я делаю. Ну, по крайней мере, мне нравится думать, что я знаю.

Портер молчит в течение секунды, прежде чем начать хихикать.

Хихикать!

Примечание для всех мужчин здесь, если вы слушаете, не хихикайте, когда девушка пытается поговорить с вами о чем-то серьезном. Хотите увидеть «Особую Красную Точку», идите напролом, хихикайте, когда девушка пытается завести серьезный разговор. Увидите, что произойдет.

— Я просто жду, когда ты перестанешь злиться на меня.

Карабкаюсь по одеялам, в которых я тону, я наконец-то сажусь и смотрю на Портера.

— Ты знаешь, что я на тебя злюсь, и ничего не делаешь для этого?

Он поворачивается на бок и подпирает голову рукой. Если он пытался выглядеть, как модель в календаре с несколькими сексуальными снимками в кемпинге, то могу просто сказать... прибейте меня! Сволочь!

— Так веселее.

— Веселее для кого? Не нахожу ничего веселого в этом.

— Серьезно? Потому что, как мне кажется, ты злишься и это точно справедливо. Но,

давай будем честными, ярость, которая кипит внутри твоей милой, маленькой головке, в скором времени превратится в кое-что получше. Подсказка, я произнесу милые и заботливые вещи, от которых у тебя выпучатся глазки снова, и это в свою очередь приведет нас к сближению. И это будет неплохо, потому что сближение включает в себя мой язык у тебя в горле и мою руку в твоих штанах.

Часть меня хочет убраться прочь из палатки, забросать его лицо несколькими камнями, как будто я собака, пытающаяся закопать свое дерьмо, но другая половина меня хочет расцеловать его очаровательную ухмылку на лице. Если бы было светло, я знаю, что могла бы увидеть его ямочки.

Уф, камни в лицо или вечеринка поцелуев? Что за сложный выбор.

— Да ладно тебе, ты же знаешь, что я просто шел на поводу у того, что говорил Пол, — Портер хватает мою руку и начинает свою сладкую речь. — Ты действительно собираешься злиться на эту незначительную вещь, когда мы, наконец, проведем ночь вместе, в спокойствии? Ты же знаешь, что я ждал эту возможность, с тех пор как ты вместе со мной совершаешь это гребаное путешествие.

Не ведись на это, не сдавайся так быстро.

Большим пальцем он поглаживает тыльную сторону моей ладони, и вы можете поверить, что это сработало? Ну, так и есть. Не судите меня, он действительно хорош в поглаживаниях пальцами.

— Я все еще зла на тебя, — говорю я, пока позволяю ему перетянуть себя на него. Он перекачивается на спину и обхватывает мое лицо.

— Нет, это не так. Ты не можешь злиться на меня.

Я отстраняюсь и смотрю на него «ты-серьезно» взглядом.

— Эх, ты хочешь поговорить о последних четырех годах?

— Убедительный довод, — он хихикает. — Давай не будем говорить об этом.

— О чем ты хочешь поговорить?

— Как избавиться от твоей одежды и запихнуть тебя в мой спальный мешок.

— Ты немного опережаешь события, тебе так не кажется? — спрашиваю я, мое тело уже начинает гореть от мысли быть абсолютно голой рядом с Портером.

— На самом деле нет, — улыбка растягивается на его лице, когда его руки проскальзывают под мою рубашку. Его брови поднимаются, когда я понимаю, что не надела лифчик. — Ты пытаешься убить меня, Марли?

— Зачем мне делать это? Ты не будешь полезен для меня мертвым. Я не увлекаюсь некрофилией.

Портер смеется.

— Чертов Пол и его возбуждающие пристрастия. Это был действительно забавный разговор.

— Эй, я вынуждена находиться рядом с ним, поскольку он мой брат, но у тебя есть выбор. Ты можешь слоняться поблизости.

Портер нежно растирает руками мою спину, которые такие же большие, как ширина моей спины. У этого мужчины невероятно сексуальные руки, я разве еще не упоминала об этом? Ну, это правда.

— Мы были связаны более дурацкими вещами, когда были младше, ты не можешь изменить тот тип связи спустя годы. Плохие волосы и грязные усы, вот когда мы действительно наладили свои отношения.

— Да, не напоминай мне про усы, я думаю, тогда был единственный раз, когда я совершенно не запала на тебя.

Приподнимая лихую бровь, Портер говорит:

— Запала на меня? Когда это началось? Я думал, это произошло в твоём выпускном классе, когда я смог привлечь твоё внимание.

Я прикрываю руками лицо, когда понимаю, что только что открыла банку с использованными презервативами, также известную, как кучу неприятностей. Я хотела бы быть немного изобретательной, но теперь это не имеет значения.

Я сгораю от стыда. Рассказывать о своей продолжительной симпатии, что он понравился тебе в первый же день, когда вы встретились, — никогда не будет легко, особенно, когда он выглядит, как более красивая версия Генри Кэвилла, если такое вообще возможно.

— Почему ты прячешь своё красивое лицо? — Портер хватается за мои руки и вынуждает посмотреть на него. — Когда ты запала на меня?

Я сильно выдыхаю и зажмуриваю глаза, когда отвечаю ему.

— В тот момент, когда впервые тебя увидела. Я подумала, что ты был самым красивым мальчиком, которого я когда-либо видела.

— В первый день? — спрашивает Портер шокировано. — Но я был такой неуклюжий и грязный.

Очень «женственное» фырканье вылетает из моего рта. Я быстро прикрываю рукой нос, но слишком поздно, лицо Портера все в моих соплях.

Вы когда-нибудь наблюдали, как кто-то случайно выплевывает кусок еды в замедленной съемке? Вы рассказываете, как хорошо проводили время, и по какой-то непонятной причине, они становятся немного оживленными, и вы наблюдаете, как наполовину пережеванный кусок ростбифа вылетает из их рта и медленно — о, чертовски медленно — приземляется на вашу щеку. Вы делаете вид, как будто не почувствовали этого, пока они продолжают разговаривать с вами, не осознавая, что только что одели вас в мясо. Вы умоляете свои руки оставаться на месте, пока вы считаете до двадцати, прежде чем невзначай потянуться к своему лицу и стереть говяжьё тушку, которая развалилась на вашей скуле.

Почему я затронула это? Потому что, когда я фыркнула, как в замедленной съемке, я наблюдала, как мой нос разбрызгивает соплю на лицо Портера, капля за каплей. Он ненадолго закрыл глаза, когда слизь покрывала его.

— О, Господи! Мне так жаль.

Не обращая внимания на мои чувства, он берет свой рукав и вытирает лицо. Когда все очищено, он перекачивает меня и заводит мои руки над моей головой, мое тело под ним, он все еще в спальном мешке.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Ты сморкнулась на меня, думаю, я должен вернуть этот должок, — он опускает голову ниже и начинает фыркать.

— Нет! — я практически кричу, надеюсь, не разбужу Пола и папу.

— Шшш, — он смеется. — Ты не можешь так кричать. Сейчас у тебя есть два варианта, ты можешь позволить мне сморкнуться на тебя, или можешь снять всю одежду и позволить мне делать все, что я захочу.

— Все, что захочешь?

— В пределах разумного, — он улыбается. — Главные вещи, которые мы можем обсудить в первую очередь.

— Хмм...ты сморкнешься или облапаешь меня. Думаю, я выбираю — сморкнуться.

— Очень смешно, — говорит он, прямо перед тем, как его губы находят мою шею. Его тело раскачивается надо мной, освобождая его от спального мешка, в то время как его губы творят чудеса на моей коже.

— Ты охрененно вкусная, малышка.

Мои соски мгновенно становятся твердыми от его комплимента. От него требуется немного.

— Ты очень приятно пахнешь, — я хвалю его. — Это не из-за твоего одеколona, который я так сильно полюбила, это из-за твоего мыла.

Его губы замирают на секунду, прежде чем продолжить целовать мой подбородок, не удосужив меня ответом. Вместо этого, он отпускает мои руки, которые только что были надо мной, чтобы стянуть мою рубашку через голову, обнажая меня прохладному, ночному воздуху, витающему в палатке.

После одного только взгляда, его глаза становятся мрачными в тот момент, когда он видит мою грудь. Его руки блуждают по моему телу вверх к моей груди, где он обхватывает их и пробегается большими пальцами по моим соскам, его губы продолжают оставлять отпечатки на моей шее.

Если бы я все еще не путешествовала с моими папой и братом, и вернулась домой в Лос-Анджелес, я бы попросила Портера поставить мне засос. Не судите меня, это то о чем я всегда мечтала.

Нуждаясь в большем, я хватаю его рубашку и тяну ее через его голову. Мои руки блуждают по его четко очерченной груди фермерского мальчишки, сквозь легкую россыпь волос, я знаю, что он наверняка их подстригает до нужной длины, чтобы завести девушку. Его треники низко сидят на нем, и я понимаю, что он не надел белье. Из-за отсутствия барьера, я опускаю руки и стягиваю его штаны вниз, оголяя его задницу.

Его бедра трутся об меня, демонстрируя свою внушительную эрекцию. Каждый раз, когда у нас была близость, мы делали все немного медленнее, но я чувствую настойчивость в его прикосновениях, только из-за того, что он практически всасывает мое лицо.

— Я хочу большего, Портер.

Его губы отстраняются от меня, и он смотрит на меня похотливым взглядом. Он потерян в желании, это можно сказать по его неменяемому виду.

— Каким способом ты хочешь большего?

Это всегда неудобно говорить для меня, но я все равно скажу.

— У тебя есть презерватив?

Его дыхание становится тяжелее, захват моей левой груди становится жестче, и он снова проводит своей эрекцией по моей ноге.

— Что если у меня есть? Ты разозлишься?

— Все зависит от того, когда ты его купил?

— Сегодня утром на заправке.

Я смеюсь над его передернувшимся лицом.

— Чувствовал небольшую удачу сегодня утром?

— Больше похоже на желание благодарить толстые пальцы ног Пола, что мы смогли получить возможность остаться наедине.

— Ты действительно знаешь, как уболтать девушку.

— Скажи мне «да».

Я знаю, что надежда и сильное желание в его глазах соответствуют моим, поэтому я киваю. И на этом наш разговор закончен.

Наши рты сталкиваются, а наши руки исследуют тела друг друга. Он медленно стягивает вниз мои штаны, в то время как я делаю то же самое, пока мы оба не остаемся обнаженными, прижимаясь телами друг к другу.

Его эрекция напрягается у моей ноги, его тело напряжено от того, что произойдет, а его сердцебиение подстраивается под мое. Пот покрывает нашу кожу, который быстро охлаждается в воздухе, витающем в палатке.

Наши языки переплетаются в эротическом танце, наши руки шарятся повсюду, пытаюсь ощутить друг друга намного больше, чем это возможно. Когда я слегка провожу ногтями по его коже, его губы покидают мои и спускаются вниз к моей груди, где незамедлительно втягивают сосок. Мое тело выгибается над полом от его прикосновения, вдавливая мою грудь ближе к его рту. Он облизывает комочек, посасывает его, и покусывает, пока я извиваюсь под ним, не в силах больше терпеть.

Он отпускает меня, а затем проделывает все то же самое с другим моим соском. Я лежу, не в состоянии сделать что-либо, нечто необыкновенное он заставляет меня почувствовать, удовольствие, которое грохочет внутри меня.

Мое тело горит, мои ноги тяжелеют, и покалывание начинает ползти вверх по моей спине. Его рука блуждает вниз к моей лобковой кости, где он слегка поглаживает местечко ниже моего пупка, превращая все мое тело в раскаленную лаву.

— Ты вся такая сладкая, Марли. Я не могу насытиться тобой.

Он продвигается дальше по моему телу, пока его голова не располагается между моих ног. Он разводит мои колени своими руками и сильнее углубляется, его губы целуют меня в самом интимном месте. В прошлый раз, когда Портер достигал моего низа, он ненадолго задерживался, уделяя должное внимание этому, но в этот раз он использует все свое время, целуя меня и очень, очень легонько облизывая мою щелку, так что практически не применяет давления.

Не могу ничего поделать, когда мои руки тянутся к его голове и вдавливают его сильнее, но он хватает их и удерживает по бокам вдоль моих ног, так что я полностью беззащитна и не в состоянии что-либо сделать.

Его поцелуи продолжают двигаться от ноги к ноге через мой лобок, сводя меня с ума, пока я не понимаю, что стала влажной и дрожу. Как будто совершенно отдельное сердцебиение находится в моей киске, сводя меня с ума.

— Пожалуйста, Портер.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — он мурлычит надо мной, отправляя вибрации во все правильные места. — Скажи это.

Я никогда по-настоящему не ругалась, но сейчас тот момент, когда это уместно.

— Трахни меня своим языком.

По моей просьбе Портер располагается, чтобы заняться именно этим, но с длинными, ровными поглаживаниями. Его рот полностью накрывает мой бугорок, а его язык ныряет глубже, проходясь по всем нужным местам.

От его долгого, тяжелого упорства, удовольствие пронизывает мои ноги до самых кончиков пальцев ног. Мои руки сжимают одеяло подо мной, теплый пот выступает на моей

коже, когда я встречаюсь со своей кульминацией.

Под его давлением я вздрагиваю рядом с его языком, ощущая, как волна за волной обрушивается на меня. Я вся дрожу под ним и сдерживаю крик, который пытается вырваться из моего рта от пульсации моей киски.

— Охх... мой... — я выдыхаю, не в состоянии сказать что-то связанное.

Портер шуршит около меня, пока я не замечаю знакомый звук открытия презерватива. С той небольшой энергией, которая еще во мне осталась, я наблюдаю, как Портер раскатывает его, каждый мускул перекачивается под ним.

Вернувшись в свою позицию, он пристраивается ко мне и хватается за ноги, располагая их на своих плечах. Он слегка толкается вперед, так что я могу почувствовать кончик его члена у моего входа. Я тяжело дышу, понимая, что это тот момент, которого я ждала. Я задерживаю дыхание и смотрю Портеру в глаза, когда он начинает входить в меня, дюйм за прекрасным дюймом.

К счастью йога сделала свое дело, так что, когда он кладет свои руки на пол и сгибает мою нижнюю половину, мне не больно.

— Блять, — говорит он с закрытыми глазами. — Ты такая чертовски гибкая.

Хоть я и не ругаюсь, но слушаю страсть в голосе Портера, когда он ругается, я завожусь еще больше. Он открывает глаза, и я замечаю небольшую уязвимость в них, когда он движется во мне.

Помните тот небольшой изгиб, о котором я вам рассказывала, когда описывала его член? О, да, я была права, это дополнительный бонус, который достигает нужного места в глубине моего канала. Дрожь проходит по моему телу, когда он толкается в мою точку G, один толчок за раз.

Ритм его движений совпадает с моим сердцебиением, которое кричит, стуча в моей груди. Я никогда не была такой завершенной в своей жизни. Мальчик, который завладел моим сердцем много лет назад, сейчас занимается со мной любовью, смотрит мне в глаза, когда толкается в мое самое интимное местечко.

Внутри мое тело сгорает от желания, когда он удерживает меня в плену своих глаз и тела. Я не могу не смотреть в его глаза, а также наслаждаться его совершенным телосложением, которое сгибается и перекачивается с каждым движением. Я никогда не испытывала ничего такого же эротичного.

Прежде чем я смогла остановиться, я напрягаюсь под ним и закусываю губу, чтобы сдержать крик, который уже на кончике моего языка. Я сжимаюсь вокруг него, и все мое тело содрогается. Его бедра движутся быстрее, когда накатывает моя кульминация, волна за волной наслаждение пронизывает меня. Бормотание слетает с его губ, когда он достигает края своего оргазма, срывается в него, вдальбываясь в меня, пока я пользуюсь моментом на полную катушку.

Его бедра замедляются, но дыхание остается неравномерным, пока он захватывает воздух, он все еще смотрит на меня. Он отпускает мои ноги и руки, пока сам опускается своим телом на меня. Своими руками он обхватывает мое лицо, убирая выбившиеся пряди волос в сторону. С любовью, он наклоняется вперед и целует меня в лоб, его губы прижимаются ко мне дольше, чем я ожидала.

Момент такой интимный, ласковый и романтичный. Если я еще не любила этого мужчину, тогда прямо сейчас я могла бы влюбиться в него, но не по этой причине, потому что он всегда владел моим сердцем.

Глава 16

Марли

— Ну, пора было бы мне уже позвонить, ты шлюшка, — Мариса говорит в трубке.

Прошла ночь была... я даже описать не могу ее. Заниматься любовью с Портером под звездами снова и снова, пока мы не рухнули без чувств, — эту ночь я никогда не забуду. Она была идеальна.

Я проснулась этим утром с огромной улыбкой на лице и с дополнительной уверенностью в походке. Когда я была готова к новому дню, я чувствовала, как песня «Walking On Sunshine», играет везде, куда бы я не пошла. Я буквально, никогда не была так счастлива в своей жизни. Если бы только мне не нужно было бы сдерживаться, чтобы мой папа и Пол даже не думали о том, что что-то происходит.

Именно поэтому, я отошла от лагеря на секунду, чтобы поговорить с Марисой. Я должна выпустить немного радости, которая заключена во мне. Я нашла старый вагон на территории лагеря, который использовался в качестве украшения, и решила присесть на ступеньки, ведущие к маленькой двери.

— Извини. Было немного суматошно. Что-то типа безудержного семейного веселья.

— Да, да. Расскажи мне о Портере. Последнее сообщение, которое я от тебя получила, было о том, что он поцеловал тебя. Что-нибудь еще произошло?

— Это прекрасное путешествие, Рисс. Мы видели «Город-Призрак», гигантские ветряные мельницы и «Синего Кита». Люди невероятно милые...

— Я собираюсь вылететь в Миссури только для того, чтобы надрать тебе зад, если ты не получила кое-что хорошее. Давай же, Марли!

Я смеюсь и оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что никого нет поблизости.

Я вздыхаю и прислоняюсь головой к стене вагона, когда пристально смотрю в небо.

— О, мой Бог, Рисс. У меня была самая лучшая ночь в жизни, чертовски запоминающаяся. Я проникла в палатку Портера.

— Как ты провернула это с Берни?

— Сказала ему, что хочу спать од звездами.

— И он купился на это?

Не буду врать, я была шокирована, что он согласился.

— Да, он не сильно сопротивлялся.

— Хорошо, Берни-Мэн позволил тебе провести ночь под звездами, так что произошло?

Перематывая в своей голове прошлую ночь, я сообщаю Марисе, что произошло между мной и Портером.

— Сначала, мы просто шутили, но потом стал жарко, в смысле действительно жарко. Он набросился на меня... в трейлере.

— Да ладно!

Я практически шепчу в телефон.

— Рисс, я никогда не кончала так сильно в своей жизни... так было до того, как он занялся со мной любовью прошлой ночью.

— Что? Я сейчас умру. Он не сделал этого. Сделал?

— Он действительно сделал это, и это было невероятно, Рисс. У меня был хороший

секс, но этот был полностью другим. Мне казалось, что я наконец-то занималась любовью с родственной душой. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. Я проснулась этим утром, лежа на его груди, а его руки прижимали меня ближе к нему. Я не могу прекратить улыбаться.

Мариса визжит в трубку, и я так и представляю картинку, как она носится по комнате от восторга.

— Марли, я так рада за тебя. Что он сказал тебе этим утром?

— Только, что прошлая ночь была невероятной и потом мы целовались, пока не услышали звуки, доносящиеся из трейлера. Мы быстро прервались и натянули свою одежду. Портер вышел из палатки первым, а задержалась немного дольше, притворяясь, что все еще сплю, но на самом деле я прокручивала прошлую ночь снова и снова в своей голове.

— Я чувствую, как влюбляюсь в эту историю. Мое маленькое, романтическое сердечко не выдержит этого. Итак, каков план? Что происходит сейчас?

Что происходит сейчас? Я была настолько поглощена Портером, что даже не думала о том, что будет после путешествия.

— Эм, я не знаю, — мой голос дрожит.

— Что значит — ты не знаешь? Он собирается переезжать в ЛА? По тому, как ты его описала, он должен походить на что-то вроде накачанного эмо. Фланель, несомненно, идет ему, хотя, здесь не достаточно холодно, чтобы носить ее.

Мариса продолжает говорить, пока я пытаюсь представить, как все это будет выглядеть между мной и Портером.

— Марли, ты здесь?

— Да, извини. Просто задумалась.

— Дай угадаю, ты еще не разговаривала об этом.

— Не совсем. В смысле, у нас был просто секс впервые прошлой ночью. Мы даже не думали разговаривать об этом после, учитывая то, что мы еще слишком заняты, чтобы ездить в город друг к другу.

— Ты думаешь, он переедет?

— Я не знаю, — говорю я, качая головой. — В смысле, он работает на ферме с моим отцом. Я не знаю, сможет ли он уехать. Портер — единственный, кто помогает моему папе.

— Ну, ты не переедешь обратно в Нью-Йорк, — слышно отвращение в голосе Марисы, и появляется что-то вроде острой боли, когда слушаю, как она плохо говорит о месте, где я выросла.

— Нью-Йорк прекрасен, Мариса. Там есть красивые и необычные места, особенно там, где я выросла.

— Там фермы.

— Да, и очень хорошие. И чтобы ты знала, фермы, которые помогаю этой стране выжить, так что прежде чем совать туда свой нос, я бы подумала дважды, — я начинаю защищаться.

— Эй, я не хотела тебя обидеть, Марли. Извини. Я просто пытаюсь выяснить, как все это будет происходить.

Только я собираюсь ответить, как Портер выходит из-за угла и замечает меня с восхищенным выражением лица. Он одет в джинсы, в наполовину заправленную в них рубашку с длинным рукавом, которая демонстрирует очертание его рук, и, конечно же, его красная кепка. Походкой тысячи моделей-мужчин он направляется прямо ко мне.

Я отвечаю Марисе и быстро завершаю разговор.

— Когда я выясню, я дам тебе знать. Мне пора идти. Поговорим позже, Мариса. Люблю тебя.

— Люблю, — говорит она быстро, прежде чем я отключаюсь.

Портер подходит ко мне и встает у меня между ног, приподнимает меня на ступеньки, так что теперь я на одном уровне с ним — вот настолько он выше меня.

— Разговаривала со своим парнем? — шутит он.

— Да, он интересовался, не хочешь ли ты заняться сексом втроем.

Несмотря на мой стянутый желудок, я продолжаю поддерживать хорошее настроение, потому что сегодняшней день обещает быть веселым, полным воспоминаниями о моей маме, и завершением последнего путешествия, которое она планировала.

— Ни малейшей гребаной надежды, — Портер притягивает меня ближе, и, не оглядываясь по сторонам, хватает меня за затылок, отчего мои губы сталкиваются с его собственными. Его язык ищет мой, а другая его рука крепко удерживает меня за талию, чуть выше мой тазовой кости.

Я растворяюсь в его прикосновении, теряясь снова.

— Черт, Марли. Почему мы не можем быть одни в этой поездке?

Я улыбаюсь ему и поправляю его кепку.

— Если бы так было, то мы бы нигде не побывали. Вероятно, мы по-прежнему были бы в Оклахоме.

— Ты права, — он быстро целует меня в губы, а потом сжимает мои руки и поднимает их к своим губам. — Нам нужно идти. Твой отец заканчивает паковать трейлер, а Пол моет посуду после завтрака.

— Как тебе удалось избежать этого?

— Битва большими пальцами. Большой палец твоего брата намного меньше и слабее по сравнению с моим. Он раздул большую проблему из-за своего проигрыша, поскольку он всегда выигрывал у тебя. Мне действительно интересно, как он служил нашей стране в течение четырех лет. У него должно быть есть то гребаное золотое сердце.

— Единственное объяснение, которое у меня есть, — говорю я, тому, как Портер с любовью говорит о Поле.

Бывают моменты, когда я хочу задушить Пола, но он все еще мой единственный родной брат и единственный на кого я могу положиться в семейных путешествиях. Он был моим лучшим другом, пока мы росли, но, возможно, я не была его.

— Давай, детка, они начнут искать нас.

Он спускает меня со ступенек и оборачивает свою руку вокруг меня, притягивая мою голову для поцелуя. Мы идем так, пока не приближаемся достаточно близко к лагерю, именно, тогда Портер аккуратно отталкивает мое плечо в сторону и подмигивает мне, его улыбка режет меня пополам.

Потом он бежит меня спереди, предоставляя мне изумительный вид на его зад, заверченный этими идеально сидящими джинсами. Я наблюдаю, как Портер дает пять Полу, а потом хлопает по спине моего папу. Они все так хорошо ладят, не могу представить их, ненавидящих тот факт, что между мной и Портером что-то есть, за исключением того факта, что они захотят узнать намерения наших обнимашек. И, честно говоря, я понятия не имею, что это все значит, кроме веселья, но если это именно так, то я развалюсь на части.

— А вот и моя девочка. Насладилась звездами прошлой ночью?

— Да, спасибо, пап.

— Готова к дороге? Сегодня тот день!

— Я готова, — улыбаюсь ему «порвем ее» улыбкой.

Папа отходит и хватается сумку, которая лежит на ступеньках «Тэси».

— Я взял на себя смелость постирать все наши футболки «Шоссе 66» для сегодняшнего дня. Я подумал, что было бы не плохо для нас выглядеть одинаково, когда мы доберемся до Матери всех хот-догов.

Мне двадцать два и одинаково одеться со своей семьей не на вершине моего «Листа желаний», но сегодня не обо мне. А о моей семье и чествовании моей мамы, поэтому я хватаю футболку у папы и натягиваю ее поверх моей рубашки с длинным рукавом. Пол и Портер делают также. Папа уже надел свою и выглядит совершенно потрясающе, как и обычно.

Мы оглядываемся, и Пол спрашивает:

— Фото?

— Фото, — подтверждаю я и бегу в «Тэси», чтобы захватить свой Полароид и рамку с мамой.

Владелец кемпинга был довольно любезен, чтобы сделать наш снимок, чтобы мы не пытались сделать селфи с помощью Полароида.

Портер обнимает меня рукой и прижимает к своему боку, и мы все смотрим в камеру и улыбаемся.

Папа прочищает горло и говорит:

— Скажите сыр!

Пытаться переписываться с Портером, который всего в нескольких метрах не так-то просто...совсем не просто.

Наша первая остановка в Иллинойсе — Атланта. Это не очень большой город, но здесь есть одна огромная вещь, с которой нам не терпелось сфотографироваться. Нет, это не Гиганты Джемми, который имеют забавную игру слов, а их собрат: Пол Баньян — да, звучит как Funуап, но только с буквы Б.

Пол Баньян в Атланте, Иллинойс, — один из «Человек-Глушитель» на «Шоссе 66» с самого его расцвета. Он сидит перед кафе, приветствуя усталых путников, проезжающих через штаты. В 1965 он переехал из Сисеро в Атланту, где владелец сменил название гигантского человека, чтобы избежать проблем кафе с торговой маркой. Теперь он достопримечательность на «Матери Всех Дорог», в красной рубашке, синих штанах, и готовый к своему — ОГРОМНОМУ хот-догу.

Да, именно так. Я сказала «хот-дог».

Стоя в высоту девятнадцать футов, этот мужчина — убийца сосисок из стекловолокна невероятных пропорций, украшает обочину «Шоссе 66». И когда я говорю «сосиски», я имею в виду хот-доги.

Благодаря Полу, я знаю все о Поле Баньяне, что мне совсем не хочется признавать, что мне вроде как понравилась узнать о «Человеке-Глушителе» на «Шоссе 66». Эти достопримечательности из стекловолокна привлекали семьи остановиться и сделать снимок. Они привлекли клиентов к бизнесу и быстро стали торговой маркой на дороге. Джонни Гудди играет по радио, Пол и папа барабанят по приборной панели и играют на воображаемой гитаре, в то время как я отстукиваю ногой ритм, невозможно устоять, когда

дело доходит до Чака Бэрри.

Я таращусь в свой компьютер, соображая, как описать использование вина в качестве смягчителя кожи — спасибо Тэри Хатчер — когда сообщение всплывает на моем телефоне. Я смотрю вниз и вижу неизвестный номер.

Открыв телефон, я читаю его.

Это странно, что я думаю, что ты выглядишь сексуально в этой рубашке, когда твой папа и брат одеты в такие же?

Я улыбаюсь от этого сообщения, понимая, что оно от Портера. Не глядя на него, я сохраняю его номер и пишу ответ.

Марли: Да, кажется, что ты хочешь что-то сделать с моим отцом. Не знала, что ты по коренастым мужчинам.

Он отвечает моментально. Я быстро смотрю на него, прежде чем ответить. Он сгорбился в своем кресле и держит свой телефон низко на коленях обеими руками, ожидая моего ответа.

Портер: Это моя слабость. Хорошая борода и пивной животик заводят меня постоянно. Не говори никому.

Марли: Я буду свято хранить твою тайну.

Портер: Знаешь, когда я не кружу по улицам в поисках коренастых мужиков в карго-брюках с карманами полными мятной жвачки, я имею виды на симпатичных брюнеток с голубыми глазами, которые могут сожрать тебя живьем одним взглядом.

Марли: Ты флиртуешь со мной?

Портер: А это работает?

Марли: Неее, я не такая легкая добыча.

Портер: Позволю себе не согласиться.

— Эй, — говорю я вслух, прежде чем зажимаю рот рукой.

— Да, Пуговка? — папа убавляет музыку и Пол поворачивается вокруг. Портер сидит с боку и смеется, его плечи двигаются вверх и вниз.

— Ээ, мне показалось, я увидела оленя.

— Ты так давно живешь в Лос-Анджелесе, что приходишь в восторг, увидев оленя? Ты ведь знаешь, что выросла в пригороде Нью-Йорка? — спрашивает Пол.

— Полагаю, я просто настолько привыкла к вычурным мальчикам-серферам, застрявших в пальмовых ветках, поедающие свои бургеры навынос.

Это не правда, но я не знаю, что еще сказать.

— Ладно...

Они снова прибавляют громкость, и я смотрю в телефон, чтобы просмотреть еще одно сообщение от Портера.

Портер: Вычурные мальчишки-серферы, поедающие бургеры на вынос на пальмах? Я могу представить их болтающимися на пальмах, но не уверен насчет части с бургерами, если только... они были в «зверинном стиле»? Тогда я точно могу представить себе это.

Быстрая заметка для тех, кто никогда не был в закусочных на вынос. Во-первых, добавьте их в список ваших дел до смерти, во-вторых, у них есть секретное меню. Поищите его в интернете. Может показаться, что у них нет такого секретного меню, но они кучка лжецов! У них есть оно. Закусочные на вынос имеют секретное меню и одно из него — это

особая маленькая штучка под названием «Звериный стиль». Это способ, которым украшают ваш бургер и картошку фри. Если вы попросите двойной «Звериный стиль», то увидите, что получите двойной бургер, обжаренный в горчице, пропитанный их секретным соусом и поджаренным луком, с помидорами, листьями салата, двумя кусочками сыра и маринованным огурчиками. Одна из лучших вещей, который вы когда-либо клали себе в рот.

Марли: Абсолютно уверена, что у них был «Звериный стиль».

Портер: Тогда все становится логичным. Расскажи мне, Шарик, над чем ты работаешь там?

Марли: Пишу блог. Тери Хатчер утверждает, что вино смягчает кожу, если принимать ванну вместе с ним. Просто добавляешь немного в воду. Я еще не попробовала, но сделаю это, когда вернусь домой.

Портер: Не откажусь помочь в этом проекте. Я хорош в удерживании голой женщины в ванне.

Марли: Ох, серьезно? Частенько занимаешься этим?

Боковым зрением я замечаю, как его передергивает.

Портер: Что-то я ляпнул, не подумав об этом. Нет, вообще-то я никогда не принимал ванную с женщиной.

Марли: Это меня удивляет. Ты похож на парня, который действительно опытен в этом.

Портер: Ты действительно удивишься, когда узнаешь, что у меня совсем небольшой опыт. У меня было всего три женщины, включая тебя.

Я перечитывала его сообщение, наверное, раз пять, прежде чем до меня дошло. У Портера было всего две другие женщины? Как такое возможно? Я даже не хочу, чтобы он знал количество мужчин, с которыми я спала тогда... черт!

Портер: Не веришь мне?

Ошарашенная, я пишу ему ответ.

Марли: Эмм... Я просто не ожидала от тебя такого.

Портер: Я никогда не спал с кем попало. Мне нравится секс и нравятся отношения. Обычно я складываю все вместе.

Эта маленькая пикантная подробность заставляет мои чувства порхать и петь романтические оды небесам. Он дурачится только с теми людьми, с которыми он в отношениях. Это повышает мое настроение касаясь того, что может произойти с нами, когда путешествие закончится. Попробует ли он проделать эту работу между нами?

Марли: Очень похвально для тебя.

Портер: Сколько у тебя было мужчин?

Дерьмо! Какой мужчина захочет знать это? Мои ладони мгновенно начинают потеть, пока я обдумываю, что ему ответить. Ни за что не скажу ему свое число, когда у него было всего две другие женщины.

Марли: Ты что не знаешь, что никогда нельзя спрашивать у женщины ее число? Это невежливо, Портер.

Портер: Не возражаю быть грубым временами. Давай же, скажи мне.

Ммм... я хочу топнуть ногой, как трехлетний мальчик, которому только что подарили строительный грузовик и отобрали его, потому что он протаранил голень своей мамы. Я не хочу разговаривать на эту тему, но глядя на лицо Портера, — он не собирается закончить

его, поэтому я уступаю.

Марли: *Ладно, двое мужчин.*

Угу, я солгала и ни капельки не чувствую себя виноватой.

Портер: *Ты такая врушка. Попробуй снова, малышка.*

Черт бы его побрал!

Марли: *Ненавижу тебя. Десять мужчин, включая тебя, счастлив?*

Я вижу, как Портер поднимает на меня взгляд и говорит одними губами «Десять?» с удивленной ухмылкой. Не раздумывая, я показываю ему средний палец, он хихикает, набирая другое сообщение.

Портер: *Вау, не знал, что ты была такая развязная девчонка. Поскольку мне посчастливилось стать номером десять, можешь ответить мне кое-что?*

Марли: *С чего это десятый номер дает тебе право задавать мне вопрос?*

Портер: *Так устроена жизнь. Итак, ответь мне, кто был лучшим?*

Марли: *Этот мужчина — ты.*

Портер: *Спасибо. Теперь ответь на мой вопрос.*

Марли: *Ты действительно хочешь знать? Ладно, это Брэндон из колледжа. У него был член размером с сосиску Пола Баньяна. Одной ночи с ним хватило бы девушке на всю жизнь. Двадцать оргазмов за ночь, безусловно, рекорд Гиннеса.*

Портер: *Вообще-то, по словам твоего брата и Книги рекордов Гиннеса, женщина, у которой было шестнадцать оргазмов за час, повторила это еще восемь раз, что превосходит твои двадцать. Похоже, после этого, он не очень то и хорош во всем этом.*

Марли: *Ты раздражаешь, в курсе?*

Портер: *Вообще-то я высказал свое восхищение проделанной им работой.*

— Эй, давайте сыграем в игру «Свист», — говорит папа, убавляя радио. — Мы не играли в нее всю дорогу.

Игра «Свист». Это кровавая баня развлечений, по этой причине Пол получил свой первый фингал под глазом, и это одна единственная игра, в которую мама запретила нам играть. Чувства ранят, оскорбления летят в лицо и волосы на руках угрожают быть выдеранными с корнем. Это не безопасно, но это самая увлекательная игра, в которую вы когда-либо играли со своей родней.

— Но мама запретила игру «Свист» на все путешествия, после того как Марли ударила меня головой об стол и кинула мне в лицо пустой пачкой Funyuns.

— Ты пытался закрыть мне рот, чтоб я не смогла ответить, и после четырех облизываний твоей потной ладонки, я вынуждена была приступить к действиям.

— Я закрывал твой рот только потому, что ты продолжала пинать меня по голени своими бутсами со стальными носами, которые ты постоянно носила.

— Не наговаривай на мои ботинки. Я надела их только для того, чтобы могла пнуть тебя достаточно сильно, чтобы ты запомнил свои ошибки.

Это правда. Я много пинала Пола, особенно по яйцам. Если он не способен будет иметь детей с Саванной, то он может обоснованно винить меня в этом. Как младшей сестре, наблюдать за тем, как твой брат погибает от боли от удара по промежности, это было слишком бесценно. Я клянусь, он заслужил каждый удар по орехам. Вы уже узнали Пола, скажите мне, разве он не заслуживает пары ударов по его камушкам несколько раз за все это путешествие, если все это только напоминает ему тот факт, что он мужчина.

— Теперь не будет пинков, только дружелюбный разговор, где все будут победителями.

— Ни за что, — Пол трясет головой. — Если мы собираемся сделать это, то сделаем все правильно. Марли, захвати жевательные конфеты. Мы сыграем на застывшую фруктозу.

— Ты в игре, — я иду к кухонным шкафчикам и хватаю конфеты, пока Пол пересаживается на скамейку рядом со мной. Он играет с моим телефоном, пока ждет меня и меня охватывает ужас, когда он смотрит в него. — Не трогай мои вещи, — я шлепаю его по лбу и отбираю телефон.

Мгновенно, Пол хватается за свой лоб и говорит:

— Эй, мы еще даже не начали играть.

— Ну, пусть это будет напоминанием о том, на что я способна, не связывайся со мной.

Я закрываю свой компьютер и отталкиваю его в сторону. Я сажусь рядом с Полом и выкладываю жевательные конфеты.

— Мы все начнем с десяти. Тот, кто не сможет правильно угадать песню, берет конфету соперника. Если угадываете правильно, то даете своему сопернику конфету из своей кучи. Первый, кто наберет тридцать, выигрывает.

— Эм, а я в игре? — спрашивает Портер сбоку. Он разворачивает свою кепку задом наперед и наклоняется вперед. — Я практически уверен в своей способности сделать вас обоих.

Мы с Полом переглядываемся и взрываемся от смеха.

— Конечно, Портер, уверена, что ты можешь сыграть, — говорю я монотонно. Я даю ему несколько конфет, одновременно меняя правила. — Если вы угадываете правильно, то можете выбрать чью конфету возьмете, и вы можете взять только одну из кучи. Увидим кто победит.

— Как мы будем угадывать песни? — спрашивает Портер.

— Ох, забыла про эту часть. Папа будет насвистывать песню, первый кто выкрикнет название песни — выигрывает раунд. Пап, нам надо называть имя певца?

— Думаю, мы начнем с названий, поскольку мы не играли в нее некоторое время.

Мой телефон вибрирует в руке, и прежде чем мы начнем игру, я смотрю в него и быстро читаю сообщение от Портера.

Портер: К сожалению, ты провалишься, малышка. Проигравший танцует победителю приватный танец. Согласна?

Мое сердце делает кувырок в груди, и я сдерживаюсь от хихиканья вслух, понимая, что не хочу привлечь внимание Пола, который чересчур любопытный сейчас.

Марли: Согласна. Не выделывайся. Я невероятна в этой игре.

Портер: Увидим.

- Ладно, пап, мы готовы, — говорю я.

Принимая в серьез фразу «промочить горло», папа хватается за свой напиток и прополаскивает рот, прежде чем проглотить — фу, мерзость, знаю — а затем он откашливается.

— Выберем звуки?

— Ох, да. Пол, какой звук ты хочешь?

Пол постукивает пальцами по подбородку, пока думает.

— Я выберу корову.

Закатив глаза, поскольку он всегда выбирает корову, я говорю:

— Корова, в смысле самка кита, или в нормальном смысле корова? Два различия, также

как и два разных звука, — ненавижу, что я помню тираду Пола о самках кита, и то, что их называют коровами. Это раздражает, но его факты приклеиваются к вам.

— Верно подмечено, — отвечает Пол и поясняет — Корова, как настоящая корова.

— Тогда, я выберу утку. Портер, а ты?

На его лице идеальное сочетание растерянности и привлекательности, пока он пытается понять, о чем я говорю.

— Можешь повторить?

— Ты должен выбрать звук животного, чтобы ответить, когда узнаешь папин свист.

Таким образом, он знает, что ты отвечаешь. Чтобы не рисковать, мы можем позволить себе звуки.

— Поэтому вы выбираете животных с фермы?

Я пожимаю плечами.

— Это работает, честно.

— Ладно, тогда я буду хрюкать, чтобы привлечь внимание твоего отца.

Папа прочищает горло и говорит:

— Мудрый выбор, Портер, просто убедись, что ты не захватишь все внимание. *(имеется в виду игра слов, в оригинале hog — свинья, или гл. захватить внимание)*

Мы все в унисон стонем от ужасной игры слов.

— Мы проделали весь путь через Иллинойс без каламбуров, ты не мог подождать еще немного? — спрашивает Пол.

Папа печально известен своими красноречивыми каламбурами. По какой-то причине семейное древо МакМэннов производит рассказчиков каламбуров. К счастью, Пол и я не открыли в себе эти отвратительные гены, пока, но уверена однажды, когда нам стукнет по тридцатке, мы ударимся в них.

— Ох, расслабься, Пол, ведешь себя, как свинья, — добавляет Портер, заставляя моего отца практически надрываться от смеха. *(игра слов — have some swine — ведешь себя, как свинья, или трахнись со свинкой)*

— Ведешь себя, как свинья, ох, не плохо, — папа вытирает под глазами, промокивая свои «слезы». — Мне нужно запомнить это и придержать в своем сейфе. Это просто отличный фермерский юмор.

— Можем мы продолжить? — спрашиваю я, затем поворачиваюсь к Портеру. — Не поощряй его, он довольно таки не плох, когда дело касается каламбуров.

Ответ Портера: подмигивание и улыбка с ямочками.

Отвернись, Марли, отвернись. Он просто пытается отвлечь тебя.

Послушавшись своей логики, я отворачиваюсь и концентрируюсь на своих жевательных конфетах. Время игры.

— Первый раунд. Мычание, криканье или хрюканье, если у вас есть ответ.

Тишина обрушивается на трейлер, колеса крутятся по дороге, эхом разнося шум по салону. Папа начинает свистеть...

— Кря, кря, кря, — выкрикиваю я, ударяя по столу рукой.

— Марли, назови эту мелодию.

— «*I Will Always Love You!*»!

Папа делает паузу для драматического эффекта, прежде чем ответить:

— Правильно!

Кулак взлетает в воздух, я поворачиваюсь к Портеру и прошу его конфету. Он указывает

на свою грудь и пытается сыграть милашку, но я не покупаюсь на это. Я хватаю его жвачку и беру еще одну из пачки.

Следующая песня.

— Му, му, — Пол подпрыгивает вверх и вниз на своем месте прямо тогда, когда я начинаю кричать.

— Поли, назови песню.

— *Whitchy Woman*.

Еще одна долгая пауза.

— Верно.

— Не связывайся со мной, я знаю песни, — Пол смотрит на меня и просит жвачку. Я закатываю глаза и швыряю ее ему, когда он берет еще одну из пачки.

— Ты собираешься играть? Или ты собираешься сидеть здесь и прикидываться красавчиком? — Пол спрашивает Портера.

Самоуверенный ублюдок расслабляется на своем месте, раздвигая ноги, единственная позиция, которую мужчина с его телосложением, может принять. — Просто наблюдаю, не переживай. Я играю.

Следующие две песни мы сражаемся с Полом, Портер изредка хрюкает, но практически никогда не принимает участие или даже не получает возможности ответить.

— Почему мы стремимся победить друг друга? — спрашиваю я у Пола. — Мы должны стремиться сделать это с Портером.

Наши головы резко поворачиваются к Портеру, который ест одну из своих жевательных конфет. ЕСТ ЕЕ! Он что сумасшедший? Конфеты — драгоценное имущество, которое вы не должны портить до окончания игры.

— Ты не должен их есть! — Пол практически орет от ужаса.

Портер смотрит на наполовину съеденную конфету в своей руке и пожимает плечами.

— А, да, она мне очень сильно нравится.

— Ох, ты тянешь себя на дно, — заявляет Пол. — Он не воспринимает игру всерьез. Марли, пришло время вышвырнуть Смита!

— Согласна.

Как ботаники, мы с Полом пожимаем друг другу руки и готовимся к следующей песни, пока Портер хихикает сам с собой.

— Готовы?

Следующую песню насвистывают, и прежде чем Пол и я можем сложить два первых свиста вместе, Портер хрюкает.

— Откуда ты можешь знать, что это за песня? — спрашивает Пол.

Не глядя на нас, Портер говорит:

— *Piano Man*

Кивая, папа кричит:

— Верно!

Взмахивая руками над столом, Пол закатывает истерику.

— Как такое возможно, что ты вообще угадал ее? Ты обманываешь!

— Из-за твоего обвинения, держать руки подальше от конфет, придурок.

Парень абсолютный хрен, когда дерзко себя ведет, но он постоянно абсолютный хрен, удивительно вкусный хрен с мускулами, которые перекачиваются от каждого вдоха, что он делает, пока пульсирует внутри и снаружи тебя.

— Ты там в порядке, Марли? Кажется, ты задыхаешься, — ухмылка Портера демонстрирует его ямочки, и у меня появляется желание врезать ему прямо сейчас по носу. Но зная свою удачу, я сделаю его только более привлекательным, давая ему несовершенство, которое вообще-то привлекательно.

— Я в порядке, — я ерзаю на своем месте, в ожидании следующей песни.

Помните, когда были ребенком, вы рассаживались кругом на ковре-самолете, смотрели на свою учительницу, ожидая узнать какую песню будете петь хором, ожидание убивало. Потом они включали неожиданно миниатюрный бумбокс — для тех из вас, кто слишком молод, чтобы знать, что такое бумбокс, — это музыкальный проигрыватель с большими динамиками, как iPod, но гораздо, гораздо больше. Тогда это было такое же волнительное устройство, как и телевизор, который закатывали в ваш класс, вы понимали, что вещи становились реальными, когда появлялся телевизор или бумбокс.

Когда вы садились на ковер, сражаясь за лучшее место и сидя на своих коленках, — потому что тогда суставы не существовали в вашем теле, — вы задавались вопросом, что сейчас начнет играть. Должно быть это БИНГО? Вы вытираете свои ладошки об штаны от предвкушения, чтобы начать разбирать буквы. Потом, думаете, ждете, это *Itsy Bitsy Spider*? Вы начинаете гнуть пальцы, чтобы сделать их более проворными... как у паука.

Но потом вы удивляетесь песне, которую выбрал ваш преподаватель, и вы не в состоянии сдержать свой маленький детский крик, потому что, да, вы узнали ее. Учитель выбрала *Old McDonald*. Это один единственный раз, который вы получаете, чтобы продемонстрировать своим сверстникам свой «звук животного», который ваша мама заставляла показывать своим друзьям в вашем детстве, как будто вы были цирковым тюленем, хлопающим плавниками в ожидании рыбки, но вместо этого получали смех и похлопывание по голове. Нет, «Му» стоило похлопывания по голове, особенно, когда вы вставали на четвереньки, чтобы произвести звук, только чтобы произвести впечатление на друзей своих родителей, но мы не пойдем в ту степь.

Веселый ребенок протяжно перекрикивает колонки, растягивает песню для своего маленького удовольствия, «Е-Я-Е-Я-О», руки раскачиваются из стороны в сторону, а ваша голова трясется под ритм музыки.

Почему я подняла этот вопрос, спросите вы?

Потому что наша веселая игра Угадай-Что-За-Песня превратилась в разрушительную Выбей-Всю-Дурь-Из-Портера.

Все что мы слышим под свист — это «хрю-хрю», то тут, то там, здесь «хрю», и там «хрю», повсюду это ГРЕБАННОЕ «хрю-хрю».

Да, ни у одного другого животного даже нет шанса вклиниться. Ни «му», ни даже жалкого «кря».

Пол и я сидим за столом и смотрим на наши печальные кучки конфет. Портер обчистил дом, собрав тридцать штук быстрее, чем я когда-либо видела. Он уничтожил нас, и сейчас щелкает жвачкой в своем рту, наслаждаясь своей победой.

Принимая свое поражение, Пол подпрыгивает со своего места, хватая свою скудную кучку желатинового сахара и направляется обратно на свое пассажирское сидение.

— Не понимаю. Папа едва свистнул, и ты уже знаешь песню.

— Я говорил вам, я знаю песни, — Портер жует, по-прежнему улыбаясь.

— Должен сказать, что это было одно из самых лучших угадываний, которые я когда-либо видел, — уточняет папа — В один момент я подумал, какого Герберта Гувера он угадал

эту песню? Ты ни разу не ошибся. Если бы участвовали в телешоу, занимаясь свистом и угадыванием песен, то мы бы могли выиграть десять миллионов долларов, — восхищение звенит в голосе моего папы.

— Пап, я не думаю, что телешоу дают десять миллионов долларов... вообще, — обращаю внимание я.

— Ну, мы бы могли получить одобрение, естественно. Мы могли бы придумать крутое название, как, например, комбинация наших имен. Например, Бертер...или Порни! — говорит папа в восхищении.

— Ты понимаешь, что только что сказал «порно» с «и» на конце. Не совсем подходит для семьи.

— Ты права, мы должны поработать над этим. Протер, как считаешь?

— Конечно, — Портер смеется, перекидывая ноги и постукивая по cd-холдеру в проходе трейлера.

Прежде чем Портер успевает его подобрать, я подхватываю его с пола и смотрю на обложку. Это миксы, которые мы делали с Полом, когда были детьми. После того, как папа получил устройство, которое преобразовывает кассетную магнитола, в ту, которая может принимать диски, мы с Полом сходили с ума от смешанных дисков. Это был один из них.

— Пол, взгляни на этот диск, — я бросаю его ему. — Не могу сказать, сколько раз мы его проигрывали. Мы могли начать петь песню, прежде чем она даже начнет играть. Пап, помнишь, тебя начало тошнить от постоянного его проигрывания?

Папа только улыбается, пока Пол изучает кейс.

— Такой классический микс. Мы были смелыми тогда, начиная диск с Уитни Хьюстон, растягивая лиричную «I Will Always Love You», а потом мы потрясли толпу Eagles, распевая «Witchy Woman»... — Пол запинается, и потом смотрит на папу. — Все эти песни ты насвистывал, по порядку.

— И Портер, единственный, кто догадался об этом, — папа смеется. — Честно, вы двое. Мне серьезно интересно иногда — мои ли вы дети. Сколько раз вы пытали меня этим диском? И вы не смогли узнать порядок песен, которые я насвистывал. Портер заслуживает победы над вами двумя идиотами.

Поднимаясь, Портер потягивается, демонстрируя маленькую полоску своего живота, затем идет на кухню, где берет себе бутылку воды.

— Было не сложно догадаться, когда я узнал первые две песни. Я просто надеялся, что вы не собьетесь с порядка.

— Никогда, — говорит папа. — Не после множества бессонных ночей с этим диском, играющим снова и снова в моей голове. Я не смогу никогда забыть порядок.

— Я требую переигровку! — встревает Пол.

— Забавно, я выйду победителем, — Портер идет обратно на место и по пути слегка толкает меня локтем. Он вытаскивает свой телефон из кармана и быстро набирает сообщение для меня.

Портер: *В тот момент, когда мы приедем в Нью-Йорк, я рассчитываю на приватный танец. Не думай, что я забыл.*

Застонав, я хватаю свой компьютер и иду в конец трейлера, где сажусь на кровать своего отца и печатаю Портеру ответ.

Марли: *Ты такая высокомерная задница.*

Портер: *А ты лузер, но ничего страшного. Мне нравится видеть тебя такой*

яростной, как сейчас.

Марли: Я ненавижу тебя.

Портер: Нет, это не так, и мы оба знаем это. Не могу дождаться, когда останусь с тобой наедине, в тех убийственных штанах из спандекса. P. S. Тебе никто не говорил, что спандекс это не штаны?

Марли: Модный совет от человека, который знает одну только ткань и это: клетка. Думаю, я продолжу их носить.

Портер: Не надо ненавидеть клетку, малышка. Это то, что тебе больше всего нравится. Не отрицай этого.

Марли: Ты раздражаешь.

Портер: А ты очаровательна. Иди сюда, сядь мне на коленки и свернись калачиком у меня на груди, чтобы я мог вдыхать клубничный запах твоих волос.

Марли: Ты ищешь смерти от моего папы и брата?

Портер: Это будет того стоить.

-

Глава 17

Портер

Этот день был пыткой, я имею в виду, в самом лучшем значении, которое возможно, поскольку мы почтили маму МакМэнн, вспоминая ее причуды, ее знаменитые блюда, и то, как она кричала на нас, чтобы мы мыли руки перед ужином.

Когда мы были не в дороге, то обшаривали каждую придорожную достопримечательность, что обычно было бы здорово для меня, но Марли целенаправленно превращала это в пытку своими наклонами и взмахиванием волос — нет, не как Джастин Бибер размахивал волосами примерно в 2010, больше, как Памела Андерсон, только что взмахнувшая волосами из воды.

Благодаря исторической лекции Пола и увлечении Берни космосом, мы провели целый час перед Гигантом Джемени. Статуя из стекловолокна, такая же, как Пол Баньян, но Гигант Джемени был установлен, чтобы отдать дань уважения космической программе Джемени, стартовавшей в 1961. Вместо хот-дога в руке, он держит космический корабль и на него надет шлем космонавта, который, честно говоря, больше похож на сварочную маску, чем на что-либо еще. Стоя перед тридцати футовой высотой, он завораживает своим великолепием... в течении пяти минут. Часа было многовато, но опять же, я узнал больше о космической программе Джемени, которую, к сожалению, я считаю Золушкой среди космических программ, позволившей миссии Аполлон встать в центре внимания, а астронавтам ступить на Луну, но мы не будем вдаваться в это.

Сейчас мы в миле от Чикаго и все о чем я думаю — это затеряться с Марли в городе. Я не прикасался к ней с самого утра, мои губы не ласкали ее часами, и у меня чешутся руки сделать что-нибудь.

Знаю, о чем вы думаете, какого хрена ты творишь, Портер? И откровенно говоря, я и сам не понимаю. Я потерял чувство контроля еще в Оклахоме. Мой желудок скрутило узлами, после того как я поцеловал ее впервые, не зная, что произойдет, когда мы доберемся до Нью-

Йорка. Мне хочется поговорить с ней, спросить у нее — был ли это просто случайный порыв, или она серьезно настроена на отношения, но откровенно, я боюсь услышать ее отказ.

Марли добрая, милая девушка, но я уничтожил ее четыре года назад. Не думаю, что она способна совершить подобную вещь со мной, особенно потому, что она не заинтересована во мне. Иногда мне кажется, что это не так, от того, как она смотрит на меня и то, что говорит мне, но существует раздражающее чувство в глубине моей души, которое говорит мне, что она больше не та девушка, с которой я вырос.

Так и есть. Она доказала это в этой поездке. Те стороны, которые я видел, взаимодействуют с Полом, но провинциальная девчонка, которую я знаю, которой нравятся сельские ярмарки со скачками вокруг бочек, которая была удостоена приза за свинок, — ее больше не существует. Она беспокоится о своем внешнем виде, о своих материальных вещах — кхм, туши — и она не такая жестокая, какой была раньше. Она мягче, нежнее, больше похожа на свою маму.

Хочет ли она вообще быть со мной? Как это вообще будет выглядеть на расстоянии трех тысяч миль? Это просто случайность для нее?

Блять, я чувствую себя больным. Мое сердце готово выскочить из груди от одной только мысли попрощаться с ней, когда мы вернемся в Нью-Йорк.

Я влюбился в младшую сестренку моего лучшего друга — с этим ничего не поделаешь. Я люблю ее в течение нескольких лет.

— Убирайся с дороги, Абрахам Линкольн! — орет Берни, вскидывая руки в воздух на микроавтобус перед ним.

Берни МакМэнн и пробки не очень-то совместимы. Абсолютно уверен, что он на протяжении всего пути будет выкрикивать имена президентов по порядку от Барака Обамы до Абрахама Линкольна. Все-таки «Проезжай Барак Обама, мой Дж. Буш» — мое любимое. Когда Берни орет имена президентов, ты стараешься сохранить спокойствие и не рассмеяться, но от этой, мне пришлось извиниться и направиться в ванную покрытую щетиной, потому что я хохотал чертовски сильно.

— Есть место! — кричит Пол, в тот момент, когда трейлер поворачивает в сторону и паркуется.

Сейчас чуть меньше пяти часов, солнце начинает садиться, и паника Берни очевидна. Он хочет съесть хот-дог в Грант Парке с видом на Букингемский фонтан и озеро Мичиган.

— Выдвигаемся, ребята! — Берни хватает фоторамку и захлопывает дверь машины, направляясь прямо в Max's Take Out, небольшой местечко, которое, по всей видимости, делает лучшие чикагские хот-доги в Центральном Чикаго.

Мы выходим из трейлера, закрываем его, и встречаемся с Берни в небольшом ресторанчике. Место настолько маленькое, что наш небольшой клан занимает все пространство. Берни уже сделал заказ на всех, не теряя времени зря. В течение нескольких минут наша еда готова. Мы берем наши напитки и направляемся на восток прямо к Мичиган Авеню.

Уверен, что мама МакМэнн выбрала его для нас, потому что, когда дело дошло до парковки, ни одного места не было перед Max's Take Out, но здесь есть короткий путь до Гран Парка.

Город суетится вокруг нас, раздаются сигналы, машины занимают места на пешеходных переходах, большое различие с Джеймстауном. Марли чувствует себя в своей тарелке, даже

не смотрит когда переходит дорогу, в то время как я, как напуганный олененок, который учится ходить в первый раз.

— Давай, черепашка, — говорит Марли, хватая меня за руку и толкает вперед через Мичиган Авеню к Грант Парку.

Пытаясь подавить писк в своем голосе, я говорю:

— Большие города не очень-то подходят мне.

Марли бросает взгляд на меня на секунду, намек на разочарование в ее глазах, прежде чем она сосредотачивается снова на нашей цели, добраться до Букингемского фонтана.

Берни плотный мужчина с небольшим пивным животиком. Он передвигается медленнее, чем нормальные люди, немного хромает после падения в амбаре с сеном, когда был подростком, но когда дело касается чествования его жены, — я никогда не видел столько энергии в его походке и покачивания бедер, когда он уверенно идет через Грант Парк.

Букингемский фонтан — великолепный многоуровневый фонтан с поблекшими медными лошадьми и бассейном вокруг. Я видел фотографии, но нахождение прямо перед ним не возможно описать словами. Поскольку фонтан отгородили от посетителей, мы растягиваемся на земле, сидя с боку от него, поэтому мы можем видеть Озеро Мичиган и фонтан одновременно.

Берни раздает хот-доги, облизывая пальцы каждый раз, когда на них попадает горчица.

— Вы знали, что Букингемский фонтан один из самых огромных в мире, диаметром в двести восемьдесят футов? — Пол информирует нас. — Видите те четыре лошади, погруженные и окруженные бассейном фонтана? Они представляют четыре штата, что окружают Озеро Мичиган. Кто-нибудь из вас может назвать эти штаты?

Марли поднимает руку и начинает перечислять по пальцам.

— Итак, это Лобковые Волосы Пола, Песочная Пробежка, Подрумяненное Очко, господи, какой же последний...

— Маленький Член, — помогаю я.

Она щелкает пальцами и указывает на меня.

— Точно, Маленький Член.

— Неверное, — заявляет Пол, очевидно, не оскорбленный. — Это Индиана, Висконсин, Иллинойс и Мичиган, но доблестная попытка сделала вас похожими на тазик с дерьмом.

— Достаточно, — Берни прерывает нас всех. — Марли и Портер, поблагодарите Пола за его уместные факты о фонтане. Они очень информативны.

Угу, Берни больше не в шутовском настроении. Это происходит, когда он хочет быть серьезным. Замечая смену поведения, я и Марли извиняемся и благодарим Пола, затем ждем речь Берни.

Он обхватывает рамку и трет по ней большим пальцем. Его голос серьезен, когда он говорит.

— Вот и все, Глори, — говорит Берни, используя прозвище Глории МакМэнн. — Мы сделали это. Мы подхватили нашу маленькую Пуговку из Калифорнии, проехали по Матери всех Дорог, «Лист Желаний», который у тебя когда-то был, мы завершили его в Чикаго. У нас были взлеты и падения, Пол, думающий, что подпалил свою задницу, — одно из них, — мы все мягко смеемся. — И мы имели честь взять с собой Портера, твоего второго сына.

Мне сдавливают горло, и я смотрю вниз на свой хот-дог, пытаюсь сдержать слезы. Марли сжимает мое плечо, также как делала ее мама, и я возвращаюсь назад в то время моей

жизни, где Смиты имели беспорядочное злоупотребление алкоголем, но я действительно был благословлен МакМэннами и распахнутыми объятиями Глории. В тот момент, когда она увидела меня, она пригласила меня в свой дом, относилась ко мне, как к собственному сыну, и преподавала мне жизненные уроки, о которых я просил своих родителей, но никогда не получал.

— Этим путешествием мы почтили тебя и разделили все наши традиции. Игры в дороге, выкрикивание совпадений, который мы получали в нашем направлении, и домашняя еда, которую ты готовила для нас в мини-трейлере 1980 года выпуска — этого всего ужасно не хватает. Но, что очень важно, нам не хватает твоей улыбки, твоего смеха, и твоего бесконечно заботливого сердца. Мы надеемся, что сделали все, как ты хотела в этой поездке, и почтили тебя должным образом.

Берни поднимает свой хот-дог, и мы делаем то же самое. Прочистив горло, он говорит:

— За Глорию, наш путеводный свет, маму-медведицу, и прекрасного художника, которая делала наши дни ярче, нам тебя не хватает. Мы любим тебя.

Мы дружно ударяемся нашими хот-догами и кусаем их, наблюдая за Озером Мичиган, как Мама МакМэнн всегда планировала. Мы не разговариваем, мы просто наблюдаем и наслаждаемся компанией друг друга. Воспоминания о маленькой брюнетке с блестящим восприятием нахлынули на меня. Она никогда не воспринимала дерьмо Берни и была мамой-медведицей в своем семействе. Никто не связывался с ней, включая меня.

— Не могу поверить, что мы, наконец, в Чикаго. Кажется, что еще вчера мы проводили наш первый отпуск с «Тэси». Помнишь, когда мама купила цветы, чтобы было уютнее, и на первой же остановке они слетели со стола и рассыпались на полу? Думаю, тогда был первый раз, когда я услышал папин девчачий крик, — смеется Пол.

Берни защищается.

— Я подумал, что они разбились о заднее окно. Твоя мама и цветы.

Марли вздыхает и кладет голову на мое плечо, я немедленно паникую и оглядываюсь вокруг, заметили ли Пол и Берни. Они либо не замечают, что Марли расположилась у меня на плече, или их это не заботит, у них нет повода для сцен, поэтому я пользуюсь моментом и пропитываюсь ей, удивляясь тому, как легкий ветерок с Озера Мичиган поднимает клубничный аромат от волос Марли.

— Мама всегда говорила мне встречаться только с тем мужчиной, которого достаточно сильно заботит приносить мне цветы, потому что каждая девушка заслуживает аромат весеннего утра в своей жизни. — Марли быстро вытирает слезу со своего лица и мое сердце раскалывается напополам из-за нее.

— Она была права, — подтверждает Берни. — У нее всегда было представление того мужчины, которого ты заслуживаешь. Мужчина, которой приносит тебе цветы, — один из них.

Солнце садится, и люди кружатся рядом с нами, смеются и фотографируются, пока позволяет время. Марли поднимает свою голову и достает Полароид из своей сумки.

— Последнее фото, прежде чем стемнеет?

Пол простит незнакомца помочь нам, и в конце нашего путешествия, мы обнимаем руками друг друга, удерживая снимок Мамы МакМэнн, и улыбаемся, пока Берни говорит нам:

— Скажите сыр.

Полароид вспыхивает, и последний момент запечатлен, завершая наше путешествие по

К этому времени мы остановились в кемпинге Саус-Бенд, все были эмоционально истощены и физически страдали от недосыпа. Это был долгий день в движении и воспоминаниях. Мы смогли купить несколько сэндвичей по пути и съели их, пока проезжали последние мили за наш день.

Мы не играли в игры, после того как покинули Чикаго, мы не слушали музыку, и мы даже не разговаривали. Мы сидели в тишине, проезжая через темную ночь, потерялись в наших собственных мыслях. Берни и Пол, оба были тихими, потому что собирались в ванную, а когда мы вернулись в трейлер, Марли тоже немного разговаривала.

Сейчас я лежу на спине, глядя в потолок палатки, думая о том, что принесет завтрашний день. Это будет наш последний день в пути. Мы проедем через часть Индианы, потом Огайо, небольшую часть Пенсильвании, прямо к Джеймстауну. Это займет у нас чуть больше шести часов, и если мы выедем пораньше завтра утром, то получим больше свободного времени перед репетицией свадьбы и репетиционным ужином.

Я знаю, что в тот момент, когда мы вернемся на ферму, простая жизнь, которую я знал в течении нескольких прошедших дней, перевернется с ног на голову свадебными делами. Я буду биться за Марли, поскольку она будет занята, помогая Саванне, а дальше что? Она улетит в воскресенье домой?

Ярость и нервозность овладевают моим телом, когда я думаю, что должен буду попрощаться с Марли. Я держал ее в своих объятиях всего несколько раз. Я все еще не знаю, что произошло за те четыре года, когда мы не общались и не виделись друг с другом. Я не знаю полную историю становления ее бизнеса или на что похожа ее жизнь в Калифорнии.

Калифорния.

То место, которому она принадлежит, то место, где она живет, три тысячи миль от моей крошечной лачужки, которая расположена на земле ее отца.

Я стону про себя, разочарованный тем, как я спланировал свою жизнь, никогда не давая шанс действительно переломить ситуацию и стать кем-то лучше. Мыло для Мужчин — моя последняя надежда что-то изменить, учитывая то, что у меня нет образования после окончания школы, единственный опыт, который у меня есть, это сгребать дерьмо в кузов грузовика и отвозить его в качестве удобрения.

Я не очень-то в организации собственной вечеринки жалости к себе, но депрессивная вечеринка на одного звучит очень даже заманчиво сейчас.

Моя палатка шуршит и начинает расстегиваться. Я сажусь, готовый выдрать глотку любому, кто попробует зайти, когда я вижу, как Марли просовывает свою голову и протягивает руку.

— Прогуляешься со мной?

Ей не нужно просить меня дважды. Я скольжу в свои ботинки и беру ее руку, направляясь к деревянной детской площадке в середине кемпинга. Здесь есть дилижанс, сделанный из дерева, с деревянными лошадьми перед ним, Марли тянет меня туда. Она вынуждает меня сесть в карету, а затем сама садится мне на колени, располагая свою голову у меня на плече.

Я пробегаюсь пальцами по ее волосам и прижимаюсь щекой к ее голове, интересно, это последний спокойный момент, который я с ней проведу?

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, зная, что это был значительно эмоциональный день для каждого.

— Хорошо. Я чувствую себя в конце этого путешествия, я ожидала эту большую вечеринку или что-то типа того, столько всего восстановили по пути в Чикаго, но вместо этого, мне только грустно, и я думаю, Пол и папа чувствуют тоже самое. Это может прозвучать глупо, но я немного испытываю желания, чтобы когда мы приехали, мама была бы там, одетая в свой потрепанный фартук, держа в руках полную тарелку хот-догов для нас.

— Это вовсе не глупо. Я могу представить, как ты себя чувствуешь из-за этого.

— Странно, что все закончилось. Мне кажется, что должно было быть дольше, но я думаю, что никто из нас не был эмоционально готов к дани по окончании поездки, которую мы заплатили. Как будто, мы наконец-то попрощаемся. Это вызывает боль в моем животе.

Я знаю это чувство. Через несколько коротких дней, я опять начну свою одинокую жизнь.

— Мне жаль, малышка, — шепчу я и целую ее в голову, действительно не зная, что еще сказать.

Потеревшись головой об мою грудь, она спрашивает:

— Ты когда-нибудь думал о том, что могло бы произойти с нами, если бы ты не уехал той ночью? Думаешь, мы могли бы построить что-то или разрушили бы все еще больше?

Этот вопрос постоянно на повторе в моей голове, особенно, с тех пор как я увидел Марли снова. Как все было бы, если бы я никогда не уезжал? Я бы на сто процентов влюбился бы в нее сильнее, не то что бы сейчас это не так, но я бы сделал это быстрее и сильнее. Я также бы сдерживал ее, не позволяя раскрыть полностью свой потенциал.

— Я думаю об этом иногда, — солгал я. — Я бы уничтожил тебя, Марли. Тебе бы пришлось остаться в Джеймстауне, никогда не осуществив полностью свои цели. Я бы хотел думать, что ты была бы счастлива, в конце концов, я думаю, ты была бы счастлива некоторое время, пока не осознала, что не можешь раскрыться, и тогда, я думаю, ты бы стала обижаться за это на меня. Ты всегда была восходящей звездой, Марли. Хоть я и люблю Джеймстаун, это не то место где ты бы полностью расцвела, и я бы ненавидел себя за это. Именно поэтому я ушел. То что у нас было тогда, было разрушительным, и вместо того, чтобы позволить этому взорваться позже в конце концов, я рассеял все что было и ушел, не оставив тебе другого выбора, кроме как сделать тоже самое.

— Это не могло быть твоим решением, — грустно говорит она. — Ты должен был поговорить со мной. Между нами столько всего происходило, Портер. Мы бы смогли бы что-нибудь придумать.

— Нет, не смогли бы, — я качаю головой. — Мы живем в двух разных мирах, Марли, и они не пересекаются. Твоя жизнь быстротечна, всегда в поисках новейшей и самой лучшей вещи. Моя жизнь проста на ферме. Мы конфликтуем во всех направлениях.

— Я не верю в это, — говорит она мягко. — Думаю, ты даже не дал нам шанса.

Это правда, я не дал, но на это была причина.

— Если бы я дал нам шанс, то ты бы разбила меня на кусочки, когда бы поняла, что я недостаточно хорош, чтобы находиться рядом с тобой, пока ты преследуешь свои мечты.

— Как ты можешь так говорить?

Злость очевидна в ее голосе, но я успокаиваю ее, поглаживая ее волосы и оставляя поцелуй на ее виске.

— Марли, я бы ухватился за возможность быть с тобой тогда, но я знал, что должен

отпустить тебя, чтобы ты могла вырасти в умную, красивую женщину, какая ты сейчас.

Она все еще в моих руках и я вижу, как она обдумывает мои слова. Когда мне кажется, что она собирается сражаться со мной сильнее, Марли прижимает свою ладонь к моей щеке и вынуждает посмотреть на нее. Ее светло-голубые глаза сияют в лучах луны, когда они изучают меня. Осторожно, она целует меня в губы, оставляя меня открытым, пораженным и разбитым. Я пропадаю в ее прикосновениях, пропитываюсь ей, дышу ее дразнящим запахом, сохраняя все в памяти.

Она седлает мои колени, так что ее грудь касается моей, и сжимает мое лицо обеими руками, углубляя свой поцелуй. Мои руки проникают под ее рубашку, где они ласкают ее мягкую кожу, наслаждаясь ощущением ее в моих руках.

— Я не хочу, чтобы эта поездка заканчивалась, — она шепчет мне в рот, выворачивая мой желудок наизнанку.

Я притягиваю ее в объятия и кладу подбородок на ее плечо, пока пытаюсь придумать, что сказать дальше. Мое сердце кричит мне, чтобы я сказал ей, что я чувствую, излить все и разоблачить себя полностью, но у моего мозга другие идеи, наполненные страхом.

Вместо того, чтобы сказать Марли, что я чувствую, понимая что ничего не выйдет, я держу свой рот закрытым и обнимаю ее пока не наступит раннее утро, когда она проберется обратно в трейлер, оставив легкий поцелуй на моих губах.

Глава 18

Марли

Мы проснулись рано утром и отправились в Джеймстаун, мое сердце болит, а глаза горят от слез, после расставания с Портером прошлой ночью.

Я не знаю чего ожидала услышать от него, когда спросила что было бы, если бы он никогда не уезжал. В душе, я надеялась, что он скажет что-то типа, что он не может поехать в Калифорнию, чтобы быть со мной, но очень на это надеется. Очевидно что в его голове только то, что он не достаточно хорош для того, чтобы заняться чем-то еще кроме работы на ферме с моим папой, и это замечательная работа, но в его глазах я вижу, что он хочет большего.

Пол, папа и Портер провели прекрасно время днем, спланировав еще один мини-мальчишник вечером после репетиции. Только для них троих. Пока они разговаривали за пивом, я писала сообщение Марисе о всякой ерунде, о случайных вещах, просто чтобы не думать о выходных.

Вчера все происходило не так, как я представляла в своей голове. Все было для нас в похвале и в очень коротких моментах в Городе Ветров (прозвище Чикаго). Я всегда представляла себя, пользующейся возможностью для изучения всех подробностей города, о местах, где мама мечтала побывать, но вместо этого, мы сидели у фонтана и смотрели на падающую воду в правильно расставленном освещении.

В последний раз я видела своего отца таким грустным, когда мы хоронили маму. Я хотела бы, чтобы все было больше празднованием, чем трауром.

Этим утром я разговаривала с Полом, хотела узнать как он справлялся, поскольку был близок с мамой, и он сказал мне, что просто рад был вернуться домой и начать новую главу в своей жизни. Хотела бы я сказать тоже самое о себе.

Хорошо знакомые дороги, деревья, заправки мелькали мимо нас, когда мы приближались к Джеймстауну, к городу, в котором я выросла, и к городу, в который я влюбилась.

Я бросаю взгляд на Портера, он одет в темные джинсы, белую рубашку на кнопках с закатанными рукавами, и светло-коричневый ремень. Его волосы уложены, нет торчащих прядей, он готов к репетиции. Мы собрались в кемпинге, потому что было удобно приехать уже одетыми. В тот момент я не думала, что будет полнейшей мукой сидеть рядом с Портером в рубашке на пуговицах, но было именно так.

Это просто немного касалось мужского предплечья, виднеющегося из-под закатанного рукава, могу ли я получить благословление, дамы?

Я в разгаре переписки с Марисой, когда звонит мой телефон. Телефонный код Калифорнии появляется на моем экране.

— Алло? — мальчики замолкают, чтобы я могла слышать человека в трубке.

— Алло, это Марли МакМэнн?

— Да, это она.

— Привет, это Алекс из «Педерсон Групп». Вы тестировали несколько продуктов для нас в июне.

— Ах, да, Алекс, как вы?

— Великолепно, спасибо. На самом деле у нас есть еще один продукт, который мы хотели бы, чтобы вы проверили. Он на тестировании сейчас, чтобы узнать, как потребители будут реагировать, и нам бы очень хотелось узнать ваше мнение.

— Серьезно? Вау, это здорово. Что за продукт? — Портер разглядывает меня секунду, но потом возвращает свое внимание назад к Полу.

— Это новый вид мыла, изготовленного из козьего молока. Оно производится только для мужчин.

— Только для мужчин? Прошу прощения, но вы в курсе, что я женщина, да?

Алекс смеется в трубке.

— Да, Марли, мы прекрасно осведомлены о вашем поле. У вас прекрасная репутация и талант в выборе продукции, которая кажется, становится популярной сразу же. Поскольку это мыло для мужчин, мы хотим правдивое женское мнение. Мы хотим знать, будет ли это тем, что женщины хотели бы купить для своего парня или мужа. Мы хотим быть уверенными, что оно понравится не только мужчинам, но и женщины также станут покупать его для своих значимых людей. Женщины монополизировали рынок.

— Очень верно, — я даже не раздумывала над ответом. Производить испытание для «Педерсон Групп» снова станет огромным шансом для моей карьеры. — Я бы очень хотела протестировать его. На этих выходных я в Нью-Йорке на свадьбе брата, но я вернусь в Калифорнию в воскресенье. Если вы отправите его в мою квартиру, я смогу протестировать его, как только вернусь.

— Для нас это подходит. Спасибо за оперативное выполнение заказов. Мы постараемся принять решение насчет него быстро. Это прекрасная идея, и мы готовы уже пустить его в ход, мы только хотим убедиться, что оно будет продаваться.

— Прекрасно понимаю. Ну, спасибо, что подумали обо мне.

— Конечно, надеюсь, что будем отправлять вам больше продукции. Было приятно поболтать с вами, Марли.

— Мне тоже, хорошего дня.

Я кладу трубку и не могу не позволить огромной улыбке поглотить меня.

— Кто это был? — спрашивает папа спереди.

Я кладу свой телефон на стол и открываю лэптоп, соединяясь с Wi-Fi, чтобы я могла отправить Алексу короткое благодарственное письмо. Это просто надлежит бизнес протоколу.

— Это был Алекс из «Педерсон Групп».

— Из «Педерсон Групп»? — спрашивает Портер немного шокированный.

— Эй, разве это не... — Портер пинает ногой кресло Пола, прежде чем он успевает закончить то, что хотел сказать.

Пол поворачивается в кресле, обиженный.

— Чувак, из-за тебя я прикусил губу.

— Прекрасно, — говорит Портер сквозь зубы. Они молча обмениваются взглядами, прежде чем повернуться обратно ко мне.

— Ээ, что за «Педерсон Групп»? — спрашивает Пол.

— Просто одна из крупнейших косметических компаний в стране. Я осветила пару товаров для них в июне, но они только что попросили меня протестировать новый продукт, который они задумались производить.

— Что за продукт? — спрашивает папа.

— Что-то вроде мыла для мужчин. Кажется немного странным, поскольку изготовлено из козьего молока. В смысле, я не знаю много мужчин, которые захотят использовать кусок мыла, изготовленного из козьего молока, поскольку рынок уже заполнен другими более популярными торговыми марками, такими как Dial и Irish Spring. Я думаю, его будет тяжело продавать, учитывая конкуренцию, но кто знает? Возможно, это стоит чего-то. Но если честно, очень часто нет, компании вкладывают большие деньги в новую продукцию, как эту, и понимают что она не может справиться с конкуренцией, которая уже существует.

На трейлер обрушивается тишина, когда мы прибываем на ферму. Я оглядываюсь, чтобы понять в чем причина. Папа сосредоточился на парковке, Пол смотрит в окно, а Портер уставился на свои руки, лежащие на его коленях.

— Эм, але, вы, трое, слушаете меня?

— Да, извини, милая, — говорит папа, заглушая мотор и поворачиваясь на своем месте. — Кажется неплохая продукция. Ты должна относиться непредвзято, когда будешь тестировать его, никогда не знаешь.

— Да ладно, кто-то из вас стал бы пользоваться мылом из козьего молока? «Педерсон Групп» уважаемая компания, но они промахнуться с этой продукцией. Мужчинам нравится такие товары, как Old Spice, а не какой-то кусок вычурного мыла из-под козла. Мне будет интересно, какое бешенство все это вызовет.

И снова трейлер в тишине. Пол съезжился, папа качает головой, а Портер ерзает на своем месте, его колено резко подпрыгивает вверх и вниз.

Портер первый прерывает молчание.

— Мне на самом деле надо в ванную, встретимся на улице ребята, — говорит Портер, выходя со своей сумкой в руке. Я наблюдаю, как он быстро направляется к маленькому гостевому домику, расположенному слева от дома на ферме.

Прежде чем я успеваю осознать странную реакцию Портера, Савана залетает в трейлер и сгребает меня в объятия.

— Марли, ты приехала! — она сжимает меня крепко свои маленьким тельцем и

оставляет долгий поцелуй в щеку. — Я так рада, что ты добралась в целости. Пол рассказал мне про тушь и тени для век.

— Тени для век? — я бросаю смертоносный взгляд на Пола, который выбирается со своего места, и теперь он тянет Саванну.

— Дорогая, почему бы тебе не сказать мне «привет», вместо того чтобы втягивать меня в неприятности?

Когда они обнимались, я практически прыгала вокруг них, спрашивая Пола, что он сделал с моими драгоценными тенями для век.

— Пол, какого черта ты сделал?

— Ты не сказал ей про тени? — Саванна отступает назад и упирает руки в бедра.

— Вылетело из головы.

— Пол МакМэнн, как рассказать своей сестре, что ты плюнул в ее тени для век, вылетело у тебя из головы?

— Ты что? — я рычу, бросаясь на него. — Как тогда узнала Саванна об этом, если ты даже не должен был разговаривать с ней?

Он уворачивается как раз вовремя, поэтому я падаю плашмя на лицо, облизывая грязь с ковра «Тэси».

— Ох, Марли, ты в порядке? Он отправлял мне письма на электронную почту почти каждый день.

Я ворчу в ответ, пока Пол пытается улизнуть.

— Пора собираться на репетицию. Увидимся позже, сестричка.

Прежде чем я успеваю ответить, он тянет Саванну за собой и выпроваживает из трейлера.

— Я собираюсь отомстить ему, — клянусь я на полу, слушая, как папа смеется, когда выходит. Поднимаясь, я отряхиваю свое тело и хватаю свои вещи, чтобы занести их в дом. Я уже могу сказать, что следующие два дня будут напряженными.

Моя комната такая же, как я ее оставила, полная ленточек с местных ярмарок, старая медная мебель и множество акварельных рисунков моей мамы. У мамы был великий талант художника, но она никогда ничего с ним не делала, она хотела больше заботиться о своей семье. Рисование было хобби, которое она могла бы с легкостью превратить в профессию, но я благодарна ей, что она была рядом, когда я росла. Иметь маму, развозящую тебя повсюду в городе, было роскошью, которую я принимала как само собой разумеющееся, когда она была рядом. Если бы я только могла сказать ей, насколько высоко я ценю все жертвы, что она принесла, чтобы остаться домохозяйкой, которая делает все для своей семьи, для всех четверых...ну, пятерых, включая Портера.

Страхивая печальные мысли из головы, я улыбаюсь, когда смотрю на свои старые снимки, где я в коротких джинсовых шортах и грязных сапогах, держу свой приз за лучшую свинью в городе, и фотографии со мной, Полом и Портером, которые мама делала годами. Эх, старые добрые времена. Мы все были долговязыми и грязными. Детство на ферме способствует этому.

Не желая распаковывать вещи, я кладу их на свой комод и хватаю телефон. Портер ушел немного в спешке, поэтому я хочу убедиться, что он в порядке. Выбирая легкий способ, я отправляю ему смс.

Марли: Просто хочу убедиться, что ты в порядке.

Есть немного времени перед репетицией, поэтому пока я жду ответ Портера, я

проверяю тени, которые использовала сегодня утром, те же самые, в которые плюнул Пол. Из-за безумного и утомительного утра, я не заметила разрушенные пигменты, которые использовала.

Сын Резерфорда Хейза!

Да, я использовала Берни и мне плевать.

На телефон пришло сообщение.

Портер: Я в порядке. Спасибо, что поинтересовалась. Увидимся на репетиции.

Увидимся на репетиции? Что случилось с частным танцем? Что случилось с желанием улизнуть? Я пытаюсь избавиться от дурного предчувствия нашей надвигающейся обреченности, пока поправляю волосы в зеркале и наношу блеск на губы.

Есть причина, по которой слезы не давали мне заснуть прошлой ночью, — безразличие Портера говорит само за себя.

Саванна и Пол обнимают друг друга, пока разговаривают с родителями Саванны, в руках пиво и улыбки на их лицах. Портера нигде не видно, а я сижу на стоге сена, сама по себе, наблюдая за всеми, кто хорошо проводит время на репетиционном ужине.

Вместо того, чтобы собраться в уединенном месте, мы остались на ферме и помогали подготовить место для регистрации, убедившись что все было идеально по стандартам Пола. Да, Пола, а не Саванны. Абсолютный жених-зилла.

Некоторые члены семьи машут мне, но ни один не подходит поговорить со мной, сохраняя приличное расстояние. Вероятно потому что, они почувствовали ярость, которая нарастает во мне. Это началось в тот момент как мы припарковали трейлер, Портер отдалился и не хочет иметь ничего общего со мной. Поскольку свадебная вечеринка включает в себя Портера и меня, мы должны находиться вместе и вынуждены, — да, вынуждены взаимодействовать. Если вы не обращали на это внимание все это время, вы бы могли подумать, что Портер абсолютно ненавидит меня и все это на самом деле доставляет ему физическую боль, находиться рядом со мной. Смотреть на меня было не вариантом, и проходя вместе к алтарю, да, он убрал руку от меня, чтобы не схватить ее. Вместо этого, мы шли бок о бок, выглядя, как два неуклюжих зомби в поисках влажных мозгов, чтобы разорвать их и слопать.

Я была на волоске от того, чтобы шлепнуть его по руке, после того как мы дойдем до алтаря и спросить какого черта происходит, когда тетя Марта подошла ко мне и захлебывалась от восторга о моем блоге, спрашивая совет о ее «стиле».

Совет номер один, не наносите кислотно-голубые тени на глаза, если вы не собираетесь подводить их более темным оттенком подводки для глаз. Совет номер два, помада создана для ваших губ, а не для области вокруг них. Совет номер три, тушь должна подчеркивать ваши глаза, а не превращать их лапки паука.

Но, я держу рот на замке и говорю с ней о колготках и о преимуществах поддержки верха, предложенной для большой помешанной женщине.

После этого, я увидела мельком Портера за ужином, разговаривающего с несколькими друзьями семьи, а потом он исчез. Что-то похожее на то время, когда он сбежал от меня на выпускном балу...

— Эй, Пуговка, почему ты не общаешься? — спрашивает папа, садясь рядом со мной на

стог сена.

Мой папа тот тип парней, у которых занимает две минуты принять душ, едва обсохнуть и одеть красивую одежду в считанные секунды и все еще выглядеть хорошо. Вот почему, когда мы приехали домой, он не сменил одежду, пока не осталось пять минут до репетиции. Его одежда может липнуть к нему странным образом, потому что он тщательно не вытирается, но он был готов, одет в свои помятые голубые джинсы и его любимую сине-зеленую рубашку. Не типичный для вас наряд для репетиционного ужина, но он наденет костюм завтра и это все о чем можно его попросить.

— На самом деле не готова даже для небольшого разговора сейчас. Иногда я чувствую себя не в своей тарелке, когда возвращаюсь ко всем этим семейным шуткам.

— Правда? Почему?

— Я не знаю. Может, потому что я теперь живу далеко, у вас есть свои шутки, и мне трудно влиться снова.

— Ты же знаешь, что все не так, как мы видим, да?

— Я знаю, — я вздыхаю. — Но разница ощущается издалека.

— Есть ли планы о возвращении? — надежда в его глаза и мне ненавистно разрушать ее, но я не хочу больше лгать никогда.

— Я так не думаю, пап. Джеймстаун был хорошим для меня в детстве, особенно, когда умерла мама, мы все сплотились, но я переросла этот город и нуждаюсь в большем в своей жизни. Если бы я не жила в Калифорнии, я никогда бы не наладила все эти связи и никогда бы не имела возможности поработать на «Педерсон Групп».

Папа кивает.

— Так это на самом деле большая возможность для тебя?

— Огромная, пап. Я работала действительно усердно, чтобы заполучить подписчиков, и стать уважаемой в этой индустрии. Как блоггеру, это очень тяжело поддерживать нормальный баланс: быть честной и оставлять хорошие отзывы о продукции. Если ты постоянно будешь принижать продукцию, рассказывая о том, насколько она отстойная, ни кто не захочет снова работать с тобой. Да, у тебя могут быть недоброжелательные подписчики, потому что некоторые люди наслаждаются, опуская других, но от них никуда не деться. То есть, я хочу понравиться людям, чтобы они поверили, что я способна вести блог, но я также не хочу вводить их в заблуждение. Я никогда не солгу о продукте только, чтобы получить возможность понравиться производителю, но также я не хочу сжигать мосты.

— Я хорошо тебя воспитал, — папа целует меня в голову. — Могу представить, как это наверняка сложно. Эти блоггерские шутки, на самом деле делают тебя живой, там на солнцепеке?

— Да, — я смеюсь. — Мне потребовалось некоторое время, и как я и сказала, я была честной в том, что действительно отстойно, потому что не хочу раздражать людей, но для меня, я лучше выложу на витрину хороший продукт вместо плохого, именно этого компании и добиваются от меня.

— Интересно, — схватив мою руку, он крепко удерживает ее. — Я должен был больше разговаривать с тобой о твоём бьюти-блоге. Извини, за то, что не проявлял интерес. Просто было тяжело находиться так далеко от тебя и видеть, как ты успешна и счастлива в Калифорнии. Ты ведь счастлива, правда?

Я смотрю вниз на землю и скрываю разочарование в своих глазах, которое появилось с

тех пор как мы приехали на ферму. Я нагло вру:

— Очень счастлива, пап. Не могла бы быть счастливее от своего решения. Да, я скучаю по тебе, но ведь это то, к чему я стремлюсь, да? К тому же, да ладно, я живу на земле фастфуда. Как кто-то может быть не рад этому?

— Фастфуд это хорошо, но не думаю, что он побьет чикагский хот-дог, который мы ели.

— Ой, Чикагский хот-дог, — я вспоминаю. — Мне кажется, что мы были настолько поглощены воспоминаниями о маме, что даже не оценили хот-дог. Так, ты думаешь, это был лучший хот-дог, который ты пробовал?

Замерев, папа обдумывает мой вопрос. Я могу видеть, как он мысленно вспоминает все хот-доги, которые он пробовал на протяжении лет в каждом штате.

— Тот Гавайский хот-дог был интересным, помнишь, тот, что мы ели на Мауи? И в Нью-Йорке хот-дог с квашеной капустой, от которого я хотел петь дифирамбы всем президентам, но тот Чикагский хот-дог с сельдерейной солью и приправами. Ничто не сравнится с ним, или о памяти про осуществившуюся мечту твоей мамы для нашей семьи. Возможно, это было глупо, есть хот-доги в каждом штате, но это была ее глупая идея. И я всегда любил ее за это.

— Я тоже. Я хорошо провела время, пап. Спасибо что убедился, что мы завершили эту часть своей жизни. Всегда казалось, что чего-то не хватает. Хоть это и было грубоватое прощание, мне стало намного легче, зная, что мы это сделали.

— Согласен, — он целует меня в голову и потом отстраняется. — Что ты собираешься делать со всеми этими фотографиями? Сделаешь альбом?

— Не знаю. Я могла бы добавить в тот, что был у мамы, закончить его за нее.

— Я думаю, это прекрасная идея, — мы обменялись нежными улыбками, но затем грубо прерываемся от звука, как будто ворона потеряла ногу.

— Какого черта здесь происходит? — Пол орет через всю палатку, которая расположена в центре нашей лужайки, с урожаем кукурузы на заднем плане. Я упоминала, что все это типичная сельская свадьба? — Эти скатерти мы будем использовать на свадьбе? — его голос вопит в децибелах, которые услышать только собаки.

Обменявшись взглядами, мы спешим с папой туда, где Пол сходит с ума от огромного пятна на скатерти.

— Мы собирались повторно использовать скатерти для двух событий. Мы не думали, что это будет так важно, — говорит один из их друзей, который помогал Полу в планировании.

— Ты не думал, что это будет так важно? — Пол кричит, расплескивая пиво повсюду. — У нас будет сельская свадьба с кучкой людей, которые не могут отличить свою задницу от головы. Ты на самом деле думал, что они способны запихнуть сэндвич со свининой в свои широко раскрытые глотки, не разбрасывая еду повсюду? Ты сумасшедший? — Пол поднимает скатерть и практически падает в обморок на придвинутый стул. — Посмотри на это! Она вся в пятнах, как будто кто-то насрал на стол.

Оглядываясь вокруг, Пол поднимает и удерживает ткань в воздухе.

— Кто насрал на стол? Я даю вам десять секунд на признание, а затем я начну обнюхивать нижнее белье.

Увидеть, как Пол вдальбливает свой нос в щели гостей, как дворняжка на собачей площадке — очень заманчиво, но я решаю вести себя, как хорошая сестра, и разрядить обстановку.

Осторожно, я подхожу к Полу, хватаю скатерть у него и опускаю ее вниз. Говоря очень спокойным голосом, я говорю:

— Пол, старший братик, никто не гадил на стол. Это всего лишь маленькое пятнышко...

— Маленькое пятнышко? Это маленькое пятнышко размером с мой член, если бы тот покусали больные, облезлые крысы, перенесшие слоновью болезнь и заразив ей мой член. Посмотри на это.

Сохраняя спокойный тон, я отвечаю:

— Да, я вижу. Это точно размером с член слона. Но немного отбеливателя, который поможет нам избавиться от него. Почему бы тебе не взять транквилизатор, отдать мне тряпку и пойти повеселиться с папой и Портером, пока я позабочусь об этом.

Яростное рычание закипает в Поле, и он наклоняет голову, спрашивая:

— Ты сделаешь это для меня? Ты позаботишься об обосранной размером с член слона тряпкой?

— Я сделаю это, — я улыбаюсь, удивляясь, почему его глаза бесконтрольно дергаются.

Как Мисс Америка, выигравшая в первый раз корону, Пол размахивает руками перед своим лицом, пиво все еще зажато между большим и указательным пальцами.

— Ох, думаю, я сейчас расплачусь. После всего, что я сделал тебе в поездке, ты собираешься... погоди секунду.

Прежде чем я могу сказать, что он собирается сделать, он разворачивает меня, наклоняет меня в талии и нюхает мою задницу перед всей семьей, как будто мы две собаки, встретившие друг друга в первый раз. Если бы я не была так унижена, то я бы попыталась дунуть так сильно, чтобы опалить его брови.

— Что ты делаешь? — я визжу, прижимая ткань своей юбки, чтобы никто не увидел трусики Hello Kitty, которые я надела, — конец поездки, выбор невелик.

— Пол, ради любви к Линдону Джонсону, перестань нюхать попу своей сестры, — папа кричит в ужасе.

— Я чувствую запах какашек! Ты насрала на мою скатерть.

Я вижу, как Портер присоединяется к разговору, когда Пол утверждает что моя задница воняет дерьмом. Угу, чувствую себя прекрасно прямо сейчас.

— Я не срала на твою скатерть. Господи, у меня есть дела поважнее, чем ходить вокруг и раскладывать какашки на твой стол и сбегать.

— Это идеально преступление, — Пол сходит с ума, держась сейчас за голову и расхаживая. — Когда все общались и развлекались, ты стянула скатерть до уровня кресла, ты оттянула свои трусики, с одетым платьем это сделать легче, а потом ты насрала. Ты приняла слабительное заранее? Или ты разделила на куски где-то еще? О, мой Бог, где ты разложила куски своего дерьма? — Пол оглядывается в отчаянии, поднимая скатерти и отталкивая людей в сторону, чтобы мог найти маленькие самородки, которые надеялся обнаружить.

Успокаивающие вдохи, просто делать успокаивающие вдохи, я говорю себе. Пол — королева драмы, он становится раздражительным моментально, нет необходимости душить его бедрами, пока используешь его голову в качестве конга-барабана и ударять по нему, как будто барабанными палочками.

— Где куски дерьма? — орет он.

Вот и все, мое терпение испытывали, и угадайте что? Оно не такое уж и сильное, вообще то оно очень слабое.

— Ты хочешь куски дерьма, я дам тебе куски дерьма! — я ударяю Пола, толкая его на

пол, и без задней мысли, сажусь ему на лицо.

Я знаю, о чем вы подумали, ты сидишь на лице своего брата, разве это немного не извращение? Не-а, не тогда, когда моя задница сжимает его лоб, пытаюсь выдрать его брови, а моя вагина очень близко к его носу. Ну ладно, это так, но в данный момент, мне плевать.

Позади себя, я беру скатерть и оборачиваю ее вокруг его головы, так чтобы потянуть за подбородок, и сжимаю ее позади себя.

— Понюхай ее, понюхай мою задницу снова, и скажи мне, что хочешь куски дерьма. Та тушеная свинина начинает бурлить. Ты на самом деле думаешь, что Саванна захочет выйти замуж за тебя, после того как твоя сестра нагадит тебе на лицо?

— Слезь с меня, ты девка! — Пол отталкивает меня от себя, так что мое тело врезается в шведский стол с тушеной свининой и бобами, задница кверху, а платье задрано на всеобщее обозрение, и видно маленькую белую киску... в смысле киску... ну вы знаете, Hello Kitty.

Грохот за грохотом, еда падает на пол, привлекая внимание каждого участника вечеринки, находящегося поблизости, как будто мы уже не завладели всеобщим вниманием.

Можно услышать, как пролетает муха, пока папа идет ко мне. Я смотрю назад и вижу, как он тяжело дышит, руки трясутся по бокам, а брови включены на полную в режим «убивать».

— Иисус Христос! Какого Джона Кеннеди ты творишь? — глядя в сторону, он бросается к еде, и говорит. — Мы не можем больше есть это!

Заметьте, я вся в синяках, согнутая над столом, тушеная свинина в моих волосах, а бледная задница на всеобщем обозрении, а мой папа беспокоиться из-за еды.

— Пап...

Он поднимает свою руку, останавливая мои извинения. От бровей на полную мощность, оба, Пол и я, съеживаемся на месте и объединяемся в сторонке, боясь за свои жизни.

— Я не позволю своим детям гадить на лица друг друга, или обвинять друг друга в обгаженном столе. Пол, ты знаешь, что твоя сестра выше этого, она ходит в туалет, она воспитана. Марли, ты же знаешь своего брата, не поощряй его истерики. Прими это и двигайся дальше. Сейчас, мы возьмем эту дерьмовую скатерть, выстираем ее, и высушим к завтрашнему дню. Все будет в порядке. Пол, скажи спокойной ночи Саванне и поцелуй ее, прежде чем она поменяет свое мнение насчет завтра, и присоединяйся ко мне и Портеру в его доме, чтобы немного выпить. Все остальные, уберите этот беспорядок и идите по домам. Люблю вас всех, но я всего лишь человек. Я не могу иметь дело с сыном, который рыдает, как Ким Кардашьян и устраивает свадьбу в тоже время.

— Я не уродливая плакса, — Пол защищает себя, когда Портер помогает ему подняться. Портер также предлагает руку мне, но я игнорирую ее и хватаюсь за скатерть. Он не может быть милым со мной сейчас.

По мрачному выражению его лица, могу сказать, что мой отказ ранил его. Хорошо, он заслуживает это.

Когда мальчики уходят повеселиться, я провожу свою ночь, замачивая и стирая «скатерть с дерьмовым пятном в виде члена слона» снова и снова, убеждаясь, что она жемчужно-белая, как и все остальные. Не потому что хочу, а потому что я знаю, если бы мама была здесь, она бы сделала то же самое, несмотря на неспособность Пола вести себя как нормальный человек в стрессовой ситуации.

Не могу дождаться завтра!

Глава 19

Портер

Я немного расстроен, потому что мне приходится избегать Марли, после ее разговора о мыле и конкуренции на рынке и как счастливо она жила в Калифорнии, — да, я подслушал этот разговор с ее отцом — я практически пропустил спектакль Марли, сидящей на лице у Пола.

Марли будет тестировать Мыло для Мужчин, она не только держит в руках мое хрупкое сердце, но также держит в них и мое будущее. От одного вдоха, я могу быть уничтожен. Я думал рассказать ей, что я человек, который стоит за мылом из козьего молока, о котором она думает, что сделано не хорошо, но я также не хочу скомпрометировать ее ответ, из-за ее связи со мной. Я понимаю, что если бы она знала, она бы чувствовать себя обязанной сказать «Педерсон Групп», что это хороший продукт, а она может так не считать. Это будет не честно по отношению к ней.

Вместо этого я должен сидеть и слушать, как она расчленяет то, над чем я работал последние несколько лет... единственное, что я надеюсь, поможет мне двигаться дальше в будущем. Не самое лучшее чувство в мире.

Я ненавижу то, как ее комментарий о моей конкуренции продолжает звенеть в моей голове. Она высказала свое честно мнение, я не могу злиться на это, кроме того, что я блять в ужасе вместо этого. Что если она права?

Вершина моих мечтаний разрушена ее маленьким покрашенным ноготком, я подслушал ее разговор с отцом о том, как она счастлива в Калифорнии и что она никогда не вернется в Джеймстаун. Если это не было ударом между ног, тогда я не знаю, что это было. Поэтому я делаю то, что лучше всего умею, держусь от нее подальше. Она, наверное, злиться, заткнитесь, я знаю, что она в ярости. Она даже не позволила мне помочь ей подняться с пола раньше.

Я тру руками лицо, желая никогда не поддаваться искушению в поездке. Я был настолько потерян в ней, я всегда был потерян в ней. Я просто был полным идиотом и наконец поддался этому, и какой же колоссальной ошибкой это стало. Раньше, когда мы даже не разговаривали, в конце концов, я даже не знал, что за ощущение держать ее в своих руках, или пробовать ее сладкие губки. Теперь, из-за того что я болван, я знаю, это ощущение быть ее близкой частью, и я не могу избавиться от этого гребаного чувства.

— Тук, тук, мы пришли, — говорит Пол, теперь переполненный радости, потому что об его скатерти позаботятся.

— Входите, — я двигаю коробки с мылом в сторону и забрасываю их одеждой, просто на случай, если Марли решит убить меня ночью... по крайней мере она не увидит коробки.

Пол плюхается на мой диван, а Берни садится рядом с ним. Я хватаю пиво и корневое пиво из холодильника, сбрасываю крышки, и раздаю всем. Я предлагаю упаковку крендельков, но они отказываются. Именно настолько далеко зашли мои навыки гостеприимства.

— Слава богу, что о скатерти позаботятся. Что за кошмар.

Я качаю из-за Пола головой.

— Да могло бы стать настоящим несчастьем.

— Не могу поверить, что Саванна все еще хочет выйти замуж после этого, —

предполагает Берни. — У тебя есть яйца, сынок? В смысле, я знаю что есть, но есть ли что-то внутри?

Пол кивает.

— Есть, пап. У меня имеется мошонка со спермой там внизу, не сравнить с пинтой спермы кита, но это не повредит. И только потому, что я писаю сидя и люблю вычурное кружево на каждом столе сегодня и потом, не означает, что у меня нет яиц, просто это означает, что мне нравятся прекрасные вещи.

— Ты писаешь сидя? — спрашиваю я.

— Когда появляется такая возможность, да. Почему мужчины должны стоять, когда идут в туалет? Я наслаждаюсь роскошной возможностью сесть и пописать. Ничего нет такого, когда вода брызгается до твоего члена и яиц.

Откашлявшись, я говорю:

— Думаю нам надо покончить с этим разговором. Я люблю тебя, братишка, но есть некоторые вещи, которые ты действительно должен оставить при себе.

Пожимая плечами, он отпивает свое пиво и спрашивает:

— Так, ты и Марли, да?

Я практически давлюсь пивом на середине глотка, когда оба, Пол и Берни уставились на меня, с пониманием дела во взгляде.

Ох, дерьмо.

Никто не пришел ко мне, чтобы похлопать мне по спине, и узнать все ли в порядке, они просто пялятся на меня в ожидании ответа.

— Ээ, что? — спрашиваю я, не уверенный в том, что еще сказать.

— Не прикидывайся дурачком при нас. Это очевидно, что вы двое были вместе на протяжении поездки. Я видел, как ты держал ее за руку, пока шел к детской площадке в последнюю ночь нашего путешествия.

Ну... хреново.

Я могу отрицать и уклониться, что вероятно не сработает с Полом и Берни, или я могу раскрыться и позволить им узнать правду... что ничего из этого не выйдет.

Переминаясь на месте, я вытираю свои руки об джинсы и устраиваюсь поудобнее.

— Думаю, кое-что произошло между нами, это давно назревало, если быть честным, но в течение последних нескольких дней, думаю мы оба пришли к выводу, что это была небольшая интрижка.

— Ты говоришь, что моя дочь — интрижка? — Берни рычит, его брови мечут кинжалы, чтобы зарезать меня.

Обороняясь, я отвечаю:

— Не совсем так, сэр. Она кто угодно, но не интрижка для меня, но мы из двух разных миров. Она далеко пойдет, она не планирует возвращаться обратно. Это ничего не значит, — я останавливаюсь на секунду, а затем добавляю. — Я пытаюсь покончить с этим здесь, поэтому разговаривать об этом с ее братом и отцом немного неудобно. Я думал, мы собирались немного выпить и поговорить о свадьбе.

Последнее, что я хотел бы обсуждать это всю поездку и чем мы с Марли занимались. Вероятно, это будет не очень уместно с ее братом и отцом.

— Справедливо, — говорит Берни, чертовски шокировав меня. — Это ночь Пола. Мы должны сосредоточиться на этом.

— Чего? — говорит Пол. — Да ладно тебе, я собираюсь поджарить этого парня. Узнаем

его намерения.

— Нет никаких намерений, — констатирую я. — Думаю, для Марли это просто интрижка.

— Что насчет тебя?

Я пожимаю плечами.

— Не имеет значения. Что сделано, то сделано. Мы друзья и я не хочу это портить, — сменив тему, я спрашиваю. — Итак, Пол ты переживаешь из-за первой брачной ночи?

Пол усмехается.

— Мы трахались и раньше, Портер.

С большим размахом руки, Берни дает Полу подзатыльник.

— Прояви немного уважения к женщине, на которой собираешься жениться. Саванна не такая.

— Господи, пап! — жалуется Пол, схватившись за голову. — Я просто пошутил, небольшой мужской разговор, понимаешь?

— Мужской разговор не предполагает, что ты будешь неуважительно относиться к женщинам, — констатирует Берни. — Это касается вас обоих, было бы неплохо запомнить это. Женщины не были посланы нам, чтобы радовать нас, а не обслуживать. Женщины созданы, чтобы быть нам компаньонами, соучастниками в преступлении, и компасом, который указывает нам что плохо, а что хорошо. Они здесь, чтобы быть нашей скалой, нашим лучшим другом, и единственным человеком, с которым ты преодолеваешь не только хорошие времена, но и плохие. — Берни хватает меня за плечо и сжимает его, пока разговаривает с Полом. — Этот следующий шаг в твоей жизни может пугать, иметь кого-то о ком нужно заботиться и уважать, но путешествие стоит того, поэтому не испортить ничего. Ты услышал меня? — Берни сжимает мое плечо сильнее, давая мне понять, что обращался и ко мне.

Тем хуже для Берни, нет ни единого шанса, что что-то произойдет с его дочерью. Это будет тем, с чем ему придется жить.

— Вау, пап это было... поэтично, — Пол вытирает свои глаза, когда я закатываю свои. Я на самом деле хочу проверить его яйца.

— Соберись, чувак. Seriously, что ты собираешься делать завтра? Мне нужно иметь при себе вышитый носовой платок для тебя?

— А у тебя нет? — Пол выглядит обеспокоенным, как будто что-то потерял.

Не желая, чтобы у Пола случился еще один микро-инсульт, я хватаю салфетку и ручку со стола. Я пишу его инициалы в углу и протягиваю ему.

— Держи, приятель. Она двуслойная, должна выдержать все те девичьи слезы, что ты прольешь завтра утром.

Губы Пола дрожат, когда он подпрыгивает с кресла и бросается на меня своим телом. Мы валимся на пол с руками Пола, обернутыми вокруг меня, пока я пытаюсь подняться.

— Не могу выразить, как я благодарен, что ты будешь стоять завтра рядом со мной. Я не мог просить о лучшем-лучшем друге.

Понимая, что Пол нуждается в этом моменте, я похлопываю по его спине.

— Взаимно, приятель.

Я смотрю на Берни, который качает головой и пьет свое корневое пиво.

Следующий час мы вспоминаем о нашем детстве, неприятностях, которые у нас были, и как мы сводили с ума обоих, Берни и Маму МакМэнн, своими шалостями. Иногда, я ловлю

на себе взгляд Берни, удивление на его лице, но я игнорирую его и выпроваживаю их из своей маленькой хижины, прежде чем они смогут начать заново разговор обо мне и Марли, потому что, честно говоря, разговор этот безнадежный. Она любит свою жизнь, зачем пытаться это изменить?

Сон ускользает от меня. Пол хотел разделить со мной кровать ночью, но я вытеснил всю мужскую дружбу отсюда. Я сказал ему, что хочу быть уверенным, что утром он будет готов к свадьбе, но нет ни единого шанса, что он будет спать в моей кровати.

Тошнота поглощает меня, когда я думаю про надвигающийся отъезд Марли. Я задаюсь вопросом, стоит ли мне поговорить с ней или нет, должен ли я признаться ей в своих чувствах, но я понимаю, что это не приведет к хорошим результатам. Причина, по которой я покинул ее в выпускной вечер, — я не хотел ее удерживать. С этой новой возможностью для нее, я не хочу делать то же самое. Нет смысла с ней разговаривать, поэтому, вместо этого, я лежу на кровати беспокойный и с болью в животе.

Ветер снаружи громче, чем обычно, встряхивая мои кости в моем маленьком убежище. Я поворачиваюсь на бок и смотрю на телефон. Два часа ночи и я все еще бодрствую. Сбрасывая одеяло, я иду на кухню, моим ногам холодно от пола, и открываю холодильник именно тогда, когда моя уличная дверь распахивается.

Изумленный, я смотрю на Марли, одетую в розовые шорты и майку. У нее немного безумный взгляд, а поза означает войну.

— Я злюсь на тебя, — она толкает дверь так, что она закрывается с одного размаха, и наступает прямо на меня, ее босые ноги топают по жесткому деревянному полу. Своим маленьким пальчиком, она тычет в мою обнаженную грудь. — В чем твоя проблема?

Не уверенный, к чему она ведет разговор, я спрашиваю:

— О чем ты говоришь?

— Ты просто собираешься, вести себя, как будто не знаешь меня?

— Эмм... я знаю тебя.

Послушайте, я знаю, что это плохой ответ, но я не очень хорош в этом дерьме.

Разочарованный стон вырывается из ее рта, пока она расхаживает по моей гостиной.

— Ты делаешь вид, что заботишься обо мне, Портер, потом ты игнорируешь меня весь день, как будто меня не существует? С чего бы это? Только то, что мы вернулись в Джеймстаун, означает, что ты больше не хочешь со мной разговаривать? У тебя есть девушка, которой ты обременен, или что-то еще? Я была твоей маленькой закуской в поездке?

— Что? — спрашиваю я, немного удивленный. — Ты действительно такого низкого мнения обо мне?

— Ну... защищайся. Она сейчас в этой комнате? — Марли указывает на мою спальню.

— Ты, блять, ненормальная, — я вскидываю руки в воздух, разочарованный ее обвинениями.

— Ах, я? Ну, тогда я полагаю, ты не будешь возражать, если я зайду туда.

Взмахивая рукой в сторону комнаты, я говорю:

— Сделай одолжение, проверь.

Она снова топает ногами по полу, когда несется к моей спальне. Она широко

распахивает дверь и орет:

— Ага! — изо всех сил, вероятно пытаюсь кого-то поймать. Ее ждет жестокое разочарование, когда она видит неубранную спальню, простыни помяты только от моего ворчания и переворотов.

Стоя в дверном проеме, Марли скрещивает руки на груди.

— Она, должно быть, выскользнула из окна, когда услышала меня.

Ей нужны опровержения. Я подхожу к ней, попутно хватаю ее за руку, и привожу ее к одному единственному окну в моей комнате. Я показываю на него и говорю:

— Открой его.

— Не сомневайся, что я сделаю это.

Схватившись за подоконник, она пытается открыть его, но проваливается с треском.

— Тяжело открыть окно, когда оно закрыто, — я поворачиваю замок, и она толчком распахивает окно. — Так, скажи мне, Марли, как кто-то мог закрыть окно снаружи?

Она закусывает свою нижнюю губу, когда смотрит на окно.

— Сила Джедая?

Не смейся, из-за того какая она милая. Нахрен не смейся и даже не улыбайся.

— Неплохая попытка. Потрудись объяснить мне, что ты здесь делаешь, и почему обвиняешь меня в вещах, которые я никогда бы не сделал?

Она садится на мою кровать, в поражении.

— Я не знаю, может, потому что твои Игры разума сводят меня с ума? Почему ты не разговариваешь со мной, с тех пор как мы приехали сюда?

И снова, я на распутье. Я должен рассказать ей правду, или я могу отодвинуть свои чувства в сторону и отпустить ее. Ее глаза сверкают, разрывая мое сердце, разбивая его пополам, когда боль рикошетом бьет по моему телу.

Я нахрен не могу ей сказать.

Поэтому я лгу.

— Я работал над кое-чем для Пола. Ты ведь знаешь его. Все должно быть идеально.

Она смотрит на меня скептически.

— Я не верю тебе.

Я только пожимаю плечами, не в состоянии говорить из-за комка в горле.

Она встает и сокращает расстояние между нами. Ее руки медленно пробегают по моей груди, и когда я думаю, что она собирается наклониться и поцеловать меня, она толкает меня на кровать.

— Ты такая задница, Портер.

— Если я такой, то почему ты здесь? — я не могу не спросить ее.

Она пристально смотрит на меня и честно отвечает:

— Потому что, я хочу.

Из-за тяжести на сердце, я пытаюсь воспринимать вещи позитивнее.

— Тогда давай, Марвин Гэй, приступай.

Как животное, она седлает мою талию, не давая мне возможности пошевелиться. Она отбрасывает волосы в сторону и снимет свою майку, обнажая свою красивую грудь для меня. Незамедлительно, я становлюсь твердым. Наклонившись вниз, ее соски кружатся по моей голой груди, пока ее руки движутся вверх от моей шеи до лица, где она сжимает мои щеки и приближает свой рот ко мне.

Честно говоря, я хочу остановить ее, я хочу сказать ей, что это не должно произойти, но

В этот момент, мое сердце управляет моим мозгом и мешает мне быть разумным. Только еще один раз, говорю я себе. Я просто хочу побыть с ней еще один раз, прежде чем попрощаюсь с ней

Я сдаюсь.

Я хватаю ее за талию и прижимаю к кровати, теперь я нависаю над ней. Ее волосы рассыпались по моим белым простыням, а ее глаза сверкают для меня. Я провожу рукой по своей бороде, рассматривая ее красоту, интересно, как, черт возьми, я смогу выкинуть этот образ из своей головы.

Желая видеть ее полностью обнаженной, я отхожу от кровати и хватаюсь за пояс ее шорт, чтобы мог стянуть их с нее. Она приспособляется к моей потребности и приподнимает свою попку над матрасом, чтобы я смог с легкостью спустить их. Нервничая, ее рука тянется к ее волосам, где она медленно скручивает прядь, ожидая моих дальнейших действий.

Поскольку на мне только боксеры, я спускаю их и пинаю в сторону, обнажая себя для нее. Ее глаза блуждают вниз от моей груди к болезненно твердой эрекции. Я хватаю свой член и начинаю поглаживать себя перед ней. Я наблюдаю с восхищением, как ее глаза широко распахиваются, а ноги слегка раздвигаются, приветствуя меня. Наклоняясь вперед, я накрываю ее голову своими руками и опускаю свою голову достаточно близко, чтобы мог прикусить ее губы. Она извивается подо мной, хватая меня за голову и пытается наклонить меня ближе, но я не позволяю ей. Вместо этого я скольжу губами вниз по ее шее к ее груди. Двумя руками, я сжимаю их вместе и массирую, пока посасываю ее правый сосок своим ртом. Я кусываю небольшой колышек, люблю то, как она двигается подо мной. Я кусаю немного сильнее, заставляя ее рот широко раскрыться от удовольствия, а ноги полностью раздвинуться. Моя эрекция подрагивает возле ее входа, мои яйца сжимаются от ощущения ее близости подо мной, и мурашки ласкают мое тело от блаженства.

Передвигаясь к другому соску, я кусываю между ее сисек, пока полностью не начинаю сосать и кусать их своими передними зубами. Более сильная реакция вырывается из ее рта, стоны от потребности. Пока я уделяю большое внимание ее груди, я могу видеть, как пот начинает покрывать ее тело, пока она извивается подо мной, ее руки не совсем понимают, что делать.

Продлевая ее удовольствие, я оставляю свои руки на ее груди, но продвигаюсь поцелуями вниз к ее лобку, где я безжалостно поддраживаю ее, целую и мучаю остротой своих зубов.

Ее ноги полностью раздвигаются, и я пользуюсь возможностью, когда наклоняю свою голову и пробегаюсь своим языком вверх и вниз по ее влажной щелке. Как кусочек металла к магниту, ее руки взлетают к моей голове, где ее пальцы пробегают по моим волосам.

Я щипаю ее соски, сильно, и наблюдаю, как верхняя часть ее тела выгибается над кроватью. Когда она двигается, я надавливаю на ее клитор своим языком, даря ей короткие, быстрые, сильные поглаживания, не отрываясь, даже не переводя дыхание и не сглатывая. Ее тело корчится, глаза плотно закрыты, а ее ноги выпрямляются, когда дикий крик вырывается из нее, мое имя срывается с ее губ, ее оргазм попадает на мой язык.

Пока она переводит свое дыхание, я скольжу презервативом по моему напряженному члену и играю с ее входом, который готов для меня.

— Марли, посмотри на меня, — мой голос хриплый, требовательный, заставляющий ее глаза открыться и приклеиться к моим.

Ее губки сердечком распухли от моих поцелуев, а ее кожа горит от моей бороды, я заклеил ее всеми возможными способами. Мой член, похороненный глубоко внутри нее, будет последним погружением.

— Ты хочешь меня? — спрашиваю ее. Желая услышать это еще раз, понимая, что это утверждение будет последним в жизни.

Она кивает головой в подтверждении.

— Нет, я хочу услышать это из твоих красивых губок. Скажи мне, ты хочешь меня, Марли?

Она садится, оборачивает свои руки вокруг моей шеи и прижимается ко мне лбом. Со страстью в голосе, она говорит:

— Я хочу тебя, Портер.

Мой рот обрушивается на нее, наши тела сталкиваются внизу, а мои руки ловят наше падение на кровать. Мы теряемся друг в друге, когда слегка перекатываемся по кровати, рты перемешиваются, языки поддразнивают, пальцы пробуют.

К моему удивлению, она перекатывается на меня и седлает мою талию, ее задница раскачивается опасно близко к моей эрекции. Одной рукой нажимая на мою грудь, она приподнимается и направляет меня внутрь себя. Ее теплая оболочка укутывает меня, и я мгновенно теряюсь в тесноте ее тела.

Когда я полностью внутри, мы оба вздыхаем и улыбаемся друг другу. Ее бедра начинают раскачиваться надо мной и я загнипнотизирован мелодичным ритмом наших бедер, работающих вместе, нашей интимной связью.

Я сажусь, и мои руки тянутся к нежной коже у нее на спине, пока не запутываются в ее волосах. С силой, я приближаю ее голову к себе, и овладеваю ее ртом, пока ее бедра продолжают раскачиваться вверх и вниз на мне. Она медлительна и осторожна в своих движениях, сводя меня с ума, не набирая обороты так, как я хочу от нее.

Вместо того, чтобы дожидаться ее ритма, я снова переворачиваю ее, пока ее спина не прижимается к матрасу, и я двигаюсь в ней, устанавливая свой собственный ритм. Я сжимаю ее грудь и ласкаю ее твердые, розовые соски, наслаждаясь ощущением их под моими загрубевшими, фермерскими пальцами. От щипка, она выкрикивает мое имя, ее киска сжимается вокруг меня, когда ее голова падает назад, а ее рот открывается.

— Да, сильнее. Пожалуйста, Портер, мне нужно больше.

Не желая, чтобы этот момент заканчивался, но понимая, что я на пике, я даю ей то, что она хочет. Я вбиваюсь в нее с такой неистовой силой, что теряюсь в движениях, не осознавая шум, который мы создаем в маленькой хижине.

Она сжимается вокруг меня и выкрикивает мое имя, райский звук для моих ушей. Мои яйца сжимаются, мое зрение размыто, и все на чем я могу сосредоточиться — это удовольствие, которое разрывает мое тело, заставляя его полностью онеметь от экстаза.

Я раскачиваюсь в ней, пока в моем теле не остается больше оргазма, и падаю на нее. Ее руки сразу же направляются к моей спине, и пальцы делают небольшие, круговые движения, успокаивая меня. Я зарываюсь головой в ее шею и вдыхаю ее великолепный, клубничный запах, наверное, в последний раз.

— Я все еще злюсь на тебя, — шепчет она, видимо, истощенная от нашего занятия любовью.

Вы заметили это? Я сказал — занимались любовью, не трахались, не занимались сексом или... жарились. Для меня это было занятие любовью, потому что я не могу

представить это всепоглощающее чувство эйфории с кем-то, в кого я не влюблен.

Я люблю Марли, всегда любил и всегда, блять, буду.

Знаете, какая самая разрушительная вещь во влюбленности? Вы бы сделали все, что угодно для этого человека, даже если это означает отпустить его, чтобы он смог вырасти и стать тем, кем ему предназначено быть.

Моя любовь к Марли достаточно сильная, чтобы я позволил ей уйти. Очень плохо для моего сердца, все еще разбитого и израненного после моего первого прощания с ней.

Глава 20

Марли

Мое терпение висит буквально на волоске.

Раздражена, разочарована, взбешена, злая... все чувства текут по моему телу. Почему спросите вы? Потому что мой братик превратился в одну из этих блестящих, поджаренных невест-зилл, которые всегда несчастны, пока свадьба, наконец, не заканчивается.

Я начала свой день в начале пятого утра. Спасибо моим поздним секс-похождениям, я не возвращалась в свою комнату до четырех, из-за чего я проспала только час. Пол пришел ко мне в комнату переодеться, пританцовывая в своем халате, и заявляя всему миру, что он собирается жениться на самой красивой женщине, которую когда-либо встречал.

Я даю парню возможность побыть романтичным и взволнованным по поводу его собственной свадьбы. Но когда девушка нежно обращается со своей «оторвавшейся» вагиной и пытается немного прикрыть глаза, последняя вещь, которая ей нужна — это ее брат, скачущий вокруг, как олень, получивший большую дозу наркотиков, распевая серенады миру о своей надвигающейся свадьбе, — что-то вроде Джулии Эндрюс, на вершине швейцарских гор, поющей о холмах, которые оживают от звука музыки.

Что я действительно хотела, так это остаться ночевать у Портера и проснуться в его руках, обернутых вокруг меня, а его борода бы терлась о мое плечо. Но этого не произошло. Не-а, мне сказали возвращаться в свою комнату. Хотели бы поговорить об ощущении, как об использованном, влажном одеяле? Есть ли у вас парень, в которого вы влюблены, который говорит тебе покинуть его постель, прежде чем вы успеете поговорить с ним о своей «ситуации»?

Именно так я это называю, потому что как еще это назвать? Отношения? Нет, мы пересекли черту гребаных приятелей больше даже, чем отношения. Теперь у нас есть папа и Пол, о которых стоит беспокоиться.

Господи, Пол, наверное, будет кричать, как гиена, у которой скрутились яйца, если он когда-нибудь выяснит, что мы делали с Портером за его спиной. Это не то, что я хочу обнародовать, по крайней мере, если с Портером ничего не произойдет.

После того, как Пол разбудил меня при помощи *My Fair Lady*, я отправилась готовить завтрак для всех в доме, включая Портера. Когда он пришел на кухню, его глаза вспыхнули, увидев меня, но потом принял нейтральное выражение, когда заметил Пола, болтающего возле кухонного островка с подбородком в руках и дрыгающего ногами от возбуждения.

Мы украли момент, пока он помогал мне прибраться после завтрака, но это был короткий клевок в лоб, прежде чем Пол начал орать Портеру, чтобы тот помог ему правильно подровнять бороду. Он двадцатилетний, взрослый мужик, который не знает, как нормально подровнять свою собственную бороду. Он винит в этом нервозность. Я

вину тот факт, что он маленький, нуждающийся гаденыш.

Когда бороды подровняли, я осталась убирать щетину в ванной — ощущаете, как нарастает напряжение? — Полу показалось, что его кожа выглядит тусклой, и он попросил меня о любом модном совете по очищению его кожи, чтобы придать ей ее естественное сияние. Не желая глубоко вдаваться в свой модный репертуар, я рассказала ему о маске из пищевой соды, которую мы могли бы сделать, и каков результат — мой папа, Пол, Портер и я, все нанесли маску на двадцать минут и смотрим американский футбол по телевизору.

Между заботой о Поле, я навещала Саванну, которая подумала, что было бы забавно подготовиться в трейлере. Неплохая мысль, но не тогда, когда ванна покрыта многодневной коркой из щетины и мочи, и атакована зубной пастой. И теперь я нахожу себя, убирающую ее, чтобы Саванне было удобно в день ее свадьбы.

Я сделала снимок с целью шантажа, прежде чем убраться там. Пол задолжал мне. Я подумываю, что возможно подарочная карта на двести долларов в Сефору (магазин косметики) исправит это. Я преподнесу это позже, когда я расскажу небольшую ложь о Саванне, сходящей с ума от похода к алтарю, и как я спасла день, успокоив ее.

Я не против лгать Полу. Я не против всего этого.

Свадьба была прекрасной. Саванна выглядела великолепно в кремовом, кружевном платье-трубе, которое обтягивало каждый ее изгиб. Оба, Пол и Портер, были одеты в хорошо сшитые темно-синие костюмы с белыми рубашками и темно-оранжевыми галстуками.

А я? Я была затянута в сельское, оранжевое, длинное, атласное платье, которое было, вероятно, наименее лестным из того, что Саванна могла выбрать. Но, эй, это не мой день. Я просто переживаю за ее фотографии. Решение для фотосъемки было ужасным — не очень весело будет тому, кто будет рассматривать фотографии позднее.

Пол плакал, кто-нибудь шокирован этим? Но вместо его слез куницы, которые заставляют вас хотеть выдрать его волосы из ноздрей, он слегка пустил слезу, когда Саванна шла к нему. Это было мило.

Во время фотосъемки, Портер продолжал говорить мне, как прекрасно я выглядела, но я смогла разглядеть немного веселья в его глазах по этому случаю. Что должен на самом деле сказать парень, когда ты одета в платье полное оборок и с огромным бантом? Так было до того, как Саванна принесла ковбойскую шляпу, которую я должна была надеть, чтобы распрощаться с *Унесенными Ветром* и встретиться с компиляцией *Хауди-Дуди* (кукольная, театрализованная передача 1940–1960 гг, где главный герой — кукла-марионетка Хауди-Дуди) Я оставила шляпу на себе для Пола и Саванны, которые принадлежали им, пока собиралась объездить стог с сеном. Я упоминала, что они идеально подходят друг другу?

Теперь, когда я наконец-то наслаждаюсь приемом, обо всей щетине позаботились, и я наконец нанесла тушь впервые за несколько дней, я могу попытаться вздохнуть, даже при том, что Портер разговаривает с другом семьи в нескольких шагах от меня.

Можно судить мужчину по тому, как он носит костюм. Он уверен в себе, потому что его костюм шит по его фигуре, убежден, что его задница на виду, а плечи подчеркнуты. Разглядывая Портера сверху-вниз, я могу сказать, что он уверенный в себе, гордый мужчина. Он держит свое пиво, схватившись за горлышко, а не за дно бутылки, его другая рука небрежно свисает в кармане, а язык его тела приглашает каждого. Он излучает секс и это убивает меня, только от одного наблюдения за ним издалека, интересно, что принесет сегодняшняя ночь, если он, конечно, захочет со мной поговорить.

— Если я не найду своего Поли, я могу закончить с Портером, — говорит Саванна.

сядясь рядом со мной. — Он невероятно сексуальный.

— Эм, конечно, — отвечаю я с небольшим дискомфортом.

— Я понимаю, почему ты переспала с ним.

— Извини? — страх и шок пробегают вниз по моему позвоночнику. — Саванна, где ты это услышала?

Она попутно делает глоток вина. Она никогда не пьет, если и пьет, то это бокал вина и все, но по ее расслабленным плечам, я могу сказать, что она выпила слишком много бокалов.

— Пол и я разговаривали об этом, когда ужинали. За то картофельное пюре можно было умереть. Не так ли?

— Уверена, что да. Предполагаю, что они разговаривали об этом с Портером прошлой ночью. Кажется, он случайно заговорил об этом.

— Кто, кажется, случайно заговорил об этом?

Я наблюдаю, как Саванна раскачивается под музыку, и если бы это была не ее свадьба, я бы ударила ее по лицу и напоила бы кофе, пока она достаточно не протрезвеет, чтобы рассказать мне всю информацию. Вместо этого, я тренируюсь в своем терпении пьяных людей.

— Портер был обычным. Я спросила его об этом. Он просто рассмеялся.

Рассмеялся? Мой взгляд падает на Портера, который все еще разговаривает с друзьями семьи. Он смотрит на меня, улыбается, а затем возвращается к своему разговору. Какого хрена он рассмеялся? Он отрицал это?

— Что же Портер сказал? Он отрицал все, что произошло?

Саванна хихикает.

— Нет, он сказал, что ты для него, как младшая сестра.

Видите пар, струящийся вокруг меня? Это потому что мой желудок закипает, как чайник прямо сейчас, и пар валит из моих ушей. Я готова взорваться.

Он сказал, что я для него младшая сестра? Ну, если это так, то мы занимались вчера весьма инцесуальными вещами.

— Когда Пол рассказал мне про вас двоих, я была супер взволнована, но он сказал мне расслабиться. Видимо, для вас двоих это просто интрижка, ну, по крайней мере, так сказал Портер. Ничего серьезного, просто немного повеселились.

Не злись на Саванну, она пьяна и это ее свадьба. Не бей ее, я повторяю, не смей бить ее, чтобы стереть этот оскорбительный намек на улыбку на ее лице.

— Просто интрижка? — спрашиваю я сквозь зубы.

— Полагаю, что так, но что за интрижка. Ты не могла выбрать наиболее идеального мужчину, ну, кроме Пола, чтобы поразвлечься с ним. Но развлекаться с Полом было бы отвратительно.

— Моя невеста!! — Пол пошатывается возле нас с пивом в руке и раскинутыми руками. — Ты великолепна. Я собираюсь завалить тебя сегодня ночью.

— Пол! Господи, — я вздрагиваю, пытаюсь стереть эту картинку из своей головы. Самым отвратительным способом, он высовывает свой язык в сторону Саваны и делает короткие, тошнотворные толчки, пока Саванна сидит перед ним и хлопает в ладоши. — Можете вы двое прекратить? Это становится раздражающим.

— Ты просто ревнуешь, потому что твоя интрижка с Портером закончилась, — говорит Пол, сядясь рядом со мной. Он щекочет мой подбородок и говорит, — Повеселилась с хорошим любовничком в поездке, сестричка?

Я совсем не против избить Пола. Я шлепаю по его руке и говорю:

— Не трогай меня и откуда ты нахрен знаешь об этом?

— Это было так очевидно. Мы с папой посмеялись над тем, как вы думали, что настолько умны, когда ускользали из трейлера. Мы не идиоты, Марли.

Смушение накрывает меня. Я могу справиться с тем, что знает Пол.... По большей части. Но мой папа? Это другая история. Я не хочу, чтобы он даже считал меня распутной женщиной.

— И ты разговаривал с Портером об этом? — выуживание информации из своего пьяного брата абсолютно нормально, особенно после того, как пришлось мириться с его психованным, маниакальным поведением.

— Да, он закончил с этим.

То, как Пол буднично сказал, что «Он закончил с этим», будто удар ножом в сердце. Прошлая ночь для Портера был последней попыткой? И если это так, то почему он обсуждал это с моей семьей? Почему он не отрицал этого? Сейчас я похожа на идиотку, которая не может держать свои трусики на месте.

— Ох! Я пролил пиво на свой пиджак! — визжит Пол. Наклонившись ко мне, он прижимает свой пиджак к моему платью.

— Что ты делаешь? — я пытаюсь отодвинуться, но Пол не позволяет мне.

— Использую твоё платье, чтобы промокнуть пиво, — он дышит прямо мне в лицо, влажный запах хлеба щиплет мой нос. — Это отвратительно, а ты просто подружка невесты... ты прислуживаешь мне.

— Отвали от меня, — я толкаю его, но он не двигается.

— Пиво, избавиться от пива, — бормочет он, прижимая пиджак к моему бедру, создавая очень неловкую ситуацию для нас обоих. — Пиво испачкало мой пиджак, Марли. Почему ты мне не помогаешь?

— Может, потому что твоё дыхание разрушает клетки моего мозга.

— Как будто их там много! — Пол смеется и поднимет свое пиво, прежде чем уронить его мне на колени. — Бум, бросок микрофона. (примечательно амер. термин, который означает бросок микрофона в конце выступления, чтобы показаться «крутым»)

Пиво разбрызгивается на моем платье и плещется на моих коленях.

— Пол, какого черта? — я бью его своим букетом, который он ловит своими руками и нюхает.

— Оу, ты чувствуешь себя уродиной? Не переживай, никто не подумает, что я пролил на тебя пиво, все подумают, что ты описалась.

— Чем это лучше?

Он смеется, во всю глотку ржет. Схватив мой маленький букет, он втыкает его мне в затылок, в качестве аксессуара для моих волос, и хлопает.

— Ни чем. Но этот букет божественен на тебе, — он поднимается надо мной, и кричит всем на свадьбе. — Эй все, не переживайте, я не проливал пиво на Марли, она просто описала свои трусики. У нее в детстве был слаборазвитый мочевого канал, теперь я понимаю, что у нее есть проблемы с этим. Не судите ее недержание мочи.

— Пол, тебе бы лучше заткнуться к чертовой матери прямо сейчас, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

В этот момент, я мечтаю о змеином яде, который бы выстреливал из моего рта, когда бы я не захотела. Я бы содрала кожу с лица Пола своей безумной змеиной сывороткой,

выстреливающей из моих взбешенных гланд.

— Не говори мне заткнуться на моей собственной свадьбе, — Пол спотыкается, когда понимается на свои шаткие, длинные ноги. Он тянет к своему боку Саванну и целует ее в голову. — Мы хотим поблагодарить вас всех, присутствующих здесь, несмотря на Марли, которая портит все своим представлением с недоразвитым мочевым каналом, мы не можем не сказать, что рады, что вы приехали. Прошлой ночью, я разговаривал с моим лучшим другом Портером об их отношениях с моей сестрой...

— Что ты делаешь? Сядь. Сядь сейчас же, — я тяну его за пиджак, но он просто пьяно отталкивает меня.

— Я думал у нас будет еще одна свадьба, но оказывается, это была только интрижка и он видит мою Марли не больше, чем младшую сестру, — слышится коллективное «ах!» в толпе. — Я знаю, мы были немного сентиментальными. Портер найдет свою одну единственную однажды. Марли, она превратится в старую-одетую-в-кардиган попрошайку со вставной челюстью. Но мы будет по-прежнему ее любить.

Пол поворачивается ко мне и снова щечочет мой подбородок. В этот момент, я хватаю его руку и скручиваю ее до того состояния, пока он не наклоняется и не кричит.

— Я сказала тебе заткнуться, — теперь я стою над ним, рука скручена достаточно, чтобы он почувствовал боль сквозь затуманенную алкоголем голову, пока чистая, убивающая драконов ярость выливается из меня.

— Марли, отпусти своего брата.

Папа держит пиво в своей руке... пиво!!!

— Пап, ты что пьешь?

— Портер дал его мне. Предложил мне расслабиться.

Портер вступает в резню МакМэннов, замыкая круг.

— Он казался напряженным из-за свадьбы Пола. Я подумал, что для него это будет неплохо.

— Он не пьет! — я ору, пока отпускаю руку Пола, который валится на землю, сжимая свои руки и поднимая их к небу, молясь Богу о своей жертве.

— Я всего-то выпил немного, Марли. Я взрослый мужчина. Я знаю, что я делаю.

Я поворачиваюсь к Портеру и тычу своим пальцем в его грудь. Он смотрит вниз на мое платье и делает худшую вещь, которую он вообще мог сделать в этой ситуации, он улыбается.

И после этого, меня переключивает. Катюшка жалких неудач пробегает в моей голове, когда мои плечи двигаются с моим интенсивным дыханием и моей вздымающейся грудью.

Бутылки с мочой, щетина, мужской туман, грязная ванна, тушь в лобковых волосах, ДНК в моих тенях для век, фланелевые рубашки повсюду.

Калейдоскоп клетки переполняет мои глаза, и я ощущаю, как мои поры наливаются кровью. Я выхватываю пиво из рук моего отца, поднимаю его над своей головой, с хриплым криком, который я могу описать, как комбинацию звуков возбужденной гиены и кошки во время течки, а потом швыряю бутылку на землю, едва не задев голову Пола.

Прежде чем я могу остановить себя, я направляюсь в сторону дома, где нахожу сумку с рубашками, которую я собрала, когда ранее убиралась в туалете в «Тэси», и несу ее на площадку для колки дров, на улицу. Бесконтрольно подергиваясь, со слюной, грозящей вытечь из моего рта, я хватаю топор и заносу его над головой, готовая к удару.

— Марли, опусти топор вниз и отойди от рубашек, — говорит Портер с вытянутыми

руками, будто хочет помочь.

— Пуговка, пожалуйста, опусти топор вниз. Мы можем обсудить все, что тебя беспокоит. Пожалуйста, не руби папину фланелевую рубашку.

Моя голова резко поворачивается к трем мужчинам, которые превратили меня в обезумевшую. Я опускаю топор вниз и перехватываю его одной рукой, пока подхожу ближе к ним, ко всем троим. Одновременно, они держатся друг друга, чтобы отступить на шаг назад, прикрывая свои промежности. Умный ход.

— Не измываться над вашими драгоценными-драгоценными рубашками? Об этом ты меня просишь? — они стоят молчаливые и испуганные. — Об этом? — спрашиваю я снова, размахивая руками.

Единственный смелый и тот мой отец, он делает шаг вперед, еле-еле, и протягивает свою руку, как будто пытается меня успокоить.

— Пуговка, почему бы тебе не опустить топор вниз?

— Не указывай, что мне делать, — кричу я, размахивая топором в воздухе, как банши. — Думаешь мне нравится быть похожей на сумасшедшего лунатика с недоразвитым мочевым каналом, букетом, торчащим из моей головы, и в «обоссаном» платье? — Пол собирается ответить, но я указываю на него топором, чтобы тот заткнулся. Он съезживается рядом с Портером, вынужденно прикрываясь его рукой для защиты. — Ну, я не знаю, очевидно, у меня не было выбора в этом вопросе, потому что благодаря вам троим, я потеряла уважение всех присутствующих на вечеринке.

— Разве это наша вина? — спрашивает Пол. За него говорит пиво, потому что в тот момент, когда вопрос вырывается из его рта, он визжит, а потом приподнимает пиджак Портера и накрывает им свою голову, представляя его, как плащ-невидимку.

— Я расскажу тебе, почему это ваша вина, тебе абсолютному упырю! — рявкаю я. — Я была в порядке, пока ты не пригласил его в наше маленькое путешествие, — я указываю топором на Портера. — Это должно было быть семейным опытом, но ты просто должен был пригласить Портера, не так ли? Ну, молодец, потому что теперь все разрушено, — я начинаю расхаживать взад и вперед, постукивая плоской частью топора по своей груди. — Я должна была догадаться, что все это закончится именно так. Идиотка Марли, маленькая сестричка думала, что у нее могут быть отношения с лучшим другом ее брата.

Голова Пола исчезает из-под пиджака Портера, и он встает во весь рост.

— У тебя были отношения с моей сестрой? Я думал, вы просто разговаривали. Ты... трахнул ее?

Не предупреждая, папа дает Полу подзатыльник.

— Не говори так о своей сестре.

Портер также бьет Пола и говорит:

— Да, не говори так о своей сестре.

Оправившись от подзатыльников, Пол размахивает своей рукой напротив Портера.

— Полагаю, ты должен был быть моим другом, не ее игрушкой?

Оба, папа и Портер, дают Полу подзатыльник.

— Не называй меня игрушкой, — заявляет Портер.

— Не оскорбляй своего друга, — папа упрекает.

Земля сходит с орбиты от такого обращения, когда Пол теряет все свои мозги и замахивается на затылок папы от чистого раздражения. На лес обрушивается тишина, а воздух становится густым, когда брови моего папы готовятся к битве.

— Ох, дерьмо... — Пол начинает бегать на месте, тряся руками перед собой, как будто он не может поверить, что только что сделал. Он делает огромный глоток воздуха и начинает орать со всех легких, «Аааааааааааааааа», и несется обратно на свадьбу, папа преследует его, придерживает штаны, уносясь прочь, оставляя меня наедине с Портером.

Портер делает глубокий вдох и шагает вперед ко мне, но я поднимаю топор вверх, прежде чем он успевает приблизиться.

— Даже не думай об этом.

— Послушай, Марли...

— Нет, это ты послушай, — визжу я. — Ты думаешь это какая-то забавная игра, в которую тебе нравится играть? Крутиться рядом с младшей сестрой Пола? Заставляя ее хотеть вещи, которых у нее не может быть? Ну, угадай что, Портер? С меня хватит! Я больше не играю в твою отстойную и закрученную игру. Ты сломал меня в прошлый раз, — мой голос становится пронзительней. Я могу почувствовать, как балансирую на грани безумия. Я на грани удариться головой об дерево, и единственное о чем я могу думать — не расплакаться от самокопания в своем двенадцатилетнем возрасте. Я раздуваю свою грудь, иду к месту для рубки дров и заносу топор над головой. Глядя на Портера, я говорю. — Ты мистер МакИдиот в идиотских штанишках, и я надеюсь, что твой член утонет в блевотине, и когда я говорю в блевотине, я имею в виду сперму, потому что члены производят сперму, они выблевают сперму полную детишек. Надеюсь, твой член утонет в молочной реке из младенцев, а потом заразиться инфекцией, потому что его собственные детишки, которых он выблевал, вообще-то заражены, из-за того времени, когда ты позволил зомби тебе отсосать. Твой член сосал зомби, и сейчас он тонет в своей собственной блевотине из зомби-ребятишек. Люди могут назвать это «Члено-блевотино-покалипсис». В википедии будет целая страница, посвященная твоему тухлому, вялому члену, который производит детишек, чтобы напугать друг друга в блевотине на самих себя, поэтому в дальнейшем это обернется в двойную рвотную проблему. Повсюду будет блевотина, и это из-за твоего члена! — я указываю топором на его член, а потом говорю, — Плохой член, очень плохой член! — я выкрикиваю последние слова, добавляя «да, да, да» в конце, взмахивая топором над своей головой, а потом разрубаю рубашку, которая лежит передо мной.

Удовлетворенная, я вытаскиваю букет из своих волос, бросаю в лицо Портера и убираюсь прочь в дом.

Определенно мой самый лучший поступок.

И теперь у вас есть это, начало конца. День, когда я потеряла разум, выбросила собственное уважение на ветер, и разрубила кучу фланелевых рубашек. Образно говоря, это ощущается, как будто я разрубила члены трех мужчин, которые превратили меня в такую. Но я стараюсь не думать об этом в таком смысле, потому что два из этих членов принадлежат моей семье, но тот, третий член, несмотря на его способность заставлять меня кричать таким способом, который привлекает животных, готовых к спариванию. Я наслаждалась его измельчением.

Устроила ли я сцену на свадьбе брата? Да, устроила, но иногда вы должны жить под девизом... #НикакихСожалений. Иногда вы должны игнорировать то, как воспринимают вас люди и делать то, что считаете правильным. Если это означает завершить прием на свадьбе брата боевым кличем каждому, кто слушает, а потом успокоится, в своем «обоссаном» платье, тогда идите на это. Каждому необходимо иметь моменты полного безумия в их жизнях. Время, когда ты не можешь сделать ничего, кроме как разломать все пополам,

размахивая руками в воздухе, и носясь по кругу, как безумный, с высунутым языком и безумием в глазах.

Черт возьми, вы были способны вести себя только, как ребенок, но как взрослый, вы должны придерживаться высоких, социальных стандартов, таких как держать свои ноги скрещенными на людях, не бросаться козявками за обеденным столом, и говорить «пожалуйста» и «спасибо» вместо, «Передай мне этот сироп, ты шлюха».

Как образцовый гражданин, который подбирает мусор на тротуаре, открывает дверь пожилым дамам, которые пердят, проходя мимо вас, я заслужила этот момент. После всего того, через что я прошла за последние несколько дней, я заслуживаю того, чтобы выкинуть свой рассудок в воздух для птиц, которые изгадят его. Когда у вас бывают такие моменты, вы абсолютно точно понимаете, о чем я говорю.

И знаете, что самое интересное? Люди узнают, насколько ты можешь стать абсолютно безумной и психованной в такой момент, что они забудут об этом и никогда не станут поднимать это снова, и знаете почему? Потому что это все означает быть взрослым, игнорируя психа, который выходит из себя, шагая вперед, как будто ничего не произошло, потому что однажды, они обнаружат себя в подобной ситуации и насладятся той же вежливостью от других.

Это то, что мы делаем лучше всего, как образцовые горожане. В лицо человеку, вы делаете вид будто ничего не произошло, а за его спиной, воспроизводите видео, которое вы записали с ним снова и снова.

Нет слов мудрости, которые я могу сказать вам, когда вы теряете способность жить по взрослым правилам, поэтому делайте все правильно, на полную катушку. С пеной у рта, высмеивайте, пинайте все то, через что проходите, разбивайте стены, разрезайте стог сена при помощи мачете, и узнавайте непонятные слова, пока подпрыгиваете вверх и вниз, лаская свои соски. Если вы сходите с ума, делайте это правильно.

КОНЕЦ.

Вообще-то нет, но если бы это на самом деле был конец, то, пожалуйста, скажите мне, что вы испытали от всего этого? Швыряете несколько стаканов воды, бьетесь головой об свое устройство для чтения, может быть, бросаете несколько смертельных угроз своей подушке? Я, по крайней мере, надеялась бы на это.

Глава 21

*****Портер*****

Бывает такой период в жизни человека, когда ты понимаешь, что нет желания взаимодействовать с кем-то, сделать шаг назад и осознать тот факт, что ты только что просрал все над чем работал всю жизнь.

Этим я и занимаюсь.

Сейчас утро понедельника. Марли уехала в аэропорт рано утром в воскресенье, сказав «пока» только своему отцу и Полу, прежде чем убраться отсюда. Меня не было в списке объятий, прежде чем она уехала. Виню ли я ее? Нет, ни капли.

Давайте проясним одну вещь, когда я сказал, что у нас с Марли была интрижка.... Этим

я хотел показать, что наши отношения не такое уж и большое дело, для ее отца и брата. Последнее, что мне было бы нужно, это их вмешательство в то, что бы ни было между нами. Когда я сказал Саванне, что Марли мне как сестра, это было до того, как она спросила о наших отношениях, и мы поговорили о ней просто, как о личности.

Думаю ли я, что Марли мне, как сестра? Блять нет, больше, чем лучший друг, лучший друг, которого я безумно люблю.

Я убираю свои руки подальше от козы, которую я сейчас дою, и кладу свои локти на бедра, руки складываю перед собой. Я наклоняю свою голову и пытаюсь стереть образ Марли из своей головы. Хоть платье, которое ее заставила надеть Саванна, было отвратительным, она все равно была великолепна, даже когда казалось, что она описалась в штаны, а ее букет украшал макушку ее головы, как будто это была звезда на верхушке рождественской елки.

Ночь перед свадьбой, дерьмо, я никогда не забуду то, как ее руки пробежали по моему телу, желание и потребность, разливающиеся в ней, то, как она выкрикивала мое имя, то, как я ее держал после всего, пока не попросил ее уйти. Сказать ей, чтобы она возвращалась в свою постель той ночью, было самой трудной вещью, которую я когда-либо делал.

В отчаянии, я хотел попросить ее остаться, не только на ночь, но и вообще не уезжать в Калифорнию. Я ломал мозг весь тот вечер, пытаюсь найти способ, чтобы все для нас получилось, но ничего не приходило на ум. Вместо этого, я отдалил ее от себя, в итоге, оттолкнул ее на три тысячи миль.

Из того, что я слышал, Пол извинился вчера перед Марли, прежде чем она уехала. Они смеялись над их «битвой» и списали все это на очередную резню МакМэннов. По крайней мере, она смогла уехать в нормальных отношениях со своей семьей. Я, это другой случай, я не удивлюсь, если она уехала с куклой вуду, копией меня, сделанной из моих волос и всего остального.

Понимая, что у меня впереди длинный день, я возвращаюсь к работе, дою коз, кормлю их и убираю в их стойлах. Берни ухаживает за урожаем на своем тракторе, одетый в порубленную фланелевую рубашку, любезность Марли, и рубашку с длинным рукавом под ней.

Прежде чем понимаю это, уже время обеда, и Берни зовет меня в главный дом сделать перерыв. Я умываюсь в раковине, затем сажусь перед тарелкой с двумя хот-догами и чипсами. Кое-что я забыл упомянуть — Берни не просто ест хот-доги в дороге, нет, он ест их почти что каждый день. Большую часть времени я пытаюсь обедать в одиночку, но начало недели всегда включает в себя поедание совместного обеда, за разговорами о том, что произошло за неделю. Всегда подаются хот-доги.

— Прохладное утро, ты не находишь?

— Ага, — я беру хот-дог и засовываю его в рот, пытаюсь не подавиться от поедания предмета фаллической формы, такое огромное количество раз за последние несколько дней. — Было немного инея на траве, когда я проснулся. Слышал, это означает, что будет суровая зима.

— Так написано в календаре, — подтверждает Берни, крошки от чипсов случайно падают на его бороду, которую он отрастил на зимний период.

— Как кукуруза? Готова к сборке?

— Практически. На подходе. У нас спелый урожай в этом году, тыквы больше, чем когда-либо. Мой друг Томас поможет мне с Тыквенным Полем и Тракторными гонками.

Если мы сможем подготовить все в этом году, то это может стать ежегодной традицией. Он на пенсии и ищет чем заняться, и я знаю несколько дам в городе, которые хотели бы продавать домашний, яблочный сидр и пончики. Это может стать началом традиции на ферме МакМэннов.

— Серьезно? — спрашиваю я, немного в шоке, услышав впервые идею о Тыквенном поле. — Я не знал, что ты собираешься открыть ферму для посетителей. Когда все началось?

Берни вытирает рот салфеткой, прежде чем заговорить.

— Я подумывал о способах расширения. Существует потребность у местных в Тыквенном поле, поэтому, когда ты начал работать со своим мылом, я начал мозговой штурм с Томасом.

— Но почему ты не взял меня? — меня немного ранило то, что я не был включен в идею о Тыквенном поле.

Положив хот-дог, Берни складывает руки перед собой.

— Портер, когда я увидел страсть, которая у тебя есть к Мылу для Мужчин, я знал, что это работает...

— Ты не знаешь этого, — я трясую головой. — Ты слышал Марли. Нет никакой чертовой надежды, что это вообще произойдет, учитывая, что сейчас происходит на рынке.

— Я люблю свою дочь, очень сильно, но она иногда может быть дурочкой. Она может и знает все тонкости индустрии красоты, но она знает это только о женщинах. Она не знает, что происходит в голове у мужчины... что мы ищем. Будет ли твое мыло продаваться в Уолмарте? Я не знаю. Я могу представить, как оно продается партиями в хипстерских магазинах, как Urban Outfitters? Да.

— Ты знаешь Urban Outfitters? — спрашиваю я, морща нос.

Берни смеется.

— Я провел свое исследование. Я верю в твой бренд, и знаю, что он пойдет. Ты просто должен иметь веру. Поэтому я начал подумывать о других способах, проведения своего времени на этой ферме. Другие способы, чтобы привлечь людей. Ты не обязан оставаться здесь надолго, Портер.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не понимаешь? Как только твое мыло взлетит, ты вероятно, должен будешь переехать ближе к производителю продукта. Тебе не обязательно жить на ферме вечно, сынок. Мне нужно найти новые способы проводить мое время здесь. Это именно то, что я делаю.

— Я не хочу переезжать, Берни. Ты нужен мне.

Берни хлопывает меня по плечу и улыбается.

— Я люблю тебя, Портер, но ты не только наемный работник здесь. Если ты не уедешь, когда «Педерсон Групп» выберут твое мыло, тогда я вышвырну тебя отсюда.

— Но...

Берни останавливает меня, прежде чем я успеваю закончить.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Моя дочь что-то значит для тебя?

Пот начинает появляться над моей верхней губой, от подаренного мне взгляда Берни.

— Что ты имеешь в виду?

— Это простой вопрос, Портер, — Берни делает глоток своего корневого пива. — Моя дочь что-то значит для тебя?

Это вообще-то не простой вопрос, но я не хочу вдаваться в детали с Берни.

— Ну, я знаю ее большую часть своей жизни, конечно, она кое-что значит для меня.

. — Не очень удачный ответ. В этом прошедшем путешествии, ты собирался разбить ее сердце?

— О чем ты говоришь? — спрашиваю я, моя нога трясется, а нервы почти на пределе.

— Вчера утром, перед ее отъездом, я держал ее за руку, пока она плакала. Она не сказала из-за чего она плачет или из-за чего так расстроена, но вчера, глядя ей в глаза, могу сказать, что это было связано с тобой. Когда вы трое были маленькими, Глория и я наблюдали за вашей игрой с крыльца. Мы попивали свое коренное пиво вместе и разговаривали о будущем, которое вас ожидает, когда ваши гормоны начали давать о себе знать. Глория всегда говорила мне, что она видит что-то между вами двумя, но я никогда не замечал этого. Так было до выпускного класса Марли в старшей школе, когда я заметил изменение твоего отношения к ней. Ты был не просто защитником, ты был собственником. И когда я подумал, что, наконец, что-то произойдет между вами двумя, Марли уехала в колледж, не оглядываясь.

Столько все было скрыто.

— Что-то было между вами тогда?

Я откашливаюсь и впиваюсь взглядом в свою тарелку, не в состоянии посмотреть Берни в глаза.

— Не совсем. В смысле, могло бы что-то быть, но я не позволил этому произойти. Не потому что я не хотел этого, а потому что я не хотел ее удерживать. Если бы я рассказал ей о своих чувствах, она бы бросила свою стажировку и осталась. Я не хотел, чтобы это произошло.

— Итак, ты принес жертву, ранив ее, но также и защитив ее, — я только киваю головой. — Это похвально. Так, что же произошло в этот раз?

Это такой неловкий разговор, но Берни решителен, и я знаю, что он не успокоится, пока не узнает все подробности.

— Я потерял контроль. Я окунулся в свои чувства, и прежде чем смог остановить себя, все зашло слишком далеко.

— Слишком далеко? — Берни поднимает брови в мою сторону, и я с трудом сглатываю.

— Эм, нам не стоит вдаваться в детали.

Тишина обрушивается между нами, и я не знаю что мне делать — бежать или засунуть остаток своего хот-дога в рот, — поэтому я затыкаюсь.

Наконец, Берни смотрит на меня с серьезным выражением на лице.

— Ты ее любишь, Портер?

Повзрослев, я быстро усвоил, что не зависимо от последствий, вам никогда не стоит лгать Берни МакМэнну, никогда. Он хороший человек...если ты честен с ним, то он менее вероятно станет убивать тебя. Поэтому я поджимаю свои яйца и выкладываю все карты на стол.

— Безумно, — я растираю руками лицо. — Я люблю ее так чертовски сильно, больно от того, что ее нет рядом, знать, что она уехала, не попрощавшись со мной, знать, что я испортил свой единственный шанс найти свою настоящую вторую половинку. Это медленно убивает меня.

Берни кивает головой.

— Так я и думал.

Из кармана своей рубашки он достает конверт и кладет его передо мной. Мое сердце

перехватывает в груди, когда я вижу хорошо знакомый почерк женщины, которая заботилась обо мне, как будто я был ее сыном. Я бросаю взгляд на Берни, который схватил меня за предплечье.

— Мама МакМэнн знала, что вы двое предназначены друг другу. Перед тем как уйти, она заставила меня дать обещание отдать тебе это письмо, когда ты, наконец, поймешь, что Марли твоя единственная. Прочитай его, и когда ты закончишь, я хочу знать, каким будет твой план по возвращению моей дочери.

С этим, Берни схватил свое коревое пиво и тарелки, и убежал в гостиную, где он щелкнул телевизором и начал смотреть спортивную статистику.

Я таращусь на письмо, больше не голодный, представляю, что написано в запечатанном, кремовом конверте.

Из гостиной орет Берни:

— Оно само себя не прочтет, мальчик.

Нуждаясь в некотором уединении, я забираю письмо, запихиваю его в задний карман, и отношу свою наполовину съеденную тарелку на кухню, где я ставлю ее на островок. Зная Берни, он, скорее всего, закончит ее за меня.

Когда я выхожу на улицу, я слышу, как захлопывается дверь за мной, и оглядываю ферму, землю на которой я вырос, дом, где я влюбился в Марли. Я могу представить ее немного неуклюжее тело, гонящееся за нами вокруг забора, пытаюсь не отстать. Я могу представить, как она обучает своих свиней, чтобы они стали лучшими на представлении, и я могу представить, как она расчесывает гриву своей лошади, Сникерса.

Куда бы я не посмотрел на ферме, я вижу Марли. Невозможно избежать ее, когда это место, где я научился любить ее.

Вместо того, чтобы вернуться в свою хижину чтобы прочитать письмо, я направляюсь к старой шине, которая висит на огромном дубе, который мы называли Дубок. Не судите меня, мы были не очень креативными тогда. Я прислоняюсь к стволу Дубка, после того как вытаскиваю письмо из заднего кармана. Я сажусь и кручу его в руках, немного нервничая перед прочтением. Если бы Пол был здесь, я бы читал его вместе с ним, но он уехал в свой медовый месяц с Саванной, что мне только на руку.

На лицевой части конверта написано «Портеру» идеальным почерком Мама МакМэнн. У нее была особенная ручка, она пользовалась ей только для определенных людей. Я могу сказать по надписи, что она использовала такую же ручку, даже для моего письма.

Любопытно, но страшно, я открываю письмо и раскрываю такой же кремовый листок бумаги. Я тру свою бороду, когда вижу, что внутри.

Я читаю первое предложение вслух.

— Мой дорогой Портер.

Блять.

Я сжимаю свои глаза, и наклоняю голову назад, вспоминая каким нежным образом Мама МакМэнн обнимала меня, когда бы я не подошел, то, как она сияла, когда наблюдала, как я играю с Полом, и то, как она относилась ко мне также, как и к остальным своим двум детям.

Когда я падал и царапал свою коленку, она была первой, кто накладывал повязку, и когда мне нужен был совет, как справляться с отцом, она сидела со мной под этим деревом и помогала мне разобраться, что значит принять правильно решение и неправильное. Когда у меня не было чистой одежды, она забирала ее в дом, где могла постирать ее для меня, и

когда у меня не было обеда, который я мог бы взять с собой в школу, потому что мой отец был слишком бесполезен, чтобы понять что я голоден, Мама МакМэнн засовывала мне в карман десятидолларовую купюру на всю неделю.

Эта женщина спасала мою жизнь день изо дня, пока была жива, и даже теперь, когда ее нет больше на этой земле, чтобы поцеловать меня в лоб, она все еще пытается спасти меня с помощью своих слов.

Желая прочитать, о чем она говорит, я делаю глубокий вдох и смотрю вниз на бумагу.

Мой дорогой Портер,

Если ты читаешь это письмо, то произошло две вещи, я не прошла свою химиотерапию и ты, наконец, понял, что вы с Марли созданы друг для друга.

Прежде чем перейти к Марли, я бы хотела поговорить о своей химиотерапии. Во-первых, я хочу поблагодарить тебя за то, что оставался рядом с Марли и Полом, когда я становилась слабой в последние несколько месяцев. Я никогда бы не стала просить лучшего друга для них. Во-вторых, я хочу сказать тебе, как сильно я люблю тебя за то, что ты навещал меня, когда я была слишком больна, чтобы вылезти из кровати, за то, что приносил мне суп и воду, когда я нуждалась в них, за то, что читал мне книги, когда они не являлись тем, что было необходимо читать тебе. Хоть я и не справилась со сражением, я все еще счастлива, что была способна провести эти последние драгоценные моменты с тобой.

Когда ты впервые пришел к нам на ферму, чтобы познакомиться, я моментально влюбилась в твои каштановые, растрепанные волосы, узловатые коленки и улыбку с ямочками. Так уж совпало, что вы с Полом были одного возраста и сразу же стали лучшими друзьями. Ты помог стеснительному, фермерскому мальчику превратиться в общительного, уверенного, хоть и истеричку, но мужчину. Мне грустно, что я не смогу наблюдать за вашей дружбой годами, но я знаю, что она будет постоянной в ваших жизнях, из-за связи, которую вы выстроили, когда были очень маленькими.

А теперь о Марли. Во-первых, она была той, кто ходит за всеми по пятам, кто раздражала вас мальчиков без конца. Я проводила много послеобеденных разговоров с тобой и Полом о том, как быть милыми с Марли и принимать ее в свои приключения. Помнишь, как я подкупила вас печеньем? В тот день, мне не было стыдно за то, что я делала, потому что это было бесценно видеть вас троих, играющих вместе.

Шли годы, и я заметила сдвиг в ваших отношениях. Ты был более дружелюбен с Марли, чем Пол. Ты считал, что это хорошо для нее — таскаться повсюду, играть, присутствовать в ваших великих приключениях на ферме. Я не думаю, что ты понимал это тогда, но я понимала, я видела это в твоих глазах. Марли для тебя была не просто сестра Пола, она была твоей половинкой. Человеком, с которым ты должен провести всю свою жизнь.

Я всегда думала о том, что вы двое принадлежите друг другу, в этом не было никаких сомнений в моей голове... ты просто должен был осознать это сам. А сейчас, когда ты читаешь это письмо, я надеюсь, что ты сделал это.

Итак, что ты собираешься делать с этим?

Единственный урок, которому я могу научить тебя в этой жизни, — это

хвататься за каждый день и не ждать, представляя, что могло бы быть. Портер, сын мой, жизнь коротка, прими себя таким, какой ты есть сейчас, отреагируй на свои чувства, даже если это означает поставить на кон свое сердце, потому что, если ты не сделаешь этого, ты всегда будешь представлять, какой могла бы быть жизнь, если бы ты использовал возможность.

Будь с моей малышкой, сделай ее счастливой, и подари ей такую любовь, которая, я знаю, приходит один раз в жизни. У меня было это с моим Берни. Раздели такой же вид непоколебимой любви с моей Марли.

Я люблю тебя, Портер. Я наблюдаю за тобой, целую эти расцарапанные коленки, и треплю твои непослушные волосы.

Люблю тебя всегда,

Мама МакМэнн.

Слезы текут по моему лицу, письмо тяжелеет в моих руках, когда я опускаю его вниз и смотрю на ферму. Что, блять, я должен теперь сделать?

Кто-то стучит в мою входную дверь, но я даже не удосуживаюсь ответить, потому что я знаю кто это, и знаю, что он может сам себя впустить.

После того, как я прочитал письмо Мама МакМэнн, я засунул его подальше в ящик для носков в конце рабочего дня, а затем забылся в одном из любимых напитков Пола, спасибо остаткам после его свадьбы. Ужин меня не волнует сегодня, все, что меня заботит сейчас — это попытаться напиться достаточно для того, чтобы не думать о принятии каких-либо решений о моем будущем.

— Не очень вежливо заставлять людей ждать на улице, — говорит Берни, направляясь к моему месту с тарелкой еды. Он усмехается, когда замечает пустые бутылки из-под выпивки на моем кофейном столике и мою задницу на полу, играющую старым, плетеным ковром, который сделала Мама МакМэнн, когда была молодой. — Как ты думаешь, чем ты занимаешься?

Я смотрю на бутылку с пивом, а затем протягиваю ее ему, чтобы он посмотрел.

— Пью. А что начет тебя?

— Не приемлемо, — Берни ставит тарелку с едой, хватая меня сзади за шиворот и поднимает с пола. Я не сопротивляюсь ему, потому что я никогда не сопротивлялся Берни. Вместо этого, я позволяю ему тащить меня на кухню к раковине, где он обливает мою голову холодной водой. — Я никогда не позволю тебе растрачивать попусту свою жизнь, как это делал твой отец. Ты слышишь меня?

— Да, — отвечаю я, между потоками воды на лицо.

Берни отпускает мою рубашку и пихает мне кухонное полотенце. Он делает шаг назад и перекрещивает руки на своей груди, став выше и немного пугающе, я не стану лгать.

— Что ты пытаешься сделать? Как распитие алкоголя поможет тебе с проблемой, которая у тебя сейчас есть?

Почему я чувствую, будто мне снова двенадцать, когда Берни поймал нас с Полом, распивающих пиво за сараем? Вероятно, это был один из самых страшных моментов в моей жизни. Мы больше не пили, пока нам не исполнилось по двадцать одному. У Берни была способность, одним взмахом брови, вселить весь страх Господний в вас. Это ужасно.

— Я надеялся забыть, — отвечаю я честно.

— Забыть? Ты веришь, что у алкоголя есть какая-то волшебная сила, которая сотрет все, что ты хочешь забыть? Срочное сообщение, придурок, ты можешь забыться, пока ты в отключке, но на следующее утро ты проснешься с головой, отдающейся в твоей заднице, а воспоминания о твоих проблемах нависнут над тобой. Единственный способ решить проблему — это посмотреть правде в глаза. Итак, скажи мне, что тебя так пугает, что ты почувствовал, что тебе необходимо дьявольски напиться?

Забавно он называет это, после того, как попробовал несколько дьявольских глотков на свадьбе.

— Моя проблема? Ну, я влюблен в твою дочь, тем вид любви, когда она поглощает тебя, что ты неспособен нормально функционировать, эм, она ненавидит меня, и мы живем на расстоянии трех тысяч миль.

— Я вижу единственную проблему в этом предложении. Ты живешь на расстоянии трех тысяч миль, но она решается с помощью билета на самолет.

— Все не так просто, — я расхаживаю взад и вперед. — Она не хочет со мной разговаривать, она даже не попрощалась со мной, когда уезжала. Она не желает ничего со мной, Берни. Я знаю, это моя вина, потому что я оттолкнул ее... я должен был оттолкнуть ее.

— Потому что ты испугался?

Моя голова дергается в его сторону, чтобы увидеть ухмылку на его лице.

— Я не боюсь.

— Да, так и есть. Ты сказал, что хотел спасти ее от пребывания здесь, но в реальности, ты спасаешь себя от движения через свою паутину безопасности. Единственный раз, когда ты не проводил время на этой ферме, был, когда ты помогал Томасу четыре года назад, но даже это был небольшой промежуток, после отъезда Марли. Ты вернулся и жил на этой ферме, никогда не выходя за пределы своего маленького круга, где были все твои знакомые. Ты боишься провала. Единственная причина, по которой ты отдал свое мыло на суд людей, это потому что я практически заставил тебя, — Берни держит меня за плечо и искренне мне говорит. — Я понимаю, Портер. Твой отец растрачивал ваши семейные сбережения, преследуя свою мечту, и когда они не оправдали себя, он заливал свои переживания выпивкой. Ты хочешь безопасности, ты хочешь комфорта. Это не удивительно. Но жизнь не стоит того, если ты никогда не поставишь на кон свое сердце, если ты не попробуешь что-то новое. Боль может быть кратковременной, «что бы могло быть» останется с тобой навечно. Не живи жизнью полной сожалений, Портер, из-за того, что ты боишься неизвестности.

— Но что если у меня не получится? — я слышу маленького мальчика в своем голосе.

Не мигая, Берни притягивает меня в объятия и говорит:

— Тогда я буду ждать тебя здесь. Только из-за того, что Марли моя дочь, это не делает тебя меньше моим сыном. Не имеет значения, что произойдет, я буду всегда ждать тебя здесь.

Глава 22

Марли

— Я рада, что ты стащила свою тушку с дивана, чтобы принять душ. Ты на самом деле начала пахивать в этой маленькой квартирке. Единственная причина, по которой это

место не пахнет, как сгнившая вагина в жаркий, солнечный день, потому что Мыло для Мужчин повсюду. Серьезно, мне нужно взять немного для Джонни.

Моя голова все еще остается на диванной подушке, но я поглядываю на мыло, которое появилось в понедельник, для тестирования. В тот момент, когда я открыла коробку, мои внутренности в животе будто ударили кулаком. Образы и воспоминания о Портере затуманили мой мозг, напоминая мне его слова, о том, как он обращался со мной на ферме, о последней ночи, которая у нас была.

После более тщательного изучения мыла, я заметила, что оно изготовлено в пригороде Нью-Йорка. Не надо быть гением, чтобы сложить два и два вместе. Реакция Портера на мое разглагольствование о мыле на целевом рынке, его способности заткнуть Пола, пока тот не проболтался, причина, по которой он был в Калифорнии, — он изготовитель Мыла для Мужчин, и мне не верится, что он не сказал мне об этом.

Вместо того, чтобы быть стервой-манипуляторшей и сообщить «Педерсон Групп», что мыло дерьмовое, я протестировала его, дала честную реакцию, и отправила ответ. Если бы я встречалась с мужчиной, который пользуется этим мылом, я была бы полностью его, как мотылек, летящий к пламени. Подобно моим путешествиям через всю страну, я не смогла остаться в стороне. Опять же, не это мыло привлекает меня в Портере, что было бы преимуществом, но то, что привлекает меня в Портере это... он.

Но это не имеет значения, потому что для него я жалкая, маленькая выскочка, которая гонялась за ним по все ферме. Я все еще пытаюсь понять, почему он подумал, что необходимо меня ввести в заблуждение, если ничего бы не произошло. Это была какая-то жестокая шутка для него и Пола, в которую они втянули друг друга? Нет, Пол не настолько жесток. Да, он использовал мою тушь, чтобы разукрасить свои яйца, но играть с моим сердцем, он бы не сделал этого.

— Ничего, если Джонни придет сегодня? — спрашивает Мариса, обнюхивая один из кусков мыла. — Я хочу принять ванную с ним и растереть все его тело.

— Мне плевать, что вы делаете, — отвечаю я, зарываясь головой в подушку.

— Ты вообще собираешься распаковываться? Я люблю тебя, ты знаешь это, наша квартира маленькая, а твоя сумка занимает большую площадь. Вся эта одежда грязная? — я слышу, как она роется повсюду, но не беспокоюсь о том, чтобы остановить ее. Если она хочет прикасаться к моему грязному нижнему белью, то она может это сделать. — Ты на самом деле выкинула свою палетку с тенями, потому что Пол плюнул в нее?

Мариса практически вылетела в Нью-Йорк, чтобы перерезать глотку Полу, когда я рассказала ей об этом. Все время, что Мариса прожила со мной, она выяснила, даже не смотря на то, что ты мой лучший друг, не связывайся с моей косметикой. Пол имел наглость испортить мою косметику, это непростительно для нее.

— Да. Кто знает, какие микробы есть у него во рту? Я не стану наносить это на свои глаза, чтобы заразиться какой-то разновидностью венерического конъюнктивита глаз. Я могу стерпеть многие вещи, но болезненная вагина на моих глазах — не то, с чем я могу справиться.

— Достаточно, — Мариса кивает, а потом продолжает копаться в моей сумке. — Ох, посмотри на это, любовное письмо!

— Что? — я смотрю на Марису, которая держит конверт в своей руке. — Дай мне его!

Я ударяю ее, но она перемещается в сторону.

— Это может быть от Портера? Если это так, у него немного девчачий почерк.

Я поднимаю свое тело с дивана и бросаюсь на нее, придавливая ее к полу. Спасибо моему детству, которое состояло для меня из постоянных попыток отобрать вещи обратно у Пола, я натренировалась в борьбе на полу. Я вытягиваю конверт из ее руки и смотрю на мое имя на лицевой части, написанное почерком моей мамы. Я сваливаюсь с Марисы на пол, пока таращусь на него.

— Ах, ты сучка! Думаю, ты растянула мой мизинец. Он мне нужен, чтобы щекотать анус Джонни. Мизинец только для него.

Я не отвечаю. Я просто смотрю, пока слезы затуманивают мой взгляд.

— Что происходит? Ты в порядке? — спрашивает Мариса, наконец, соображая о серьезности момента.

— Это письмо от моей мамы. Должно быть, мой папа засунул его в мою сумку, когда клал ее в багажник, пока я не уехала в аэропорт.

— Ты собираешься прочитать его? — Мариса оборачивает свои руки вокруг меня и крепко обнимает.

Когда мы встретились впервые, единственная вещь, которая нас связывала, — это потеря наших мам в юном возрасте и забота о хозяйстве в наших домах. Мариса понимает лучше, чем кто-либо, эмоции, которые я сейчас испытываю.

— Это должно быть важно, раз папа положил его в мою сумку.

— Может тебе стоит перезвонить ему.

Я качаю головой и встаю.

— Я собираюсь пойти и прочитать его в своей комнате, если ты не возражаешь.

— Вовсе нет. Если я понадобится, я буду здесь.

Я грустно улыбаюсь ей, а потом закрываюсь у себя в комнате. Я сажусь на кровать, спиной к изголовью, и ногами, перекрещенными передо мной. Телефон рядом со мной на тумбочке, и я подумываю позвонить папе, но потом передумываю и открываю конверт.

Фотография Портера со мной, когда мы были детьми, выпадает, также как и письмо. Перед прочтением письма, я рассматриваю снимок. Мы перед Дубком, прямо перед тем, как мама покинула нас. Я смотрю в камеру, держа в руках сердце, которое я вырезала из плотной бумаги, с надписью, которая гласит «я твоя», и рука Портера обнимает мои плечи, но он не смотрит в камеру. Он смотрит на меня с улыбкой на лице.

Я помню тот день, будто он был вчера. Мама только начала проходить химиотерапию и в качестве сюрприза для нее, когда она придет домой, мы решили сделать кучу валентинок для нее. Она вернулась домой раньше и была рада помочь нам. Она делала снимки с нами своим Полароидом весь день, этот один из них.

Фотография напоминает мне о хороших временах, которые были у нас до того, как мама покинула эту землю, о том, что я не могла свыкнуться с выражением в глазах Портера. Также он смотрел на меня на протяжении путешествия, на протяжении нашей последней ночи вместе, взглядом любви.

Удерживая фотографию у своего сердца, я открываю письмо моей мамы и читаю его.

Моя дорогая малышка,

Это одно из самых трудных писем, которое я когда-либо писала, потому что я знаю, если ты читаешь его, это означает, что я покинула тебя слишком рано в этой жизни. Мне пришлось оставить тебя, молодую без помощи матери на протяжении твоих юных лет. Меня убивает знание того, что я буду не способна увидеть тебя в твой выпускной вечер, в выпускной из старшей школы, или помочь выбрать твою

свадебное платье.

Пусть меня ранит то, что я пропущу такие важные шаги в твоей жизни, но я знаю, я вырастила красивую, уверенную в себе женщину, которая сможет позаботиться о себе в эти моменты, понимает, что я не очень далеко, что я останусь в твоём сердце, помогая и направляя тебя через этот запутанный, но все еще прекрасный мир.

Вероятно, тебе интересно, почему ты получила это письмо только сейчас, и почему в него вложена фотография тебя и Портера. Когда Портер появился в нашей жизни, я знала, он был кем-то особенным, немного грубоват по краям, но истинным благословением для нашей семьи. Когда он пришел познакомиться, он не просто обрел друзей, нет, он обрел дом. До самого конца, он всегда будет принадлежать нам.

Я наблюдала за тем, как вы трое росли вместе, гоняясь друг за другом по двору, и я имела честь на короткое мгновение увидеть, как что-то зарождается между тобой и Портером. Пол может и его лучший друг, но ты его настоящая половинка.

Портер особенный. Он вышел из грубого, семейного круга, но, несмотря на его ужасное воспитание, у него золотое сердце и его верность бескомпромиссная. Он милый, уважительный, и защитник. Я знала, когда он был рядом, ничего плохого с тобой никогда не произойдет, он никогда не позволит этому случиться.

Сейчас, ты находишься в таком периоде жизни, когда можешь увидеть его мужчиной, я знаю, он таким стал, верным, любящим, веселым и решительным мужчиной. Мне только жаль, что я не могу увидеть его таким, — мужчиной, которым я всегда знала он станет. У тебя есть выбор, малышка. Это письмо было передано тебе, потому что ты, наконец-то, обрела эту вселенскую силу, которая притягивает вас обоих. Это может быть страшно, и ты можешь быть непостоянной время от времени, но я могу сказать тебе, что отдавать свое сердце другому человеку, чтобы сберечь чувство, чтобы ничего больше не было ближе.

Если бы я могла что-то пожелать тебе — это влюбиться глубоко и безумно в человека, который будет относиться к тебе с уважением, который будет обнимать тебя в коварный час, который будет приносить тебе цветы, и который будет хвалить все твои достижения (я знаю, что у тебя их будет полно). Я хочу, чтобы он почитал тебя, мечтал с тобой, и усердно работал, чтобы сохранить и развивать ваши отношения.

Если мой список пожеланий выполниться с Портером (я чувствую, что это возможно), тогда прыгай, малышка. Влюбись в него, выбрось всю осторожность на ветер, и отдай всю себя этому. Не просто будь с ним, а объединись с ним, слейте ваши души в единое целое, чтобы даже не осталось ни единой части.

По сей день, я соединена с твоим отцом и всегда буду. Ты заслуживаешь того же. Я люблю тебя, милая. До самого конца, не имеет значения, куда тебя забросит жизнь, я буду с тобой.

Люблю тебя всегда и навечно.

Твоя мама.

Я едва могу видеть сквозь слезы, когда читаю последнее предложение. Мои всхлипывания захватывают все мое тело, я тону в своей кровати и хватаю телефон. Набираю

дом.

— Алло?

— Привет... пап, — я плачу в трубку.

— Привет, Пуговка. Ты нашла мамино письмо?

Я киваю, но он не видит этого, поэтому я пытаюсь успокоить свои эмоции и ответить ему.

— Да. Я не понимаю, почему получила его только сегодня?

— Милая, мне действительно необходимо отвечать?

— Пап, он ничего не хочет от меня.

— Он так сказал?

— Он не говорил этого, все было понятно по языку его тела. Сейчас это не имеет никакого значения. Я здесь, он там. К тому же, он забыл упомянуть о своем маленьком, мыльном проекте. Ты знал об этом?

— Я его финансировал, — отвечает отец прозаично.

— Иииии ты не подумал мне об этом рассказать?

— Никто не знал об этом, милая. Пол узнал об этом только несколько недель назад. Портер простой человек, он не любит говорить много о вещах, особенно, если он не уверен в них. Он хотел убедиться, что это надежный проект, прежде чем рассказывать всем о нем.

Я трясую головой, еще больше слез льется из моих глаз.

— И тут я, опустила все это прямо перед ним, даже не дав шанса. Что он, должно быть, подумал обо мне.

— Не переживай из-за этого сейчас. Скажи мне, как ты себя чувствуешь после прочтения маминого письма?

— Честно? Смущенной и опустошенной, — я смотрю на снимок, где я и Портер, и улыбаюсь сквозь слезы, любясь выражением наших лиц. Тогда все вещи были такими простыми.

— Это было ожидаемо. Я бы хотел жить ближе, чтобы иметь возможность обнять тебя. Прошло только четыре дня, а я уже хочу, чтобы ты вернулась домой.

— Иногда я думаю о том же, пап. Я представляю, какой была бы жизнь, если бы я никогда не уехала. Мне интересно были бы мы с Портером по-настоящему вместе, или ничего бы не получилось.

— Я собираюсь остановить тебя прямо сейчас, пока ты не на воображала себе обо всем. Марли, ты сделала что-то для себя. Ты рано уяснила, чем ты хочешь заниматься в своей жизни, и ты отправилась за этим, забивая гол за голом, и посмотри на себя сейчас. Ты успешный, красивый блоггер, который востребован крупными компаниями, для тестирования их продукции. Ты была достаточно храброй, чтобы пересечь страну самостоятельно, и ты была достаточно храброй, чтобы попрощаться с прошлым, к которому была сильно привязана. Я не мог бы быть более гордым, называя тебя своей дочерью, так что не на миг не сожалей о единственном принятом тобой решении, потому что это решение сделало тебя человеком, каким ты сейчас являешься.

Я была не готова к такому эмоциональному дню, во мне недостаточно влаги.

— Что мне теперь делать?

— Не мне об этом говорить, Пуговка. Ты выбираешь свою собственную судьбу.

Стук в дверь.

— погоди, пап, — я кричу на дверь. — Что случилось, Мариса?

— Эм, тут посылка для тебя.

— Можешь принести ее сюда, — я вытираю нос своим рукавом и возвращаю свое внимание обратно к телефону. — Извини из-за этого.

— Ничего. Эй, могу я перезвонить тебе? Томас на другой линии, а я пытался связаться с ним весь день.

— Ладно, конечно.

Я говорю папе, что люблю его и кладу трубку, моя дверь открывается, и когда я ожидаю увидеть Марису с посылкой, вместо нее я вижу Портера с сумкой поверх его плеча, цветами и маленьким, завернутым подарком в руке.

Мгновенно садясь и поправляя свой внешний вид, я говорю:

— Что ты здесь делаешь?

Мое сердце колотится в груди, когда я смотрю на него, закрывающего дверь перед Марисой, которая шевелит своими бровями, и бросающего сумку на пол. Он садится на край моей кровати и кладет подарок на мою тумбочку, вместе с цветами. Он красивее, чем когда-либо, в серых джинсах, стильных, коричневых ботинках и белой футболке. Его волосы зачесаны в сторону, красной кепки нигде не видно.

— Привет, Шарик, — он наклоняется и проводит пальцем у меня под носом. — У тебя немного тут сопلي текут, но я вытер их за тебя.

Я чувствую, как мое лицо становится красным, пока тыльной стороной ладони пытаюсь вытереть все, что он мог пропустить. Его ямочки выглядывают, когда он улыбается, и придвигается ближе, так что между нами едва ли есть фут.

— Портер, что ты здесь делаешь? — я спрашиваю снова.

— Ты уехала, не дав мне возможности подарить тебе кое-что. Почему ты собираешься испортить игру парня, такую как эта?

Я приподнимаю брови на него, его веселый нрав сбивает меня, вместе с маткой, сжимающейся от запаха, исходящего от него, и от того, как его мускулы перекачиваются под футболкой.

Схватив подарок и цветы, он протягивает их мне.

— Твоя мама всегда говорила, что девушки заслуживают запах весеннего утра, — мои глаза увлажняются, когда он кивает на подарок. — Открой его.

Наконец-то, он выглядит немного неуверенным, пока ждет, когда я открою подарок, поэтому я тяну время. Я бы хотела немного посмотреть на его терзания, после всего, что мы пережили.

При ближайшем рассмотрении, подарок не очень хорошо упакован, что заставляет меня смеяться, когда вижу, что он просто собрал все вместе, не утруждая себя подогнуть углы.

— Мило упаковано, — говорю я с сарказмом.

Смущенная, но все еще восхитительная улыбка пробивается через его бороду, когда он хватается за затылок.

— Не было большой практики в дарении подарков людям.

И просто так, мое сердце растворяется по частям и все, что я хочу — это обнять его.

— Открой его, — говорит он нервно.

Я открываю бумагу и открываю тонкую коробку. Под тонкой бумагой фоторамка, поэтому я вытягиваю ее и переворачиваю. Это простая черная рамка, но от того, что внутри, мне хочется плакать снова. Это селфи Портера на Ранчо Кадиллаков, а позади него, написанные им слова «Я принадлежу ей».

Слезы размывают мое зрение, когда я смотрю на него. Он протягивает руку к моей щеке и мягко говорит:

— Прости меня, Марли, за то, что заставил тебя подумать, что то, что между нами было последнюю неделю, было ничем иным, как интрижкой. Я был напуган, переживал отдать свое сердце тебе, когда был не уверен в своем собственном будущем. Интрижка далеко от того, что мы разделили, ну, по крайней мере, для меня, — он делает глубокий вдох и продолжает. — Взрослея, я всегда знал, что было что-то особенное в тебе. Так было, пока твоя мама не оставила мне это письмо, — он вытягивает письмо из своего заднего кармана и кладет его мне на колени, еще больше слез течет из моих глаз. — Тогда я осознал, что было этим особенным в тебе, — он хватается за мои руки и оставляет своими губами на них легкие поцелуи. — Эти руки, они были созданы, чтобы защитить мое сердце, направлять меня по жизни, и заботиться обо мне, как делала твоя мама.

Я могу почувствовать, как мое сердце бьется у меня в горле, когда он говорит, выворачивая свою душу передо мной. Неуверенность из-за неизвестности и мужество после маминого письма выливаются из него, пока он продолжает говорить со мной, крадя мое сердце с каждым словом.

— Этот снимок говорит обо всем. Когда я разговаривал с тобой на Ранчо Кадиллаков, ты помнишь, что я тогда сказал тебе? Что ты должна воспользоваться возможностью, чтобы заявить об этом моменте в своей жизни, оставить сообщение для путешественников со всего мира.

Я киваю головой, не способная говорить.

— Написанное не было определенным моментом в моей жизни, так я себя чувствовал с того дня, как встретил тебя. Ты для меня все, Марли. От девочки с хвостиком, которая преследовала нас повсюду, до женщины, какая ты теперь, я принадлежу тебе, — он касается своим лбом моего и нежно говорит. — Я безумно влюблен в тебя, Марли. Прости меня, что не сказал тебе этого раньше, но сейчас я здесь, надеюсь, что ты простишь меня за то, что я был таким грандиозным членом и не рассказал тебе о своих чувствах.

Положив фотографию назад на тумбочку, я делаю глубокий вдох и прыгаю, как моя мама сказала мне. Я хватаю его за щеки, удивляясь тому, как его борода ощущается под моими ладонями, и прижимаюсь к его губам своими. Я нежно целую его, наслаждаясь тем, как он расслабляется подо мной и выдыхает с облегчением.

— Я люблю тебя, Портер Смит. Всегда любила и всегда буду.

— Блять, я рад это слышать, — он нервно смеется. — Потому что мне нужно место, где остаться. Несмотря на то, что эта девушка однажды сказала мне, мое Мыло для Мужчин выбрали «Педерсон Групп».

Я кричу и обнимаю Портера, сбивая его с ног так, что он ложится поперек моей кровати.

— Серьезно?

Он ярко улыбается и кивает.

— Да, они влюбились в него. Полагаю, что кое-какой бьюти-блоггер восторгался по поводу того, что она вышла бы замуж за парня, который им пользуется.

Я смотрю на него скептически.

— Не думаю, что я использовала слова «выйдет замуж».

— Ну, у меня есть время, чтобы изменить это, — он подмигивает.

Я опять бросаюсь всем телом на него, бесконечно целую его, пока его руки работают

под несколькими слоями одежды, которую я одела.

— Это все реально сейчас? — спрашиваю я. — Ты на самом деле здесь?

— Да, малышка, — он пробегает губами по моей шее. — Ты так и не ответила мне, могу я переехать?

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Что? — он отстраняется, выглядя уязвленно.

Я пробегаюсь пальцами по его челюсти, пока говорю:

— Видишь ли, я планировала провести много часов в кровати с тобой, а при наличии соседки, мы можем подпортить ей настроение этим. Как насчет того, чтобы найти свое собственное место?

— Я не знаю, ты сможешь справиться с моей щетиной?

— А ты сможешь справиться с моей Особой Красной Точкой?

Смеясь, он снова меня целует.

— Я думаю, что это уже традиция.

Эпилог.

Марли

— Почему здесь так жарко? — жалуется Пол, размахивая одним из моих журналов перед своим лицом.

— Может, потому что ты решил съесть половину индейки, весь пирог, картофельное пюре и банку клюквы, — я указываю на его маленький, пивной животик.

Пол поглаживает свой живот и говорит:

— Должен соответствовать женушке.

— Ох, так в твоём животике тоже растёт малыш?

— Еда, да.

— Итак, через три месяца, когда Саванна родит твоего ребенка, что ты планируешь делать?

Пол даже не задумывается, когда говорит:

— Захвачу немного очистителя для кишечника и выдам самое большое дерьмо в своей жизни.

— Зачем я вообще спросила? — я закатываю глаза.

Портер наклоняется и целует меня в ушко, прежде чем прошептать:

— Убеждай сама себя в этом, малышка.

Мы живем в Калифорнии вместе больше года, варим мыло и пишем о нем блоги. Мыло для Мужчин продается, несмотря на мои ранние идиотские прогнозы. Поскольку мы живем в Лос-Анджелесе, мыло на самом деле было хорошо воспринято мужчинами-знаменитостями. Им нравятся натуральные ингредиенты, что не чувствуют ощущение пленки после него, и то, как оно пахнет — не могу винить их за это. Каждый раз, когда Портер выходит из душа, я должна напоминать себе, что он не секс-машина, раздающая оргазмы. Он, в самом деле, мужчина со здоровым либидо, которому нужно, по крайней мере, десять минут, прежде чем снова вернуться на женскую территорию.

Папа открыл Тыквенное Поле на ферме в прошлом году со своим другом Томасом, и это имело огромный успех. В этом году, они добавили Кукурузный лабиринт и Тыквенный

закон. Когда он не носится на ферме, он руководит своими наемными работниками, которые проводят каждое утро за доением коз для мыла Портера. На ферме дела идут лучше, чем когда-либо.

А теперь Пол. Он доказал всем, что у него на самом деле есть яйца, и оплодотворил свою жену. Он вывел детский вес на новый уровень, едя за пятерых. Портер не может устоять, чтобы не ткнуть его в животик, каждый раз, когда у него появляется возможность.

В этом году мы решили провести День Благодарения в Калифорнии, пригласив семью в гости впервые, после того как стали жить вместе. Для Пола все еще проблематично смотреть, как Портер целует меня, но он это переживает. Нет никаких шансов, что я останусь без его поцелуев, только потому, что Полу неудобно.

— У тебя есть Funyun? Мне нужно что-нибудь соленькое, — Пол поднимается и начинает осматривать всю кухню.

— Он чудесный, — Саванна улыбается и держится за свой животик.

Я бросаю взгляд на Пола, который нашел все наши запасы Funyun, и теперь сидит на нашем кухонном острове и поедает их, крошки падают на его рубашку и торчат из его бороды. У Саванны должно быть что-то вроде розовых очков, потому что нет ни единой возможности, что кто-то в здравом уме будет считать это милым.

— Это место действительно хорошо выглядит, — папа делает нам комплимент. — Мне нравится, что вы сделали с каминной полкой.

Я иду туда, где он стоит, и оборачиваю свою руку вокруг него. Над каминной полкой, мы повесили мамины письма, написанные для меня и Портера, в матовые рамки, а под ними мы добавили снимок Портера на Ранчо Кадиллаков, снимок, который отдала мне мама, и снимок того дня, когда Портер сделал мне предложение на пляже. Это небольшая ода нашим отношениям... в которых мы стали, тем кем являемся сейчас.

— Она бы гордилась тобой, Пуговка. Так чертовски гордилась бы тобой, — он целует меня в голову пять раз, а потом сжимает меня сильно, прежде чем позволить Портеру занять его место.

Взяв меня за руку, он целует мое обручальное кольцо и смотрит в мои глаза.

— Когда ты собираешься позволить мне сделать тебя Смит?

— Ты скажи мне, — я оборачиваю руки вокруг его талии, наслаждаясь ощущением его мышц под моими прикосновениями. В отличие от Пола, Портер влился в жизнь в ЛА, потерявшись в долгих пробежках по пляжу, без футболки конечно, и обучении серфингу. В его каштановых волосах появилось несколько светлых прядей от солнца, делая его еще горячее, а загар на его коже только подчеркивает мышцы еще больше. Он — сила, с которой стоит считаться, когда мы прогуливаемся вдоль набережной, угадайте что, дамочки? Он весь мой!

Когда я росла, я никогда даже не представляла, что обручусь с Портером Смитом, буду совместно делить с ним квартиру в Калифорнии, но мы сейчас здесь. Все, что потребовалось — это немного поощрения для Портера, чтобы он, наконец, перестал пытаться спасти меня и на самом деле спасти себя.

— Давай пойдем прямо сейчас в суд, я готов.

Я хихикаю в его плечо, когда он притягивает меня в объятия.

— Я не могу сделать это, ты знаешь почему. Как насчет весенней свадьбы на ферме, под Дубком? Таким образом, мама сможет быть с нами.

Портер приподнимает мой подбородок и целует слегка мои губы.

— Думаю, что это прекрасная идея.

Большая отрыжка отрывает нас с Портером друг от друга, когда чипсы летят в нас. Пол стоит в дюйме от наших объятий, уставившись на нас, и поедая Funyun из упаковки.

— Что за прекрасная идея? — спрашивает он, глядя между нами, луковое дыхание скатывается с его языка.

— Чувак, ты испортил момент, — Портер отталкивает его руку.

— Именно для этого я здесь, — Пол поворачивается к папе и бросает в него пачкой, пока вытирает свои пальцы об штаны. — Давайте сыграем в нашу «Хотели бы вы Funyun?».

Саванна, Пол и мой папа рассаживаются по кругу за столом, готовясь к эпическому сражению, пока я притягиваю Портера к своей груди для последнего поцелуя.

— Поцелуй меня, — говорю я, мои губы прямо рядом с его.

— С удовольствием, малышка.

Он хватается меня за подбородок своими большим и указательным пальцами и целует меня глубоко, работая своими губами по моим, небрежно скользя по ним языком.

— Мерзость, перестаньте, Марли. Я только что съел индейку, пожалейте парня.

Смеясь, я отстраняюсь и шепчу:

— Надеюсь, ты насладился этим поцелуем, потому что что угодно может произойти, после этой веселой игры. Готовься к провалу, Смит.

— Любовь не спасет меня в этой игре?

— Это единственное время, когда моя любовь не поможет тебе. Ты сам по себе, красавчик. Я надеюсь, что ты готов.

— Жестокая, — он улыбается, схватив меня за талию и притянув для еще одного поцелуя.

Это должно было стать длинным путешествием для нас, чтобы привести нас туда, где мы сейчас, но я бы не стала ничего менять в этом. Как сказал мой отец, решения, которые я приняла в своей жизни, слепили из меня человека, каким я являюсь сейчас. Я сильнее, более уверенная в себе, и счастливее, чем когда-либо. Портер украшает мою жизнь и учит меня, что любовь — это не только прожить свою жизнь с другим человеком. Как сказала моя мама, это соединить свою душу с другой.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net